

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

4

1967

СОДЕРЖАНИЕ

К 50-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

<i>Христо Христов</i> (НРБ). Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Болгарии (1917—1944 гг.)	3
<i>Генрик Малиновский</i> (ПНР). Влияние Октябрьской революции на польское рабочее движение (1917—1919 гг.)	17
<i>Никола Петровиц</i> (СФРЮ). Октябрьская революция и народы Югославии	31
<i>Зденек Шолле</i> (ЧССР). Великая Октябрьская социалистическая революция и возникновение Чехословакии	44

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

<i>Б. Н. Топорник</i> . Основные черты конституционного развития Чехословакии (после 9 мая 1945 г.)	58
<i>Б. Марков</i> (СФРЮ). О грамматическом роде «европеизмов» в южнославянских языках	68
<i>Н. Прокофьева</i> . Карел Пуркине и его место в чешском изобразительном искусстве XIX века	80
<i>В. Д. Корольюк</i> , <i>Е. Н. Голяховский</i> — иллюстратор чешской и словацкой литературы	92
<i>И. Савицкий</i> (ЧССР). Новая жизнь русской библиотеки в Праге (О судьбе книжного собрания А. Ф. Смирдина)	96

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Л. Б. Валев</i> . Новая и новейшая история Болгарии в трудах современных болгарских исследователей (1944—1966)	99
---	----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Игорь Бѣла.</i> Связи Льва Толстого с Польшей	106
<i>В. Р. Лейкина-Сеирская.</i> Wiktoria Sliwowska. Mikołaj I i jego czasy (1825—1855)	108
<i>С. Н. Злупко.</i> М. Д. Бичваров, В. С. Горський. Українсько-болгарські філософські зв'язки (друга половина XIX ст.)	110
<i>Л. Я. Гибианский.</i> Полезное издание	111
<i>И. К. Горский.</i> «Главные проблемы литературоведения» Г. Марковича	111
<i>Ю. Богданов.</i> А. Matuška. Rudolf Jašík	114
<i>И. К. Горский, А. В. Каллош.</i> Югославский ученый о романах польского писателя	116
<i>А. П. Соловьева.</i> «Literární archiv»	116
<i>А. И. Рогов.</i> Ryszard Łuźny. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska	118
<i>М. А. Михайлов.</i> R. Löttsch. Einheit und Gliederung des Sorbischen	119

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1966—1967 гг. (продолжение)	121
Содержание иностранных журналов	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Л. Я. Гибианский.</i> Научная конференция о международном значении Великой Октябрьской социалистической революции	126
<i>А. Мальдис.</i> Развитие белорусской славистики в области литературоведения	130
<i>Л. К. «Загадки Разума»</i> (Заметки читателя)	133
<i>Г. Венедиктов.</i> Заседание памяти В. М. Иллич-Свитыча	133

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Б. Я. ШМЕРАЛЬ
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон Б 1-27-40

Технический редактор Т. А. Михайлова

Сдано в набор 18/IV-1967 г. Подписано к печати 10/VI-1967 г. Тираж 1150 экз.
 Т-06262 Формат бумаги 70×108^{1/16} Печ. л. 11,9+1 вкл. Бум. л. 4^{1/4} Уч.-изд. листов 13,8 Зак. 2524

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ХРИСТО ХРИСТОВ

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В БОЛГАРИИ (1917—1944 гг.)

Великая Октябрьская социалистическая революция способствовала мощному развитию революционного движения в Болгарии. Во главе этого движения находилась Болгарская рабочая социал-демократическая партия (тесных социалистов). Тесные социалисты вели непримиримую борьбу против болгарской буржуазии и ревизионистов (общедельцев). После Октябрьской революции начался процесс перехода БРСДП (т. с.) на позиции ленинизма. Это имело большое значение для развития классовой борьбы и революционного движения в условиях возникшей в конце 1917 и начале 1918 гг. революционной обстановки в стране. Однако переход БРСДП (т. с.) на позиции ленинизма был медленным, длительным и неравномерным процессом. Первоначально он выражался только в солидарности с делом Октябрьской революции и принятии основных выводов В. И. Ленина об империализме и необходимости установления диктатуры пролетариата.

При первых же сообщениях об Октябрьской революции орган БРСДП (т. с.) «Рабочнически вестник» горячо приветствовал победу русских рабочих и крестьян. Текст Декрета о мире был принят по радиотелеграфу солдатами-тесняками и, по поручению ЦК БРСДП (т. с.), переведен на болгарский язык и широко распространен среди населения и фронтовых солдат. Парламентская группа партии внесла в Народное Собрание предложение о принятии предложения Советского правительства о заключении мира без аннексий и контрибуций. В подкрепление этого предложения были организованы массовые собрания в Софии и других крупнейших городах страны. Началась также широкая печатная и устная пропаганда идей Октябрьской революции¹.

В кампании за принятие предложений Советского правительства о заключении демократического мира и по распространению идей Октябрьской революции участвовали все члены партии, как рядовые, так и руководящие, во главе с членами ЦК. Среди тесных социалистов существовали полное единство в их отношении к Октябрьской революции и твердая решимость защищать и популяризировать ее великое дело.

¹ Х. Х р и с т о в. Революционната криза в България през 1918—1919 г. София, 1957, стр. 115; М. А. Б и р м а н. Революционна ситуация в България в 1918—1919 гг. М., 1957, стр. 50; В. Х а д ж и н и к о л о в. Борбата на съветското правителство за мир непосредствено след Октомврийската революция и партията на тесните социалисти.— «Исторически преглед», 1957, № 5.

Под влиянием Октябрьской революции усилили свою деятельность созданные на фронте тесными социалистами нелегальные солдатские комитеты. Под их руководством в ряде воинских подразделений начались волнения, причем выдвигались требования о немедленном заключении демократического мира. На участке фронта вдоль течения р. Серет и в дельте р. Дуная участились случаи братания болгарских и русских солдат.

Октябрьская революция привела в движение все общественные слои и политические силы в стране, которые выступали против политики буржуазно-монархического правительства Васила Радославова. Она содействовала превращению борьбы за мир в широкое народное движение, в котором участвовали рабочий класс, крестьянские массы, мелкая городская буржуазия и народная интеллигенция.

Под натиском охваченных негодованием крестьянских масс после победы Октябрьской революции руководство Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) перешло в оппозицию к правительству Радославова. В органе БЗНС, газете «Земеделско знаме» печатались статьи, призывавшие к заключению мира и проявлявшие положительное отношение к борьбе большевиков за свержение самодержавия и ликвидацию крупного феодального землевладения. Это дало повод правительству и командованию армии предпринять репрессии не только по отношению к тесным социалистам, но и к членам БЗНС².

Победа Октябрьской революции ускорила процесс созревания революционной обстановки в стране. Она указала трудящимся выход из империалистической войны и призвала их к борьбе против буржуазно-монархического правительства и его политики. Не считаясь с негодованием трудящихся, правительство продолжало проводить свою воинственную политику поддержки союза с немецкими империалистами. Конец этой политике могли бы положить только массовые антивоенные действия и открытая борьба за свержение буржуазно-монархического строя.

Одним из типичных проявлений массового народного антивоенного движения являлись так называемые «женские бунты». Усилилось также антивоенное движение на фронте. На борьбу за мир там поднялись целые воинские подразделения (роты, батальоны и полки)³.

Осенью 1918 г. в Болгарии сложилась крайне напряженная обстановка. Фронт болгарской армии был в Македонии прорван.

23 сентября из отступавших воинских подразделений в городах Берово, Пехчево и Царево-Село были сформированы первые вооруженные отряды и вспыхнуло Солдатское восстание. Повстанческие дружины направились к городам Кюстендилу, где находилась главная квартира болгарской армии, Горна-Джумае (ныне Благоевград) и Радомиру. Повстанческие дружины состояли из тесных социалистов, сторонников БЗНС, политически неорганизованных солдат и офицеров. Этим людям объединяла общая цель — свержение буржуазно-монархического правительства и заключение немедленного мира.

Несмотря на то, что правительство Малинова-Костуркова раньше объявило, что будет вести войну до полной победы, оно поспешно обратилось к Антанте с предложением заключить перемирие, чтобы направить все силы на подавление восстания. В помощь ему были предоставлены воинские подразделения 217-й немецкой дивизии, прибывавшие в то время в

² К. Кожухаров, Н. Георгиев, Д. Димитров. БЗНС и Великата Октомврийска социалистическа революция. София, 1957, стр. 42.

³ «Великата Октомврийска социалистическа революция и революционните борби в България през 1917—1919 г.». Сборник от документи и материали. Под редакцията на проф. Х. Христов. София, 1957, стр. 282.

Софию. Свои услуги предложили правительству и американские империалисты. При посредничестве американского консула в Софии Мэрфи в Салоники отправилась болгарская делегация, которая 29 сентября подписала перемирие с главнокомандующим армией Антанты на Балканах.

Тем временем из Кюстендила, Горна-Джумаи и Радомира, в котором Райко Даскалов 27 сентября провозгласил республику (президентом ее был объявлен лидер БЗНС Александр Стамболийский, а главнокомандующим повстанческими войсками — Райко Даскалов), повстанческие войска направились в Софию ⁴.

Солдатское восстание было подготовлено длительной активнейшей деятельностью БРСДП (т. с.) на фронте. Оно явилось непосредственным отзвуком победы Великой Октябрьской социалистической революции, идеи которой пропагандировала партия тесных социалистов. Недаром народ назвал повстанцев «большевиками».

Однако восстание застало БРСДП (т. с.) неподготовленной к политическому и военному руководству народными массами. Накануне Солдатского восстания тесные социалисты продолжали считать, что перед Болгарией не стоит задача непосредственной подготовки социалистической революции. Они также считали, что создание демократической республики в Болгарии, такой какой она была провозглашена в Радомире, не являлось задачей болгарского рабочего класса. Они не усвоили ленинского лозунга о сочетании борьбы за социализм с борьбой за демократию или, как говорил Георгий Димитров: «Не имея ленинского понимания о своеобразии революционного процесса в различных странах, соотношении и организационной связи борьбы за демократию с борьбой за социализм, наша партия считала, что в наступающую эпоху социальной революции лозунг о народной республике как неспецифически социалистический лозунг не может быть выдвинут марксистской партией» ⁵.

Оставшееся без должного политического и военного руководства Солдатское восстание не смогло перерасти в общенародное восстание против буржуазно-монархической власти и было подавлено. Однако оно серьезно потрясло основы буржуазно-монархического строя и показало, что в народных массах созрели глубокое недовольство существующим положением и готовность к вооруженной борьбе.

Солдатское восстание вызвало панику не только в лагере болгарской буржуазии. Оно серьезно испугало и англо-американских империалистов. «Возьмите Болгарию, — подчеркнул В. И. Ленин в своем выступлении 8 ноября 1918 г. — Казалось бы, что такая страна, как Болгария, колоссу англо-американского империализма ведь страшна быть не могла. Однако революция в этой маленькой, слабой, совершенно беспомощной стране заставила англо-американцев потерять голову и поставить условия перемирия, которые равны оккупации» ⁶.

Солдатское восстание было первой вооруженной попыткой свержения буржуазно-монархической власти в Болгарии. Оно было выражением возникшего революционного кризиса в стране, длившегося с известными временными перерывами до конца 1924 г. Основным вопросом, подлежащим разрешению в ходе развития классовой борьбы и революционного движения в стране в эти годы, был вопрос о свержении буржуазно-монархического строя и об установлении нового, социалистического строя под влиянием и на основе опыта Великой Октябрьской социалистической революции.

⁴ К. Кожухаров. Радомирска република 1918—1948. София, 1948, стр. 17; Х. Христов. Войнишкото въстание 1918. София, 1951, стр. 67.

⁵ Г. Димитров. Политически отчет на ЦК на БРП(к) пред V конгрес на партията. София, 1950, стр. 18.

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 160.

После первой мировой войны с большой силой выявилось главное, антагонистическое противоречие в экономической и политической жизни страны — противоречие между буржуазией и рабочим классом. Война создала предпосылки для роста рабочего революционного движения; Октябрьская революция указала путь свержения буржуазного господства и установления новой, народной власти. После первой мировой войны рабочий класс был главной движущей силой исторического прогресса, носителем идей построения нового, социалистического общества.

Характерной особенностью революционного кризиса в Болгарии в период с конца империалистической войны до 1924 г. включительно было то, что важную роль в развитии событий играли крестьяне, руководимые БЗНС. В условиях послевоенного революционного кризиса БЗНС стал одной из основных политических сил в стране. БЗНС придерживался программы устранения «бед» капитализма посредством проведения ряда демократических реформ и установления самостоятельной «крестьянской» власти. Однако опыт развития классовой борьбы в Болгарии показал, что без руководства рабочего класса крестьяне не могут успешно бороться против капитализма; они не могут иметь и свою прочную самостоятельную «крестьянскую» власть.

После окончания империалистической войны БРСДП (т. с.) поддержала инициативу о созыве Учредительного конгресса Коммунистического Интернационала. К числу восьми партий и групп, подписавших призыв к созыву конгресса, принадлежала Балканская рабочая социал-демократическая федерация, в которую входила и партия тесных социалистов.

К моменту вступления в Коммунистический Интернационал БРСДП (т. с.) была внутренне монолитной партией. Но единство партии в это время не означало, что она уже преодолела слабости теснячества. В острых классовых битвах ей предстояло вырасти в партию нового, ленинского типа.

Одним из важнейших шагов БРСДП (т. с.) по пути ее превращения в ленинскую партию был созыв и работа XXII съезда, который стал I съездом Болгарской коммунистической партии (т. с.). Он происходил в обстановке массового революционного подъема в стране и состоялся в конце мая 1949 г. в Софии. На нем было представлено 600 партийных организаций и групп, насчитывающих свыше 25 000 человек.

На I съезде БКП (т. с.) было принято новое название партии, принята «Программная декларация», в которой давалась характеристика империалистической стадии развития капитализма, указывались средства и формулировались конечные цели революционной борьбы⁷.

«Программная декларация» не отменяла программы партии, выработанной до первой мировой войны, она не была также простым дополнением к ней. Она отразила перемены, наступившие в ходе развития болгарского революционного движения с конца войны, и, следовательно, — влияние Октябрьской революции.

После I съезда БКП (т. с.) усилилась борьба трудящихся Болгарии против антисоветской интервенции империалистов Антанты. Потерпев на юге Украины неудачу в прямых действиях против Красной Армии, империалисты Антанты решили бороться против Советской власти с помощью белогвардейцев армии Деникина. С этой целью они усилили отправку оружия и боеприпасов деникинцам, используя и болгарские черноморские порты. Они оказывали давление на болгарское правительство с тем, чтобы ак-

⁷ «БКП в резолюции и решения на конгрессе, конференции и пленуме на ЦК», т. II, 1919—1923, София, 1957, стр. 13.

тивно вовлечь Болгарию в антисоветскую интервенцию, используя анти-советские настроения крупной болгарской буржуазии.

Поддержка, которую болгарская буржуазия оказывала империалистам Антанты в ее попытках задуть Советскую власть, вызвала широкое недовольство болгарских трудящихся. Организатором борьбы против контрреволюционной политики правительства была Коммунистическая партия. По ее инициативе по всей стране устраивались собрания протеста против антисоветской интервенции. Активную деятельность развернули члены и единомышленники партии среди русских военнопленных в Болгарии с целью срыва отправки их «добровольцами» в армию Деникина. Рабочие черноморских портов отказывались грузить оружие, предназначенное для русских белогвардейцев⁸.

Наряду с движением болгарских трудящихся в защиту Советской России от интервенции империалистов Антанты, болгарские трудящиеся, находящиеся в Советской России, выполняли свой интернациональный долг перед молодой Советской республикой, встав в ряды ее защитников (военнопленные, болгары-огородники и др.)⁹.

Обострение революционной обстановки в Болгарии после I съезда БКП (т. с.) достигло своего апогея во время большой стачки железнодорожников в конце 1919 — начале 1920 г. 24 декабря 1919 г. БКП (т. с.) организовала мирную демонстрацию протеста против тяжелого продовольственного положения в стране, за отмену военного положения и восстановление политических свобод, против помощи империалистам Антанты и русским контрреволюционерам. Правительство запретило демонстрации, но вопреки этому они состоялись по всей стране. Тогда правительство распорядилось уволить со службы всех государственных, окружных и муниципальных служащих, принимавших в ней участие. В ответ на это 25 декабря забастовали железнодорожники Софии. Стачка железнодорожников переросла во всеобщую забастовку работников транспорта¹⁰.

Образование правительства БЗНС в 1920 г. привело к ослаблению революционного кризиса в Болгарии. Теперь борьба за власть между буржуазией и пролетариатом проходила в обстановке политического господства мелкобуржуазных сельских масс.

В годы управления БЗНС продолжался процесс укрепления революционных сил в Болгарии. Коммунистическая партия сделала новые шаги по пути большевизации. Особенно важным был в этом отношении III съезд партии, состоявшийся весной 1921 г. На нем была воспринята идея установления союза рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса, выработана аграрная программа партии.

К сожалению, Коммунистическая партия не сумела своевременно и творчески применить ленинское положение о союзе рабочего класса и крестьянства в борьбе против капитализма. Она недооценила значение демократических реформ БЗНС и тем самым лишилась возможности объединить действия обеих партий в борьбе против крупной буржуазии. Партия выдвигает

⁸ Д. К о с е в. Борбата на българския трудов народ под ръководството на БКП (т. с.) в защита на Съветска Русия през 1919—1922 г.— «Исторически преглед», 1954, № 5, стр. 31; Х. Х р и с т о в. Борбата на българския народ в защита на Съветска Русия против подпомагането на Деникиновата контрреволюционна армия.— «Исторически преглед», 1957, № 5, стр. 43; Ц. Н и к о л о в. Дейността на БКП в защита на Съветска Русия 1917—1922. София, 1960.

⁹ Д. Т и ш е в, П. П а н а й о т о в. Революционна дейност на българци в гр. Одеса през 1917 г.— «Исторически преглед», 1957, № 5, стр. 72; М. А. Б и р м а н. Към въпроса за участието на българци във Великата Октомврийска социалистическа революция и гражданската война.— «Исторически преглед», 1957, № 6, стр. 32.

¹⁰ Х. Х р и с т о в. Транспортната стачка.— «Известия на Института за българска история», 1954, кн. 5, стр. 3.

ла на первый план лишь свою программу-максимум и таким образом затрудняла сочетание борьбы за демократию с борьбой за социализм. БЗНС со своей стороны вел борьбу не только против крупной буржуазии, но и против рабочего класса и Коммунистической партии.

Однако в отношениях Коммунистической партии и БЗНС в период его самостоятельного правления имелись и положительные моменты. В решении некоторых конкретных задач борьбы против внутренней и международной реакции было установлено даже единство действий. Это имело место при проведении референдума в связи с преданием суду виновников национальной катастрофы. Другим важным проявлением единства действий БКП и БЗНС была их совместная борьба против врангелевцев и третьим — оказание помощи пострадавшему от голода советскому населению Поволжья¹¹.

Не имея сил справиться с нарастающим революционным движением в стране в годы правления БЗНС, болгарская буржуазия отказалась от принципов буржуазной демократии и пошла по пути восприятия идей фашизма. Были созданы тайные фашистские организации, приступившие к подготовке военно-фашистского переворота с целью восстановления политического господства буржуазии. Это было новым явлением в политической жизни страны, что объективно облегчало объединение антикапиталистических и демократических сил для общей борьбы против крупной фашизирующей буржуазии. В такой обстановке был подготовлен и осуществлен 9 июня 1923 г. военно-фашистский переворот и вспыхнули два вооруженных антифашистских восстания — Июньское и Сентябрьское.

После переворота 9 июня в Болгарии наступил период обострения классовой борьбы, который длился два года (1923—1924). Захват власти крупной буржуазией обострил революционный кризис, наступивший в стране в конце первой мировой войны.

Несмотря на то, что Болгарская коммунистическая партия значительно продвинулась по пути перехода на позиции ленинизма, она допустила ошибку при оценке причин и характера переворота 9 июня. Ошибка заключалась в том, что ЦК БКП охарактеризовал переворот как борьбу между городской и сельской буржуазией, в которой партия должна была соблюдать нейтралитет. Эта неправильная позиция позволила фашистской буржуазии подавить Июньское восстание, которое вспыхнуло после военно-фашистского переворота¹².

Правительство А. Цанкова, образованное после переворота 9 июня, поставило целью разгромить Коммунистическую партию и революционные профсоюзы. Были арестованы и преданы суду или убиты многие известные деятели партии. Партийные клубы были закрыты, были введены меры, препятствовавшие нормальной деятельности БЗНС. Многие его члены были арестованы, а виднейшие из них, в том числе Райко Даскалов и Александр Стамболийский, убиты.

Одновременно с этим началось наступление на жизненные интересы трудящихся: произвольно нарушались социальные законы, изданные в результате продолжительной борьбы рабочего класса в защиту своих интересов, увольнялись наиболее прогрессивные рабочие, не соблюдался восьмичасовой рабочий день, была снижена зарплата рабочих и пр. Землевладельцы, пострадавшие в результате аграрной реформы БЗНС, воз-

¹¹ В. Х а д ж и н и к о в. Помощта на българския народ за пострадалите от глада в Поволжието през 1921 г. — «Исторически преглед», 1952, № 3, стр. 251; Г. И. Ч е р н я в с к и, Д. Д а с к а л о в. Борбата на БКП против врангелисткия заговор. София, 1964.

¹² И. М и т е в. Фашистският преврат на 9 юни 1923 г. и Юнското антифашистско въстание. София, 1956.

вращали себе отнятые земли, присваивая в то же время и урожай, собранный крестьянами.

Наступление фашизма против Коммунистической партии и жизненных интересов трудящихся вызвало огромную волну возмущения и гнева по всей стране. Народные массы решительно заявили о своей готовности подняться с оружием в руках на защиту своих интересов и Коммунистической партии. В стране наступил период революционного подъема.

5—7 августа состоялось заседание ЦК БКП, на котором было принято решение приступить к подготовке вооруженного восстания с целью свержения фашистской власти. Важную роль в политической подготовке восстания и в деле популяризации идеи единого антифашистского фронта сыграли статьи Георгия Димитрова, опубликованные в газете «Работнически вестник» в конце августа и начале сентября¹³.

Одновременно с политической подготовкой восстания велась и его военно-техническая подготовка. С этой целью при ЦК партии был создан военно-технический комитет, который выработал план восстания для всей страны. Окружные комитеты партии разработали детальные планы восстания в соответствующих округах. Началось усиленное вооружение членов партии и членов Союза коммунистической молодежи, который без колебаний поддержал решение о подготовке вооруженного восстания.

20 сентября состоялся пленум Центрального комитета партии, который решил начать восстание в ночь с 22 на 23 сентября. Цель восстания была ясно определена — свержение фашистского правительства А. Цанкова и установление рабоче-крестьянской власти¹⁴. В решении Центрального комитета предусматривалось образование Центрального военно-революционного комитета. Членами комитета были избраны В. Коларов, Г. Димитров и секретарь Окружного комитета партии г. Враца — Гаврил Генев. Предусматривалось включение в Центральный военно-революционный комитет и представителя БЗНС.

В соответствии с решением Центрального комитета партии в ночь с 22 на 23 сентября вспыхнуло восстание в Северо-Западной Болгарии. На захваченной повстанцами территории была установлена рабоче-крестьянская власть, которая развернула активную деятельность в поддержку восстания.

Одновременно на борьбу против фашистской власти поднялись трудящиеся Пазарджикской, Пещерской, Поповской, Карабунарской (Грудовской), Новопазарской, Разлогской, Ихтиманской и других околий страны. Вследствие провала военно-революционного комитета, в Софии восстания не произошло. Не восстали и трудящиеся ряда других крупных центров страны: Пловдива, Русе, Плевена, Шумена, Варны, Бургаса и др. Это обстоятельство дало фашистским властям возможность маневрировать и направлять правительственные части и «шпиц-команды» в самые опасные районы страны. К 29—30 сентября сопротивление повстанцев было сломлено. Число жертв белого террора составило несколько тысяч. Были сожжены и разграблены сотни сел.

Сентябрьское восстание 1923 г. потерпело неудачу вследствие того, что Коммунистическая партия допустила ряд ошибок как непосредственно при подготовке восстания, так и на протяжении всего периода революционного кризиса в Болгарии после первой мировой войны. Поражение восста-

¹³ Д. К о с е в. Септемврийското въстание в 1923 г. София, 1954; С. П е т р о в. Септемврийското въстание в 1923 г. и болшевизацията на Българската комунистическа партия. София, 1960.

¹⁴ «БКП в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК», т. II, стр. 331.

ния объяснялось недостаточной большевизацией партии. В частности, Коммунистическая партия не видела в лице трудящегося крестьянства союзника рабочего класса в борьбе против капитализма. Она не сумела установить широкой координации и единства действий с БЗНС. Ответственность за это несли и руководители БЗНС, которые вели борьбу на два фронта — и против крупной буржуазии, и против рабочего класса и его партии. Когда было принято решение об объявлении восстания, Коммунистическая партия не сумела создать единый фронт всех антифашистских сил в стране. Некоторые партийные организации не преодолели до конца ошибочной тактики нейтралитета, которой партия придерживалась во время переворота 9 июня. Партия не вела достаточной работы по разложению армии и привлечению ее на свою сторону.

Сентябрьское восстание потерпело поражение, но, несмотря на это, оно сыграло исключительно важную роль в развитии революционного движения в Болгарии. В совместной борьбе против фашизма в дни Сентябрьского восстания были заложены основы революционного союза болгарского рабочего класса и трудового крестьянства, который был необходимым условием и предпосылкой победы социалистической революции 9 сентября 1944 г.

Сентябрьское восстание 1923 г. было первым организованным антифашистским восстанием во всем мире. Оно указало на необходимость ведения непримиримой борьбы против наступления фашизма. Борьба против фашизма в Болгарии имела не только внутреннее, но и международное значение. На защиту повстанцев и жертв белого террора поднялись трудящиеся Советского Союза и представители прогрессивной интеллигенции европейских стран. Опыт борьбы против фашизма в Болгарии в дни Сентябрьского восстания учитывался коммунистическими партиями других стран и Коммунистическим Интернационалом¹⁵.

После Сентябрьского восстания Коммунистическая партия, отстаивая идеи Октябрьской революции, вела упорную борьбу не только против фашистской реакции в стране, но и против левосектантского уклона и ошибок, появившихся в партии во время мирового экономического кризиса 1929—1934 гг. Большая заслуга в преодолении левосектантства в БКП принадлежит Георгию Димитрову, вновь возглавившему партию после Лейпцигского процесса. На этом процессе как настоящий пролетарский революционер Г. Димитров смело выступил не только в защиту революционной чести болгарского рабочего движения, но и Коммунистической партии Советского Союза. Он твердо верил в великое и непобедимое дело Октябрьской революции, и эта вера являлась для него неисчерпаемым источником революционной инициативы.

В период правления Народного блока (1931—1934 гг.) в Болгарии продолжала развиваться тенденция сращивания промышленного капитала с банковским и укрепления позиций финансового капитала. Вместе с тем возрастала зависимость Болгарии от иностранной империалистической буржуазии. Рост мощи финансового капитала, с одной стороны, и усиление революционного движения в стране в годы экономического кризиса, и в частности в период правления Народного блока, с другой, заставили болгарскую буржуазию искать новые способы сохранения своего классового господства. Так, был задуман и осуществлен переворот 19 мая 1934 г., имевший своей целью укрепить позиции финансового капитала¹⁶.

¹⁵ Д. К о с е в. Международното значение на Септемврийското въстание през 1923 г. София, 1964.

¹⁶ «История на България». Т. III, София, 1965, стр. 252; Ж. Н а т а н, Л. Б е р о в. Монополистическият капитализъм в България. София, 1958, стр. 87.

Все политические партии были распущены, была отменена Тырновская конституция.

После недолгого правления руководителей майского переворота в Болгарии была установлена монархо-фашистская диктатура.

Отстранение от власти буржуазных и мелкобуржуазных партий и наступление национального и международного финансового капитала на интересы трудящихся и некоторых слоев средней буржуазии создали условия для объединения широких демократических и антифашистских сил страны под знаменем борьбы против монархии и фашизма. Накануне второй мировой войны в Болгарии сложились условия для подъема революционного движения, для подготовки массовой борьбы против диктатуры монархо-фашистской буржуазии. Успехи советских рабочих и крестьян в социалистическом строительстве, достижения советской науки и культуры воодушевляли болгарских трудящихся в борьбе против монархии и фашизма. Непосредственно перед второй мировой войной в Болгарии развернулось широкое движение за дружбу с Советским Союзом, выразившееся в создании массовых болгаро-советских обществ.

Экономическое развитие Болгарии накануне второй мировой войны сопровождалось укреплением позиций монополистического капитала и усилением ограбления страны германским империализмом; расширился круг общественных классов и прослоек, заинтересованных в борьбе за свержение монархо-фашистской диктатуры, против хищнического германского империализма. Опыт партии по сплочению антифашистских сил во время подготовки Сентябрьского восстания 1923 г., обогащенный проводившейся после восстания революционной борьбой, теперь был использован для создания широкого народного фронта для борьбы против фашизма и войны¹⁷.

После начала второй мировой войны обстановка в Болгарии и во всем капиталистическом мире резко изменилась. Война создала условия для усиления революционной антифашистской борьбы. Большую роль в этом отношении сыграло вовлечение Болгарии во вторую мировую войну путем ее присоединения к тройственному пакту. Страна оказалась в политической, экономической и военной зависимости от Германии, ее угнетали немецкие империалисты¹⁸.

После присоединения Болгарии к тройственному пакту в страну были введены немецко-фашистские войска, фактически оккупировавшие ее. Поэтому революционная борьба приняла не только антифашистский, но и национально-освободительный характер. Рабочий класс вместе с беднейшим крестьянством и народной интеллигенцией составлял основную движущую силу революционной борьбы в Болгарии в годы второй мировой войны, особенно после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. Кроме того, большое недовольство и решимость бороться против монархии, фашизма и прогитлеровской политики правящей верхушки проявляли и самые широкие крестьянские массы и мелкая городская буржуазия. Недовольство наблюдалось также и среди части средней буржуазии и некоторых представителей крупной буржуазии и буржуазной интеллигенции.

¹⁷ С. Колев. Борбата на БКП за народен фронт 1935—1939 г. София, 1959.

¹⁸ Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964, стр. 35; Д. Коен. Ограбването и разоряването на българското тютюнево стопанство от фашистка Германия през втората световна война (1940—1944).— «Известия на държавните архиви», т. IV, стр. 98; Д. Стойчев, Г. Йорданов. Ограбването на България от германския империализъм през време на втората световна война и положението на българските миньори.— «Годишник на Мин.-геол. институт», т. VI, стр. 527.

Это были разнородные общественные силы, которые стояли на различных классовых и идейных позициях. Большинство занимало антифашистские, демократические позиции и было готово сотрудничать с Коммунистической партией в борьбе против монархии и фашизма. Эти силы стремились к демократизации хозяйственной, политической и культурной жизни страны, к освобождению от господства фашистской Германии, к завоеванию национальной независимости. Они составляли основу создававшегося в стране широкого народного демократического и антифашистского движения, которое сливалось с руководимой Коммунистической партией борьбой за свержение капитализма.

В годы второй мировой войны перед революционным движением Болгарии стояли задачи демократического, антифашистского, антиимпериалистического и национально-освободительного характера. Однако их разрешение не могло не привести к глубоким революционным социалистическим преобразованиям после свержения монархо-фашистской власти¹⁹.

Возникновение революционной обстановки в Болгарии в годы второй мировой войны в общих чертах определялось теми же объективными общественно-экономическими условиями и причинами, которыми была обусловлена революционная обстановка в годы первой мировой войны. Однако в отличие от периода первой мировой войны, во время второй мировой войны капитализм в Болгарии находился в состоянии полного разложения. Страну грабила кучка капиталистов-монополистов, которые, проводя прогитлеровскую политику и подчиняя Болгарию интересам фашистской Германии, восстановили против себя самые широкие народные массы. Значительные различия наблюдались также и в отношении расстановки классовых и политических сил внутри страны. В отличие от периода 1915—1918 гг., теперь в Болгарии имелась сильная, полностью перешедшая на позиции ленинизма революционная партия болгарских трудящихся. Эта партия была вооружена самой передовой теорией — ленинизмом и ставила своей целью свержение монархо-фашистской диктатуры посредством массового вооруженного восстания²⁰.

Иной была и международная обстановка. После победоносной Октябрьской революции был создан Советский Союз. Уже существовала страна победившего социализма, накопившая огромный революционный опыт, располагающая устойчивой экономикой и могучей армией, которая громила фашистских захватчиков. Успехи Советской Армии служили источником вдохновения, надежной опорой при развертывании широкого партизанского движения в Болгарии²¹.

Обстановка общенационального кризиса, сложившаяся в Болгарии в 1941—1944 гг., обострила борьбу в лагере буржуазии. Часть буржуазных политических деятелей открыто выступила против прогитлеровского курса монархо-фашистской власти. Это облегчало борьбу революционных сил против монархо-фашистской диктатуры. В стране развернулась массовая вооруженная борьба, которая явилась прелюдией назревавшего вооруженного восстания. Как и во время подготовки Сентябрьского восстания 1923 г., Коммунистическая партия выступила с лозунгом объединения всех демократических и антифашистских сил в борьбе против фашистской

¹⁹ Н. Г о р н е н с к и. Въоръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристката окупация и монархо-фашистката диктатура (1941—1944). София, 1958, стр. 312; В. Б о ж и н о в. Политическата криза в България през 1943—1944 г. София, 1957, стр. 131.

²⁰ «Въоръжената борба на българския народ против фашизма 1941—1944. Документи». София, 1962, стр. 619.

²¹ А. К а л и н к о в. Значението на победите на Съветската Армия за освобождението на България. См. сб. «Социалистическата революция в България». Исторически тудии. София, 1965, стр. 179.

реакции. Был создан Отечественный фронт, который объединил демократические и антифашистские силы страны на более широкой основе, чем Единый фронт 1923 г. и Народный фронт 1936—1939 гг.

Летом 1944 г. в Болгарии сложилась революционная ситуация. Монархо-фашистская диктатура оказалась на пороге неминуемой катастрофы. После разгрома немецко-фашистских войск в районе Яссы — Кишинев Советская Армия подошла к границе Болгарии. В этой обстановке было подготовлено и 9 сентября 1944 г. осуществлено вооруженное восстание, которое свергло монархо-фашистскую власть и установило народно-демократическую власть²².

Народное восстание 9 сентября 1944 г. положило начало социалистической революции в Болгарии. Это означало, что с установлением власти Отечественного фронта начался период ломки и ликвидации капиталистических производственных отношений, развития и утверждения социализма.

Социалистический характер событий, имевших место в Болгарии во время вооруженного восстания 9 сентября 1944 г. и после него, обуславливается объективным положением Болгарии в то время, исторической необходимостью ликвидации господствовавших капиталистических отношений, которые тормозили развитие страны, и расчистки пути для перехода к социализму. Отсутствие феодальных отношений и сколько-нибудь значительных остатков феодализма открывало ясные перспективы перед революционной борьбой в Болгарии, придавало ей ярко выраженный антикапиталистический характер. Поэтому социалистическая революция в Болгарии не имела и не могла иметь буржуазно-демократический или демократический «высшего типа» характер, как это случилось в некоторых других странах. С самого начала революция в Болгарии была социалистической.

При определении социалистического характера революции в Болгарии, разумеется, не следует исходить только и исключительно из общественно-экономического положения страны, из отсутствия феодальных отношений или сколько-нибудь значительных феодальных пережитков. Нельзя забывать о примере Октябрьской революции, которая началась и победила с первых же дней как социалистическая революция в стране, где имелись крупные пережитки средневековья, феодальной общественно-экономической формации. В России до Октябрьской революции не были разрешены в буржуазно-демократическом духе такие важные вопросы, как аграрный и национальный, являющиеся основными вопросами любой буржуазно-демократической революции. Но несмотря на это, Октябрьская революция началась и победила именно как социалистическая революция, потому что в России, помимо объективных предпосылок этой революции, был налицо и могучий субъективный фактор — РСДРП (б). Еще в начале империалистической войны партия большевиков четко, решительно и непоколебимо направила развитие революционных событий в России в русло глубоких социалистических революционных преобразований, в том числе и на решение задач буржуазно-демократической революции.

То же самое можно сказать и о роли субъективного фактора во время подготовки и проведения социалистической революции в Болгарии — о Болгарской коммунистической партии. За двадцать с лишним лет, участвую на опыте Октябрьской революции и на своем собственном революционном опыте, творчески применяя идеи марксизма-ленинизма с учетом конкретных условий страны, БКП превратилась в могучую революционную силу,

²² С. Петрова. Борбата на БКП за установяване на народно-демократичната власт, май — септември 1944. София, 1964.

подготовившую победу именно социалистической революции. Для создания такой сильной, сплоченной и последовательной революционной партии болгарских трудящихся огромное значение имело влияние Октябрьской революции, творческое усвоение и применение болгарскими коммунистами ленинского учения.

При подготовке вооруженного восстания 9 сентября БКП не выступила с лозунгом установления социалистической власти, не призвала массы на борьбу за уничтожение капиталистических производственных отношений и за замену их социалистическими. Но это не меняло основного характера революционной борьбы в Болгарии накануне и во время Сентябрьского восстания. Осуществление демократической, антифашистской, антиимпериалистической и национально-освободительной программы Отечественного фронта, которая способствовала объединению самых широких демократических и антифашистских сил страны, неминуемо вело к подрыву основ капитализма. Это определялось объективными условиями и предпосылками сложившегося в Болгарии революционного кризиса, закономерной необходимостью перерастания антифашистской, антиимпериалистической и национально-освободительной борьбы в антикапиталистическую борьбу. Другого пути развития у революции в Болгарии не было. Она могла быть только антибуржуазной, антикапиталистической. В связи с этим она неизбежно должна была разрешить основное антагонистическое противоречие капиталистического способа производства²³.

При определении характера восстания 9 сентября 1944 г. и установленной в результате его победы народно-демократической власти еще недавно некоторые научные работники Болгарии много говорили о наличии существенных различий между вооруженным восстанием в Петрограде 25 октября 1917 г. и восстанием 9 сентября 1944 г. Отмечалось, что в отличие от установленной в Петрограде Советской власти — правительства, в которое входили сначала только большевики, в Болгарии в правительство Отечественного фронта вошли представители нескольких партий, и коммунисты даже не имели в нем большинства. Однако такой аргумент в поддержку отрицания социалистического характера восстания 9 сентября 1944 г. нельзя признать убедительным, так как имеет значение не то, каков состав данного правительства и располагают ли в нем коммунисты большинством, а то, какой общественный класс берет власть в свои руки и каковы его задачи, вытекающие из объективных условий в стране.

В Болгарии 9 сентября 1944 г. власть перешла из рук буржуазии в руки рабочего класса. В лице трудящихся крестьян рабочий класс имел союзника. Осуществление правительственной политики не сопровождалось уступками и компромиссами по коренным вопросам, касающимся антикапиталистического характера революции и ее перспектив. Так же поступали и большевики, когда в состав Советского правительства были включены представители левых эсеров.

В качестве самого серьезного возражения против социалистического характера революции в Болгарии приводился тот факт, что в течение известного периода — около трех лет — в экономической жизни страны социалистические преобразования осуществлялись только частично и что в это время продолжала существовать капиталистическая собственность

²³ Т. П а в л о в. Характер и значение на социалистическата революция в България. София, 1958; П. Г и н д е в. Към въпроса за характера на народно-демократическата революция в България. София, 1956; М. И с у с о в. За предпоставките и закономерностите на социалистическата революция в България. — «Исторически преглед», 1964, № 2—3, стр. 45.

на средства производства. И здесь в качестве аргумента приводились факты радикальной ликвидации капиталистических производственных отношений в СССР в течение первых месяцев революции. Но и с этим возражением нельзя согласиться. Ссылка на пример Октябрьской революции лишена основания. Правда, в Советской России уже в первые месяцы после установления Советской власти начали осуществляться широкие социалистические преобразования — рабочий контроль над промышленностью, национализация крупных промышленных предприятий, банков, транспорта и др. Но такие мероприятия, хотя и частично, были проведены и в Болгарии. Следовательно, здесь речь идет не о различии по существу, а о различии в сроках, в течение которых эти социалистические мероприятия были осуществлены, и в их масштабах с учетом конкретных условий Болгарии и ее международного положения.

Кроме капиталистических производственных отношений, которые в ходе социалистической революции были ликвидированы и заменены новыми, социалистическими производственными отношениями, в Болгарии существовало также, причем довольно развитое, простое товарное производство в ремесле и сельском хозяйстве. Его также следовало заменить новыми социалистическими формами организации производства, и это было осуществлено посредством применения принципов добровольного объединения крестьян в трудовые кооперативные земледельческие хозяйства, а ремесленников — в промысловые артели.

По истечении известного периода, во время которого окрепло внутреннее и международное положение Болгарии, революционная власть Отечественного фронта направила свое внимание и свои силы на радикальную ликвидацию капиталистических производственных отношений и на замену их социалистическими. Наряду с этим она направила свое внимание и свои силы и на максимальное развитие производительных сил страны во всех областях экономики, а также на осуществление перехода к социалистическим формам производства с целью замены ими простого товарного производства. В отличие от буржуазного строя, который ведет к разложению и уничтожению простого товарного производства, к обнищанию и пролетаризации мелких производителей, социализм обеспечивает последним возможность перехода к новым, более высоким формам производства, без их разорения и обнищания.

Эта перспектива, которую социалистическая революция в Болгарии раскрыла перед мелкими производителями, позволила сохранить союз рабочего класса с трудящимся крестьянством, мелкой городской буржуазией и народной интеллигенцией и осуществить в стране глубокие революционные преобразования, несмотря на сопротивление лишенной власти буржуазии, которую поддерживали иностранные империалисты.

В связи с этим определенно можно сказать, что социалистическая революция в Болгарии достигла замечательных успехов. За сравнительно короткий период, даже более короткий, чем в Советском Союзе, сельское хозяйство Болгарии было перестроено на социалистических основах, причем был найден новый, специфический для Болгарии путь социалистической перестройки сельского хозяйства — посредством создания трудовых кооперативных земледельческих хозяйств. Таким образом, социалистическая революция в Болгарии повторила опыт Октябрьской революции, в результате чего еще раз, в конкретных условиях Болгарии, проявилась объективная закономерность перехода от капитализма к социализму.

Применение опыта Октябрьской революции играло большую роль и при проведении социалистической культурной революции в Болгарии. Характерной особенностью здесь являлось то, что еще до 9 сентября 1944 г. значительная часть болгарской интеллигенции перешла на сторону ре-

волюционного движения, а после установления народной власти основная часть интеллигенции примкнула к ней.

С победой Сентябрьского восстания 1944 г. дело, за которое боролись народные массы Болгарии на протяжении двадцати с лишним лет, пришло к исторически закономерному, а, следовательно, и исторически необходимому завершению. Были уничтожены капиталистические производственные отношения и обусловленная ими капиталистическая надстройка, которые препятствовали развитию производительных сил страны и ее историческому прогрессу. Ныне в Болгарии не существует больше экономических и политических противоречий, порождаемых самим характером капиталистического производства. Поэтому и достижения болгарского народа огромны. В этом может убедиться каждый непредубежденный человек, проехав несколько сот километров по обновленной стране. Все эти успехи — результат творческого труда болгарских трудящихся. Но они явились также результатом того, что под руководством Коммунистической партии болгарский народ смело идет по пути, начертанному Великим Октябрем. Успехи болгарского народа в строительстве социализма были достигнуты и благодаря братской бескорыстной помощи Советского Союза и других стран, входящих в великую семью социалистических народов.

ГЕНРИК МАЛИНОВСКИЙ

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПОЛЬСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ (1917—1919 гг.)

Проблемы, связанные с влиянием Октябрьской революции на историю человечества и историю польского народа, вызывают живой интерес в Народной Польше. В период между двумя мировыми войнами буржуазные историки или замалчивали значение русской революции для восстановления независимости Польши или только вскользь касались этого вопроса. Лишь теоретики и публицисты КПП в своих работах указывали на многостороннее влияние Октябрьской революции на развитие польского рабочего движения и на образование независимого польского государства¹. Эти работы имели в общем полемический характер и исходили из актуальной политической ситуации. В них содержится ряд наиболее существенных положений: благодаря социалистической революции навсегда были ликвидированы царизм и русский империализм, смертельные враги независимости Польши; торжественное провозглашение Советским правительством права наций на самоопределение, аннулирование царских договоров по разделу Польши, признание права польского народа на независимое государственное существование поставили польский вопрос как одну из узловых международных проблем; изменения в расстановке политических сил, вызванные Октябрьской революцией, оказали влияние на позицию государств Антанты, которые были вынуждены включить в условия мирного договора требование восстановить независимость Польши.

В изданиях КПП обосновывалось банкротство политических концепций двух главных буржуазных группировок: «активистов» (с которыми одно время сотрудничал Ю. Пилсудский), ориентирующихся на победу центральных держав, и «пассивистов» с эндеками, которые связывали судьбу Польши с победой царской России,—ибо оказалось, что Польша смогла возродиться в результате военного поражения и революцией во всех государствах, принимавших участие в ее разделе, что предвидели только рабочие революционные партии.

Решающее значение для создания независимого польского государства имел перелом, который вызвали в международном и польском рабочем движении революционные события в России. Они привели к усилению антивоенного и революционного движений в Германии и Австро-

¹ Ю. М а р х л е в с к и й. Пролетарская Россия и буржуазная Польша. М., 1921; «Czy Polska jest naprawdę wolna i niepodległa?». Wyd. KC KPRP, 1919; A. W a r s k i. Dwudziestoletni spór z Leninem. Wybór pism i przemówień, t. II. Warszawa, 1958, s. 428—476; E. P r z y b y s z e w s k i. Rewolucja Październikowa a klasa robotnicza Polski. Pisma. Warszawa, 1961, s. 507—559; J. B r u n. Kwestia narodowa w rewolucji i kontrrewolucji. Pisma wybrane, t. I. Warszawa, 1955, s. 81—220; J. R y n g. Luksemburgizm w kwestii polskiej. Wybór pism. Warszawa, 1957, s. 391—496.

Венгрии и к победе революции в этих странах. В связи с этим на польских землях рухнул оккупационный режим центральных держав и возникли благоприятные условия для победы освободительного движения польского народа. Теоретики КПП, в особенности со времени III партийной конференции 1922 г., указывали также и на важное значение опыта большевистской партии для разработки программы и тактики польского революционного движения.

Систематические и перспективные исследования различных аспектов влияния Октябрьской революции на историю польского народа развернулись в Народной Польше. Появляются все новые сборники документов и исследовательские работы². Ценный вклад в изучение этой проблемы вносят также работы советских историков³.

В данной статье мне хотелось бы рассмотреть некоторые вопросы преобразующего влияния идей и опыта русской революции на позицию, формы и методы борьбы польского рабочего класса в 1917—1919 гг. Для изучения этой проблематики большое значение имеют донесения административных, полицейских и военных властей. Конечно, к этим материалам следует относиться критически, так как оценки, содержащиеся в них, зависели от случайных факторов и часто преувеличивались под влиянием страха. Архивы рабочих партий, профсоюзов и других массовых организаций сохранились только частично. Важным источником являются пресса и публикации. Использованы также воспоминания участников и современников событий.

Все доступные источники свидетельствуют о том, что известия о победе русской революции глубоко взволновали польский народ. Лозунги мира и самоопределения наций, написанные на знаменах победоносного Октября, вливали в сердца поляков надежду и веру в будущее. С огромным вниманием и воодушевлением они следили за ходом мирных переговоров в Бресте.

Наиболее сильно реагировал на события польский рабочий класс, который был связан с русскими народными массами многолетними общими традициями борьбы против царизма и реакционных партий. Главные задачи, стоявшие перед ним — освобождение страны от иноземных поработителей и социального гнета, имели антиимпериалистический и нацио-

² В том числе: «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich», т. I и II. Warszawa, 1962 и 1961; «Z dziejów idei leninowskich w Polsce». Warszawa, 1961; J. K o w a l s k i. Wielka Październikowa rewolucja socjalistyczna a wyzwolenie Polski. Warszawa, 1952; H. J a b ł o Ń s k i. Rewolucja Październikowa a odbudowa państwa polskiego w 1918 r.— «Z pola walki», 1958, № 1; ег о ж е. Narodziny drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1962; L. G r o s f e l d. Polskie partie polityczne wobec nowej sytuacji stworzonej przez Rewolucję Październikową.— «Z pola walki», 1958, № 1; ег о ж е. Konflikty społeczne na wsi polskiej 1918—1920. Warszawa, 1963; W. S t a n k i e w i c z. Konflikty społeczne na wsi polskiej 1918—1920. Warszawa, 1963; W. N a j d u s. Polacy w Rewolucji Październikowej.— «Przegląd historyczny», 1952, № 3; A. Z a t o r s k i. Dzieje pułku białgorodzkiego. Warszawa, 1960. В печати: Księga życiorysów Polaków—uczestników rewolucji; Księga wspomnień uczestników rewolucji; Praca zbiorowa—Rewolucja Październikowa a Polska. Wyd. PAN.

³ R. J e r m o ł a j e w a. Przyczynek do dziejów SDKPiL i PPS-lewicy na terenie Rosji w latach 1917—1918.— «Z pola walki», 1958, № 3; A. M a n u s e w i c h. Деятельность польских социал-демократических организаций в России в период подготовки Октябрьской революции.— В сб.: «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М., 1957; «Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России». М., 1965; М. М и с к о. Октябрьская революция и восстановление независимой Польши. М., 1957; И. Х р е н о в. Из истории образования и первого периода деятельности КПП.— «Вопросы истории», 1959, № 6; И. Я ж б о р о в с к а я. Великая Октябрьская социалистическая революция и польское рабочее движение.— В сб.: «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1957 «Из истории польского рабочего движения». М., 1962; «История Польши», т. III. М. 1958: С. С т е ц к е в и ч. Рабочее движение в Польше в 1918—1919 годах. Л., 1966,

нально-освободительный характер. Октябрьская революция, своим острием направленная против империализма, господства буржуазии и помещиков, вызвала большой энтузиазм и широкое движение солидарности среди польского рабочего класса. Наиболее решительную и последовательную позицию заняла СДКПиЛ. В своем воззвании, выпущенном в ноябре 1917 г., сразу после победы русского пролетариата, партия безоговорочно поддержала линию большевиков и призвала польских рабочих следовать их путем. Воззвание приветствовало русский пролетариат, первым поднявшийся на активную борьбу за преобразование мира: «Славим и приветствуем тех, с кем с самого начала мы имели общие цели». Пресса и издания СДКПиЛ популяризировали опыт Советской России и мобилизовали польских рабочих на борьбу за победу социалистической революции.

ППС-левица, несмотря на некоторые колебания в тактических вопросах, также целиком поддержала Октябрьскую революцию. Конференция представителей ППС-левицы, состоявшаяся в Варшаве в декабре 1917 г., выразила «чувства надежды и радости, которые вызывают русские события у широких слоев рабочих в Польше»⁴. В решении конференции подчеркивалось, что в победе русской революции польский пролетариат видит надежду на освобождение и начало общей расплаты с его вековыми угнетателями⁵.

Октябрьскую революцию приветствовал и главный орган реформистской Польской социал-демократической партии. В одной из статей газеты «Нашшуд» (Краков) говорилось: «Мы — как поляки и как социалисты всем сердцем симпатизируем Ленину. Ленин — это человек, который в настоящее время импонирующим для всего мира способом спасает честь социалистического знамени, идеал международного братства освобожденных людей, веру, подорванную в течение этой ужасной войны такими социалистами, как Гед, Тома, Вандервельде и Брантинг, Керенский и Плеханов... Честь и слава за это товарищу Ленину! Но мы, поляки, имеем еще одну особую причину симпатизировать Ленину. Среди всех современных русских партий — только партия Ленина, или так называемая партия большевиков, стоит твердо, искренне и безоговорочно за независимость Польши»⁶.

ППС и ППСД не были последовательны⁷. Вскоре их пресса и заявления приобрели явно выраженный антибольшевистский характер; они демагогически оценивали брестские переговоры как сотрудничество Советского правительства с центральными державами и «измену» польскому делу. На позицию этих партий оказывала влияние их близость к лагерю Пилсудского и сотрудничество с буржуазными партиями. В конце 1917 г. даже правая клерикальная Национальная рабочая партия выражала свою симпатию ленинской программе мира без аннексий и контрибуций⁸.

В январе и феврале 1918 г. в Польше проходит большая волна экономических и политических стачек. Они были тесно связаны с январскими

⁴ «Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich», t. I, s. 162—163.

⁵ Далее в ней говорилось: «Помня о своей многолетней общей борьбе с русским пролетариатом против царской неволи, польские рабочие заявляют, что и сегодня русская революция является блестящей победой идеи международной солидарности, естественным и мощным союзником их напряженной борьбы с ипоземными угнетателями и террором оккупационных властей». Из резолюции так называемого «радомского» совещания ППС-левицы, которое в действительности состоялось в Варшаве в декабре 1917 г. См. «Robotnik», II 1918, № 238.

⁶ «Naprzód», 14 XI 1917. В другой статье читаем: «истосковавшиеся народы ждут от Ленина энергичных действий за мир... Европейские народы, истерзаные войной, мечтают о мире». Ibid., 13 XI 1917.

⁷ H. J a b ł o Ń s k i. Polityka PPS w czasie wojny 1914—1918. Warszawa, 1958; J. H o l z e r. PPS w latach 1917—1919. Warszawa, 1960.

⁸ «Prawda», Poznań, 16 XI 1917.

антивоенными выступлениями рабочих Германии и Австро-Венгрии. Бастующие выражали протест и против захватнических планов центральных держав, обнаружившихся в ходе мирных переговоров в Бресте. В середине января в Варшаве вспыхнула забастовка коммунальных рабочих, поддержанная всеми рабочими столицы. 16 января началась забастовка в железнодорожных мастерских Львова, которая распространилась на железнодорожные центры Стрый, Перемышль, Новый Сонч и Краков. Двумя днями позже забастовали и вышли на демонстрацию краковские металлисты. 14 февраля в Варшаве состоялась всеобщая забастовка в знак протеста против политики центральных держав в Бресте, сопровождавшаяся уличными столкновениями. Трехдневные забастовки и политические демонстрации произошли в Кельцах и Радоме. Политические забастовки состоялись в Кракове, Тарнове, Люблине, Седльцах, Петркове, Скаржиске, Влоцлавке и Домбровском бассейне. Забастовками руководили СДКПиЛ, ППС-левица и ППС-«фракция». Социальные требования связывались с лозунгами национальной независимости, занимавшими доминирующее положение.

Летом и осенью 1918 г. непрерывно вспыхивали забастовки голодающих в Домбровском бассейне, Варшаве, Кракове, Хшановском бассейне, Люблине и других центрах. В октябре шахтеры Домбровского бассейна провели трехнедельную забастовку с требованиями восьмичасового рабочего дня, повышения заработной платы и улучшения снабжения. Среди причин массового характера движения польских рабочих рапорты жандармской полиции единодушно отмечали, наряду с растущим голодом, известия о победоносной борьбе русского пролетариата.

У полуторамиллионной массы находившихся в России поляков-беженцев и солдат победа революции пробудила надежды на быстрое окончание войны и возвращение домой. Польские рабочие, занятые на многочисленных предприятиях, эвакуированных из Царства Польского, принимали широкое участие в революционной борьбе; среди них усиливалось влияние СДКПиЛ. Большое значение имело участие в революции Ф. Дзержинского, Ю. Мархлевского, Я. Ганецкого, В. Матушевского, Ю. Уншлихта, Ст. Будзыньского, Ф. Гжельска, Ю. Леньского, Ст. Бобиньского, Ст. Пестковского, Б. Веселовского, Э. Прухняка и многих других деятелей этой партии.

Несколько десятков групп СДКПиЛ в России, входивших в состав РСДРП, тесно сотрудничали с большевистской партией. В Петрограде группа СДКПиЛ (около 550 членов) пользовалась большим влиянием среди польских рабочих на Путиловском заводе, фабрике Лесснера и других предприятиях. В Москве в октябрьские дни значительную роль играли польские рабочие с эвакуированной варшавской фабрики арматур. Активную позицию заняла также Кременчугская организация СДКПиЛ (350 членов); она оказывала влияние на рабочих эвакуированной варшавской фабрики Лильпопа и других заводов. Оживленную революционную деятельность вели также группы СДКПиЛ в Каменске, Одессе, Харькове, Ростове, Самаре, Саратове, Тифлисе, Туле, Омске и многих других городах⁹. С большевиками сотрудничали многие группы ППС-левицы, особенно тесно в Москве, Пскове и Бердянске. ЦИК ППС-левицы в России, вначале поддерживавший меньшевиков-интернационалистов, в течение лета 1918 г. покончил со своими колебаниями и перешел на позиции большевиков. Члены ППС-левицы вступили тогда в большевистскую партию.

⁹ По данным польского правительства царские власти эвакуировали в глубь России около 320 фабрик и предприятий. См.: «Dokumenty dotyczące akcji delegacji polskich w komisjach mieszanych, ewakuacyjnej i specjalnej w Moskwie», z. 7. Warszawa, 1923.

Началось сближение и тесное сотрудничество между СДКПиЛ и ППС-левицей. Созревала почва для их объединения в Коммунистическую рабочую партию Польши. Октябрьская революция оказала также влияние на членов реформистской ППС-«фракции». Ее организации в Петрограде, Москве, Орле, Севастополе и некоторых других городах сотрудничали с Советской властью. ППС-«фракция» вначале принимала участие в работе Совета революционно-демократических организаций при Комиссариате по польским делам, во главе которого стоял выдающийся деятель СДКПиЛ Ю. Леньский. Ее представители неоднократно включались в общие списки кандидатов от рабочих при выборах. Однако на политике этой партии сказывалось влияние враждебно относившейся к революции Польской военной организации, подчиненной Пилсудскому.

В среде польской эмиграции только СДКПиЛ и ППС-левица последовательно и упорно боролись с польскими правыми группировками, стремившимися к созданию в России ядра армии будущего буржуазного польского государства. Провозглашая лозунг интернационализма, обе эти партии мобилизовывали польских добровольцев на борьбу в защиту революции. В рядах Красной Армии и ее польских частях сражались тысячи революционеров-поляков. Неувядаемой славой покрыли себя поляки — бойцы I революционного красного полка Варшавы, Люблинского пехотного полка, Мазовецкого уланского полка, Красного гусарского полка, Седлецкого полка и Интернациональной западной стрелковой дивизии, сражавшиеся под лозунгом «За вашу и нашу свободу». В борьбе за революционные идеалы отдали свою жизнь многие польские революционеры, среди них один из основателей СДКПиЛ Винценты Матушевский, убитый белогвардейцами в Сибири, Ян Тарвацкий, расстрелянный в Крыму, Станислав Кулешинский, погибший в Минске.

Буржуазная историография преуменьшает роль польского рабочего класса и революционного движения в Европе в разоружении оккупационных войск и воссоздании польской независимости. Факты показывают, что быстрый темп освобождения польских земель, оккупированных Австрией и Германией, был тесно связан с усилением революционного движения в этих странах, приведшим к дезорганизации австрийской армии, к созданию солдатских Советов и усилению стремления немецких солдат вернуться домой. В такой ситуации разоружение оккупационных войск было в значительной мере стихийным процессом. Рабочие, крестьяне, молодежь в патриотическом, а во многих областях и революционном порыве, разоружали оккупационные войска и создавали зачатки польской власти.

Образование независимой Польши существенно изменило положение и позицию рабочего класса. Чувство национальной гордости в связи с освобождением страны у пролетариата приходило в столкновение с буржуазно-демократическим характером складывающегося польского государства, в котором имущие классы заняли господствующее положение. В стране обострились классовые противоречия и социальные конфликты. Политическая жизнь народа, подавляемая захватчиками, проходившая в течение десятилетий в подполье, сильно активизировалась. Развернулась острая борьба за пути развития Польши и характер ее государственной власти. Об активной позиции рабочего класса свидетельствуют деятельность Красной гвардии и Народной милиции, Советов рабочих депутатов и процессы, связанные с ростом профсоюзного движения¹⁰. Остановимся более подробно на этих вопросах.

¹⁰ Из обширной литературы можно назвать: «Rady delegatów robotniczych w Polsce 1918—1919. Materiały i dokumenty», t. I i II. Warszawa, 1962 i 1965; Z. S z c z y - g i e l s k i, A. T y m i e n i e c k a. Z dziejów RDR w Polsce. Warszawa,

В Домбровском бассейне рабочие под руководством СДКПиЛ и ППС-левицы разоружили оккупационные войска, заняли их склады и вооружились. В огне борьбы здесь была создана Красная гвардия, насчитывавшая до 2000 вооруженных рабочих. Она осуществляла контроль на шахтах, металлургических заводах и в рабочих районах. В рабочем Жирардове был организован единый Революционный комитет, в состав которого вошли представители СДКПиЛ и ППС-«фракции». Под его руководством находилась вооруженная отобранным у оккупантов оружием Народная милиция, добившаяся вначале господствующего положения в городе в борьбе с командой Польской военной организации и боевыми дружинами эндеков. В ряде мест Народная милиция, руководимая деятелями ППС, даже после того, как эта партия стала правящей, продолжала носить характерные признаки рабочей организации. В Радоме, где Народной милицией руководил бывший узник царского тюрем, член ППС Гжечнаровский, 600 рабочих милиционеров освободили город и захватили власть. В Пинчове Ян Лисовский, бывший моряк русского флота, член ППС, вооружил рабочих и в течение некоторого времени осуществлял власть в городе и во всем повяте. В ряде повятов центральной Галиции крестьяне захватили власть и создали так называемую Тарнобжегскую республику во главе с радикальным людовцем, будущим видным коммунистом Т. Домбалем. Рабочие сыграли также большую роль в освобождении Островца, Вежбника, Скаржиска, Седлец, Лукова, Петркова, Томашова и других городов. Однако в крупных центрах — Варшаве, Лодзи, Кракове, Люблине — ведущая роль принадлежала вооруженным организациям, подчиненным буржуазным группировкам.

Польские буржуазные партии сумели по-своему учесть опыт русской революции. Еще в период немецкой оккупации они организовали аппарат власти. В период краха оккупационного режима главные соперничавшие между собой партии — лагерь Пилсудского и эндеки объединились для борьбы против революционных стремлений народных масс и для создания буржуазно-демократического государства.

На общее положение в стране большое влияние оказывали репатрианты, особенно из революционной России и из Германии. По официальным данным, только с ноября 1918 г. до мая 1919 г. в Польшу вернулось 711 021 человек. Из России возвращались левые рабочие коллективы эвакуированных во время войны фабрик. Был создан даже профессиональный Союз рабочих эвакуировавшихся фабрик, который сыграл большую роль, особенно в Варшаве. С прибытием репатриантов росло число безработных и увеличивалось брожение в обществе. Власти с большим недоверием относились к репатриантам с востока. Возвратившихся в 1919 г. неделями держали на этапных пунктах (фактически в изоляционных лагерях) в Пинске, Бресте и Варшаве. Военные власти рассматривали репатриантов как потенциальных сеятелей смуты и издали специальные инструкции о их конвоировании и «на случай необходимости подавления беспорядков, бунтов

1960; L. W. Karwacki. Walka o władzę w Łodzi. Łódź, 1962; S. Krzykała. Lubelska RDR. Lublin, 1957; A. Kałuża, S. Poprawska. RDR w Zagłębiu Dąbrowskim. Katowice, 1961; H. Bicz [Bitner]. Rady delegatów robotniczych w Polsce. Moskwa, 1934; H. Zieliński. Położenie i walka górnośląskiego proletariatu w latach 1918—1922. Warszawa, 1957; S. Kubiak, F. F. Łozowski. RRiZ w Wielkopolsce. Poznań, 1959; J. Kowalski. Z zagadnień strategii a taktyki KPRP i PPS na przełomie lat 1918—1919. — «Z pola walki», 1958, № 4; его же. Zarys historii polskiego ruchu robotniczego, t. I. Warszawa, 1962; H. Malinowski. Powstanie i pierwszy okres działalności KPRP. Warszawa, 1958; его же. Program i polityka rolna KPRP 1918—1923. Warszawa, 1964; F. Swietlikowa. Powstanie KPRP. — «Z pola walki», 1958, № 4; A. Leinwand. PPS wobec wojny polsko-radzieckiej. Warszawa, 1964.

и волнений в лагерях и сборных пунктах»¹¹. С репатриантами сначала поодиночке, а затем все более многочисленными группами возвращались деятели рабочего движения. Однако значительная часть руководящих кадров СДКПиЛ и ППС-левицы осталась в России, продолжая борьбу за победу Советской власти. Р. Люксембург и Йогихес-Тышка боролись и отдали жизнь за дело Коммунистической партии Германии. Подчеркивая огромные заслуги этих польских революционеров перед международным движением, мы не можем не признать того факта, что их отсутствие сказалось на развитии революционного движения в самой Польше.

ЦИК групп СДКПиЛ в России неоднократно принимал рекомендации о возвращении на родину деятелей рабочего движения. В Польшу вернулись: делегат II съезда Советов Ф. Гжельцак, передавший варшавским рабочим личное приветствие от Ленина, популярный оратор и неутомимый агитатор С. Будзыньский, Э. Прухняк, Ст. Жбиковский и многие другие деятели СДКПиЛ. При переходе через границу польскими жандармами был убит З. Фаберкевич. В Польшу возвратились также многие руководители ППС-левицы. Популярный в среде рабочих С. Круликовский, профсоюзный деятель М. Здзярский, Б. Ивиський, Р. Яблоновский и др. Г. Валецкий, возвращаясь из Швейцарии, беседовал в Берлине с Р. Люксембург о возможности объединения СДКПиЛ с ППС-левицей и создания коммунистической партии польских рабочих. Многие деятели ППС-«фракции» приняли активное участие в революционной борьбе и примкнули к ППС-левице; среди них Т. Жарский и З. Мацеёвская. После падения власти оккупантов из лагерей в Хавельберге и Модлине были освобождены А. Варский, В. Гжех-Ковальский, Зофья Уншлихт, Ф. Фидлер и другие. Появление в рабочей среде стольких известных деятелей, лично участвующих в событиях, преобразующих мир, чрезвычайно оживило политическую жизнь страны и столицы. Горячие дискуссии, споры, обмен мнениями постоянно происходили на собраниях и митингах рабочих.

Характерным примером глубокого воздействия революционной идеологии на массы является история Союза бывших военнослужащих русской армии¹². Он располагал 157 районными филиалами и насчитывал около 300 тыс. членов. Сначала Союзом руководили люди, слабо связанные с рабочим движением и недоброжелательно настроенные к революционной России. В феврале 1919 г. в руководстве Союза произошли изменения. Председателями Главного управления Союза стали Казимир Лонковский, член КРПП и участник Октябрьской революции, и Станислав Баилл, деятель КРПП и бывший член Совета рабочих и солдатских депутатов в Киеве. В связи с этим происходит активизация деятельности Союза во всей стране, особенно в Варшаве, Лодзи, Влоцлавке, Жирардове, Рава и Томашове. Бывшие военнослужащие принимают участие в политических выступлениях, а также в многочисленных демонстрациях безработных.

Бывшие военнослужащие составили костяк Красной гвардии в Варшаве. Она насчитывала в этот период около тысячи человек и проводила регулярные учения. В других городах бывшие военнослужащие также активно вступали в отряды Красной гвардии и Народной милиции. Красная гвардия в Домбровском бассейне была разоружена уже в конце 1918 г. После многочисленных столкновений с жандармерией и армией были также разоружены отряды Народной милиции в Жирардове, Радоме и Домбровском бассейне. Острый конфликт произошел, когда была сделана

¹¹ APKr, Starostwo grodzkie, № 291, okóln. JUR, 14 IV 1919.

¹² AZHP, Teczki personalne K. Łąkowskiego i S. Bailla, № 206 i 3647.

попытка послать на восточный фронт батальон варшавской Народной милиции. Милиционеры оказывали сопротивление, заявляя: «Мы посоветовались и отказались, потому что не хотели проливать братскую кровь, не хотели убивать русских пролетариев»¹³. Их обезоружили, арестовали и многих предали суду. Вслед за тем усилились репрессии реакции против Народной милиции и в июне 1919 г. она была распущена.

Деятельность Красной гвардии и Народной милиции была тесно связана с деятельностью Советов рабочих депутатов. Советы рабочих депутатов образовались во всех районах Польши, при этом в каждом из них они отличались некоторым своеобразием. На территории б. Царства Польского, где рабочий класс глубокими традициями общей борьбы был тесно связан с пролетариатом России, возникло более ста Советов. Их депутаты избирались на фабриках и предприятиях, профсоюзам, комитетами безработных и другими массовыми организациями. Советы были наиболее массовой организацией, отражавшей настроения рабочих и влияние на них отдельных политических партий. Здесь сталкивались главным образом две политические линии — КРПП и ППС. Коммунисты, следуя опыту Октябрьской революции, рассматривали Советы как высшую форму организации рабочих в борьбе за диктатуру пролетариата; Советам должны быть подчинены все остальные рабочие организации; коммунисты стремились создать объединенную и централизованную систему этих организаций, призывали к проведению всепольского съезда Советов. ППС, борясь за парламентскую демократическую республику, противоречившую концепции диктатуры пролетариата, сдержанно относилась к Советам рабочих депутатов и стремилась ограничить их функции текущими делами и вопросами снабжения.

В Домбровском бассейне коммунисты имели решительный перевес в Советах рабочих депутатов, в Варшаве их влияние было почти равно влиянию ППС. В 9 крупнейших Советах в феврале 1919 г. коммунисты имели 810 депутатов, а ППС — 868. Однако в ППС была сильная оппозиционная группа во главе с участниками Октябрьской революции Т. Жарским и Э. Мацеёвской, которая часто солидаризировалась с коммунистами. Еврейские рабочие партии также по многим вопросам выступали вместе с КРПП. В середине 1919 г. на совещаниях представителей крупнейших Советов всей страны правые социалисты, оставшись в меньшинстве, пошли на раскол Советов, что послужило причиной их упадка.

Сложная ситуация создалась в Советах на территории Галиции. Единственной польской рабочей партией там была ППСД. В связи с этим процессы радикализации длительное время протекали внутри этой партии. Здесь можно видеть аналогию с явлениями, происходившими в то время в итальянской, французской и некоторых других социалистических партиях. Руководство ППСД стремилось подчинить себе Советы, рассматривая их как расширенные партийные комитеты. Несмотря на это, во многих промышленных центрах рабочие избирали своих депутатов в Советы. В Галиции больше всего Советов возникло в Хшановском горнопромышленном районе. Горное управление в Кракове констатировало: «В начале ноября 1918 г., в момент политического переворота, рабочие на каждой шахте выбрали своих официальных представителей, которые, объединившись в рабочие Советы, должны были выступать от имени рабочих данной шахты...»¹⁴. В январе 1919 г. оформился Совет рабочих депутатов Хшановского повята, координировавший деятельность Советов 13 шахт и пред-

¹³ «Sprawozdanie stenograficzne z 52 pos. Sejmu», 17 VI 1919.

¹⁴ АРКр, Окр. urząd górniczy, 59, k. 583—586; Raport żandarmerii, AZHP, 280-1-2.

приятий в Тшебине и Хшанове, а также Советов рабочих и крестьян. Советы организовывали экономические и политические выступления. Активную роль играли Совет в Санокке, руководивший забастовкой на вагонном заводе, Совет в Ясле, где в организации ППСД преобладали левые, Совет в Величке и других населенных пунктах. Деятельность Краковского Совета, как и большинства Советов в Галиции, сосредоточивалась на вопросах материального обеспечения рабочих. В политическом отношении он находился под влиянием реформистского руководства ППСД.

Сложная, полная противоречивых тенденций ситуация сложилась в Советах на территории западной части Познанщины. Советы возникли там под непосредственным влиянием революции в Берлине и отличались крайним разнообразием в национальном, политическом и организационном отношении. Солдатские Советы, бывшие вначале по своему составу немецкими, в связи с демобилизацией и передвижением подразделений и возвращением солдат-поляков, часто изменяли свой национальный состав. В Советы же рабочих уже сначала, в основном, входили поляки. О количестве Советов можно судить по съезду в Познани (20 ноября 1918 г.), на котором присутствовали делегаты от 54 Советов, а Познанский Совет рабочих и солдатских депутатов поддерживал контакт со 118 Советами, из которых, однако, часть находилась за пределами Познаньского воеводства. По данным А. Прухника, состав Советов был следующим: рабочих — 13%, крестьян — 12%, ремесленников и торговцев — 25%, представителей свободных профессий — 20%, помещиков и фабрикантов — 5%. Такой социальный состав, который был результатом недостаточного развития промышленности и слабости рабочего движения в Познанском воеводстве, позволял главной буржуазной партии эндеков вести там свою подрывную деятельность. Эндеки проникли в Советы и сумели овладеть ими. 8 января 1919 г. Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов в Познани под влиянием эндеков принял решение о ликвидации Советов во всей провинции.

В Поморье и Верхней Силезии Советы продолжали существовать и оказывать воздействие на жизнь рабочего класса в течение всего 1919 г., особенно в первой его половине. В Советах рабочих и солдатских депутатов в Верхней Силезии происходили острые столкновения между революционно настроенными рабочими, в своем большинстве поляками, и правыми деятелями СПД, игравшими руководящую роль в Советах. Начиная с ноября 1918 г. по Верхней Силезии прокатилась волна забастовок, сопровождавшаяся многочисленными столкновениями с немецкой жандармерией. В начальный период (декабрь 1918 г., январь и март 1919 г.) эти выступления были связаны с общенемецким забастовочным движением, причем в Верхней Силезии забастовки отличались своей массовостью и боевым духом. В то же время среди польского населения Силезии усиливалось стремление к национальному освобождению; с весны 1919 г. освободительное движение стало приобретать широкий характер, на ход которого повлияло отсутствие четкой позиции в национальном вопросе у коммунистов, не сумевших объединить борьбу народа Силезии за социальное и национальное освобождение. С весны 1919 г. повстанческие отряды, состоявшие в значительной мере из рабочих, жили в постоянном напряжении, они ждали только сигнала к восстанию. Вспоминая об этом времени, рабочий-металлист из Шопениц Францишек Ахтелик писал: «В самом начале 1919 года я вступил в наиболее революционную организацию „Союз Спартака“. Нет ничего удивительного в том, что на приближающееся восстание (а я готовился к нему, как и все) я смотрел как на революцию. Это было совершенно понятно. Немец был чиновником и офицером, фабрикантом и помещиком. Борьба против прусского господства означала

борьбу с угнетателями»¹⁵. Таким, видимо, было настроение многих рабочих-повстанцев в Силезии. Бесспорной является связь между началом первого Силезского восстания и общей забастовкой, начавшейся в Верхней Силезии 11 августа. Этой забастовкой руководил комитет доверенных лиц от шахт, металлургических заводов и фабрик. Коммунисты сыграли видную роль в ее подготовке и организации. Бастующие выдвинули требования ликвидации «грэнцшутца», обеспечения работой уволенных рабочих, освобождения политических заключенных, признания рабочих депутатов, снятия осадного положения в Верхней Силезии. Элементы классовой борьбы соединялись с борьбой за национальное освобождение. Дальнейший год событий зависел в значительной мере от того, кто сумеет встать во главе масс, жаждущих действия. Тогда инициативу взяли в свои руки низовые организации силезских повстанцев, которые вопреки воле руководства Польской повстанческой организации начали вооруженную борьбу против немецких войск. Террор прусских властей после подавления августовского восстания (1919 г.) привел к окончательному развалу рабочих Советов в Верхней Силезии.

Движение Советов в Польше, несмотря на глубокие различия между отдельными районами, обладает определенными общими чертами. Советы возникли под влиянием Октябрьской революции и являлись перенесенной на польскую почву формой организации масс, порожденной русским революционным движением. Они получили широкое распространение в период революционного подъема в Германии и странах Центральной Европы. Они отражали волю рабочих к объединению, их стремление сыграть самостоятельную роль в формировании независимого польского государства. На деятельности Советов сказались объективные и субъективные моменты рабочего движения, связанные с катастрофическим положением в промышленности, политической и организационной разобщенностью пролетариата.

В период формирования второй Польской республики в связи со сложной экономической и политической ситуацией в стране и влиянием Октябрьской революции происходили знаменательные организационные и идеологические изменения в среде польского рабочего класса. Массовая борьба польских рабочих протекала в тяжелых условиях разрухи в промышленности, вызванной войной и грабительской политикой оккупантов. Наиболее сокрушительные удары были нанесены экономике б. Царства Польского — второго после Верхней Силезии промышленного района Польши. Текстильные округа — Лодзь и Жирардув стали центрами почти полной безработицы. Погасли металлургические печи, прекратили работу Гута Банкова, Гута Катажина, Островецкие и Стараховицкие предприятия. Продолжала действовать только угольная промышленность; в ней даже несколько повысилась занятость рабочих. Депролетаризация текстильной и металлургической промышленности имела важные политические последствия: она ослабила воздействие передовых отрядов рабочего класса на политическую жизнь страны в переломный период ее истории.

Рабочие добивались восстановления промышленности и организации общественных работ, введения пособий и улучшения продовольственного снабжения. Экономическая борьба связывалась с политической. Требования признать Советы рабочих депутатов, фабричные комитеты и профессиональные союзы, иметь право контроля на фабриках, ввести прогрессивное социальное законодательство сопровождалось выступлениями против террора реакции, против войны, за солидарность с революционным движением в России и других европейских странах. Рабочие вместе с безработны-

¹⁵ «Pamiętnik powstańców śląskich», t. II. Katowice, 1961, s. 35—39.

ми участвовали в демонстрациях на улицах Варшавы, Лодзи, Жирардова, Ченстоховы, Люблина, Кракова, Влоцлавка, Плоцка и других городов.

В дни освобождения страны в Варшаве и других центрах были многочисленные случаи захвата рабочими промышленных предприятий¹⁶. Особенно массовый характер это явление приобретало на тех фабриках, которые в годы оккупации находились под немецкой администрацией. Лозунги обобществления предприятий и пуска их в ход были особенно популярны среди варшавских металлистов, многие из которых лишь недавно вернулись из охваченной революцией России. Глубокое брожение началось и среди сельскохозяйственных рабочих. На Люблинщине батраки захватили около 70 фольварков. Мощное забастовочное движение сельскохозяйственных рабочих развернулось также в Келецком, Варшавском и Лодзинском воеводствах.

В конце 1918 г. дошло до вооруженного восстания в Замостье с участием солдат местного гарнизона, рабочих и крестьян из близлежащих деревень. Бурные и кровавые забастовочные бои вспыхнули в Верхней Силезии, жестоко подавленные прусской жандармерией. В революционные волнения вылились стремления крестьянских масс к радикальной сельскохозяйственной реформе в центральной Галиции, Люблинском и Келецком воеводствах и других районах.

Революционные события в Польше и в Европе, пример героической борьбы большевистской партии и необходимость изменения программы и форм деятельности применительно к новым объективным условиям ускорили объединение революционного рабочего движения. В ноябре 1918 г. был организован межпартийный Совет, в состав которого вошли ведущие деятели СДКПиЛ и ППС-левицы. Совет координировал всю работу по подготовке Объединительного съезда.

16 декабря в Варшаве Объединительный съезд единогласно принял постановление о создании Коммунистической рабочей партии Польши и о ее вступлении в Коммунистический Интернационал. Съезд заявил о своей солидарности с Советской Россией и с революционным движением в Германии и других странах. В постановлении говорилось: «Съезд выражает чувства братской дружбы и солидарности с Коммунистической партией России (большевиков) и правительством Республики Советов — пионерами мировой социалистической революции, которые уже в течение 14 месяцев в тяжелейших условиях ведут титаническую борьбу с отечественной контрреволюцией, активно поддерживаемой вооруженной интервенцией и грабительским империализмом Антанты»¹⁷.

На Объединительном съезде были приняты политическая платформа, манифест «К пролетариату Польши» и основанный на принципах демократического централизма временный партийный устав. Коммунистическая партия выдвинула программный лозунг диктатуры пролетариата и призвала массы к борьбе за власть рабочих. Решения съезда были проникнуты революционным духом. Они сформулировали программу борьбы за коренное преобразование государственного строя, глубокие экономические и социальные реформы, за обобществление средств производства и помещичьих земель, за руководящую роль рабочего класса в жизни нации.

¹⁶ Архивные источники и пресса сообщают о захвате рабочими заводов в Варшаве: «Вулкан», Гандтке, Вл. Амбровевича, Корша и Юрковского, «Британия», Шеффера и Буденберга, С. Рыценберга, Маслова в Праге, строительные мастерские Фр. Мартенса и Дааба, обувной фабрики Рейкера, фабрики гардин Биркниса и др. Действия рабочих в общем носили организованный характер. Избирались фабричные комитеты, расставлялась охрана для предупреждения кражи, во многих случаях предпринимались попытки пустить в ход предприятия.

¹⁷ KPP. Uchwały i rezolucje, t. I. Warszawa, 1954, s. 55—56.

КРПП, однако, не знала еще путей, ведущих к реализации этой программы и установлению гегемонии пролетариата. Она не выработала теории, связывающей в единое целое социальные требования рабочего класса с его борьбой за объединение и свободу польских территорий, которые еще тогда находились под германским господством. Она недооценивала значения союзников пролетариата и революционного характера требования передачи помещичьих земель крестьянам. Непонимание КРПП ленинского подхода к национальному и крестьянскому вопросам и демократическим требованиям затрудняло выполнение исторических задач пролетарской партии в борьбе за прогрессивный и социалистический путь развития возрожденной Польши.

Источником силы КРПП был ее постоянный и тесный контакт с рабочим классом. Как и ее предшественники СДКПиЛ и ППС-левица, КРПП стала играть ведущую роль в профсоюзах столицы и важнейших объединениях рабочих, работников металлургической, текстильной, строительной, хлебопекарной и некоторых других отраслей промышленности. КРПП была инициатором и организатором многочисленных выступлений промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Она играла решающую роль в Советах рабочих депутатов, в многочисленных рабочих потребительских кооперативах и культурно-просветительных организациях. Влияние КРПП росло, несмотря на усиливавшийся террор властей и реакционных организаций, заставивший КРПП перейти в подполье.

Весной 1919 г. коммунисты активно участвовали в многочисленных забастовках сельскохозяйственных рабочих (а иногда стояли во главе их). Благодаря этим забастовкам сельскохозяйственным рабочим удалось добиться подписания коллективных соглашений, значительно улучшивших их положение. Возросло также влияние КРПП на профсоюз сельскохозяйственных рабочих, о чем свидетельствует получение ею большинства на II съезде этого союза в июне 1919 г. Коммунисты руководили выступлениями безработных. В ходе этой массовой борьбы усиливалось сотрудничество между КРПП и левым крылом ППС. В июне 1919 г. оппозиция порвала с партией и образовала свою организацию — ППС-оппозицию, которая в своей программе признавала необходимость диктатуры пролетариата в форме власти Советов и революционное объединение рабочих и теснейшим образом сотрудничала с КРПП. В 1920 г. вступила в ее ряды.

Глубокие изменения происходили и в классовых профессиональных союзах¹⁸. Проявилось стремление к объединению местных и областных союзов в общегосударственные. Массовый характер профсоюзов был результатом их активности и руководящей роли в экономических выступлениях и стачках, охвативших почти весь рабочий класс. Инициаторами объединения были коммунисты и левая оппозиция социалистов. Летом 1919 г. по инициативе Союзом металлистов, строителей, текстильщиков, сельскохозяйственных рабочих и других многочисленных рабочих организаций произошло объединение профсоюзов в стране. В июне в целях создания общей платформы была создана паритетная комиссия ЦК КРПП и ЦИК ППС. Она выработала текст «Декларации», являющейся программным документом. В ней дана оценка политической ситуации как периода «готовящейся международной социальной революции». Непосредственной целью классового профессионального движения Декларация провозглашала борьбу за свержение капитализма и установление социалистического строя. В этих формулировках мы видим влияние политического климата периода победоносной русской революции.

¹⁸ H. Malinowski. Problemy jedności klasowego ruchu zawodowego, 1918—1919.—«Biuletyn historyczny Centralnej Rady Związków Zawodowych», 1966, № 3.

Роль профсоюзов определялась в Декларации следующим образом: «В стремлении установить социалистический строй профсоюзы, как одна из форм организации рабочего класса, должны сотрудничать с Советами рабочих депутатов, которые охватывают весь пролетариат». Признавая Советы рабочих депутатов высшей и всеобщей формой организации пролетариата, она вместе с тем предусматривала независимое положение профсоюзов от Советов. Определенный компромисс содержится в определении политической роли профсоюзов. «Будучи самостоятельными организациями, независимыми от каких бы то ни было политических партий, профсоюзы принимают участие в важнейших вопросах политической жизни, выступая самостоятельно или в контакте и сотрудничестве с рабочими социалистическими партиями»¹⁹. В этой формулировке подчеркивается самостоятельность профессионального движения и признается его политическая роль.

12 июля 1919 г. в Люблине состоялась Объединительная конференция классовых профсоюзов б. Царства Польского. Коммунистические союзы, в которые входило 78 668 человек, были представлены 30 делегатами. Такое же число делегатов представляло 75 882 члена социалистических союзов. Пленарным заседаниям предшествовали отдельные заседания депутатов от каждой партии. По отчету, делегаты от социалистической партии заседали «более продолжительно и бурно». Руководитель социалистических профсоюзов Жулавский констатирует, что постановление об объединении было принято «несмотря на сопротивление некоторых социалистов», опасавшихся, что объединение с коммунистами революционизирует профессиональное движение. На пленарном заседании была принята программная декларация, избраны новый Центральный комитет профсоюзов (13 членов от социалистической партии и 11 членов от коммунистической) и на паритетных началах Исполнительный комитет ЦК профессиональных союзов. Таким образом состоялось объединение классового профессионального рабочего движения на территории б. Царства Польского. Профсоюзы Галиции, которые вначале скептически и недоброжелательно относились к объединению, продолжали оставаться в стороне вплоть до I Конгресса профсоюзов в середине 1920 г.

Объединение профсоюзного рабочего движения в Польше было одним из первых в послевоенной Европе; оно произошло в то время, когда во многих странах, в частности в Германии, среди коммунистов обозначилась тенденция к выходу из реформистских профсоюзов. Объединение профессиональных союзов имело историческое значение; оно существенно повлияло на характер профессионального движения в стране. Острые столкновения в профсоюзах между ППС и КРПП в межвоенный период все-таки были не в состоянии перечеркнуть их единства.

Стремление к объединению преобладало также в рабочей кооперации. 10—11 мая 1919 г. состоялся съезд рабочих потребительских союзов, в котором приняло участие около 170 человек, представлявших около 50 кооперативных организаций б. Царства Польского, находящихся под влиянием КРПП, ППС и еврейских социалистических партий. Присутствовали также представители коопераций из Галиции. Съезд прошел под знаком единства и провозгласил создание Союза рабочих потребительских коопераций. Почти единогласно принятая резолюция отражала революционные настроения делегатов. Она подчеркивала, что мир вступил в период непосредственной борьбы за социализм. Кооперативы как рабочие организации должны стремиться организовывать жизнь на новых принципах, сохраняя экономическую и организационную самостоятельность, помогать

¹⁹ «Związkowiec», 1919, № 1 (5).

пролетариату в его борьбе. Постановления съезда одновременно уделяли внимание культурно-просветительным и воспитательным задачам кооперативного движения.

На характер борьбы польских рабочих в 1918—1919 гг. влияло внутреннее положение в стране, а также новая ситуация в международном рабочем движении. Тактика партии большевиков в борьбе за власть и пример первого государства диктатуры пролетариата убеждали народные массы Польши языком фактов, преобразующих мир. Воздействие Октябрьской революции обогащало длительные традиции общей революционной борьбы польского и русского пролетариата.

Русская революция содействовала росту политического самосознания польских рабочих, укрепляла их веру в свои силы и революционную энергию. Она ускорила объединение революционного рабочего движения и образование КРПП, усилила идеологическое развитие и активизировала левое крыло ППС и других рабочих партий. Октябрьская революция усилила стремление рабочих к единству, что нашло выражение в движении Советов рабочих депутатов, в росте и объединении профессиональных союзов; она придала широкий размах и глубину общественно-экономической и политической борьбе рабочего класса. Революционно настроенная часть пролетариата выдвинула лозунг борьбы за диктатуру пролетариата, но не смогла разработать концепции, гармонически сочетающей в единое целое этот лозунг с идеей руководящей роли рабочего класса в борьбе за свободу и социальные преобразования, с политикой союза рабочих и крестьян. Как объективные, так и субъективные условия мешали рабочему классу в реализации его революционных стремлений. Опыт революционной борьбы 1918—1919 гг., однако, сыграл важную роль в дальнейшем идеологическом и политическом развитии польского рабочего движения.

НИКОЛА ПЕТРОВИЧ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАРОДЫ ЮГОСЛАВИИ

В те дни, когда в России совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, югославянские народы вели тяжелую, кровопролитную борьбу за свое будущее. Их положение к концу 1917 г. было очень трудным. Борьба югославянских народов в ходе империалистической войны развивалась в крайне сложных условиях, а ее исход к концу 1917 г. еще совсем не был ясен. В этот момент вспыхнула Великая Октябрьская социалистическая революция и открыла новые перспективы для народов, вовлеченных против своей воли в империалистическую войну, вдохнула новые надежды в народы Югославии, которые свыше трех лет истекали кровью на полях сражений и не только страстно ожидали конца мировой войны, но в условиях чужеземного господства искали путей и способов освобождения от национального и социального гнета.

Мы сказали, что с политической точки зрения положение югославянских народов было очень сложным, а их будущее — неизвестным. По каким причинам?

Как отмечал В. И. Ленин, в начале 1917 г. произошел поворот в мировой политике ¹, а именно наступил поворот от империалистической войны к миру, но к миру империалистическому.

Не входя в детальное рассмотрение положения, наступившего после двух с лишним лет войны, скажем лишь, что дунайская монархия после тяжелых боев и больших потерь в людях и технике, после экономического и, особенно, продовольственного кризиса оказалась в исключительно трудном положении. Чрезвычайно обострился и национальный вопрос, особенно югославянский. Борьба угнетенных в социальном и национальном отношении масс в 1917 г. вступила в новую, высшую фазу. После Февральской и в особенности после Октябрьской революции резко растет число покинувших армию и расширяются формы пассивного и активного сопротивления империалистической войне. Монархия вступает в фазу ускоренного развала и распада.

Правящие круги Австро-Венгрии во главе с новым императором Карлом IV и министром иностранных дел Оттокар Черниным зондировали почву с целью заключения сепаратного мира с Антантой, а внутри страны делали кое-какие незначительные уступки массам в надежде сдержать их растущее сопротивление. Они осознавали всю тяжесть положения, в котором очутилась монархия после двух с половиной лет войны ². Они

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 30, стр. 241, а также стр. 339—340.

² В своем известном меморандуме от 12 апреля 1917 г. Черпин, в частности, говорит: «Здесь я не могу не обратить внимания на тему, на которой основывается вся моя аргументация. А именно — на революционную опасность, поднимающуюся на горизонте всей Европы... Пять монархов уже свергнуто в этой войне, а удивительная

попытались что-то предпринять, но клубок внутренних и внешних противоречий был столь запутанным, а ожесточенная вооруженная борьба империалистических держав достигла такой степени, что развязку могла принести только новая революционная борьба масс и еще более решительное вступление мирового пролетариата на политическую арену. На этот путь указал с гениальной прозорливостью Ленин в знаменитых Апрельских тезисах.

Развитие событий в 1917 г. толкало югославянские буржуазно-националистические партии, группы и отдельных деятелей на значительное оживление своей деятельности и частичное изменение политической линии. Если они не хотели лишиться влияния на массы, то они должны были делать уступки их настроениям, становящимся все более радикальными. Контакты с массами уже нельзя было осуществлять на основе старых программы и лозунгов, безоговорочной поддержки военных усилий монархии или с помощью немогущей и анемичной оппозиции.

Сигнал к проведению «новой политики» дал Югославянский клуб, образованный 29 мая 1917 г. в Вене путем слияния Хорватско-словенского клуба, Народного клуба и Далматинского клуба. Активную роль в нем играло молодое крыло словенской клерикальной партии во главе с Антоном Корошцем, избранным председателем Югославянского клуба. На другой день клуб опубликовал так называемую Майскую декларацию, в которой требовал, чтобы все земли габсбургской империи, населенные хорватами, сербами и словенцами, объединились в «одно самостоятельное, от всякого господства иных народов свободное и на демократических принципах основанное государственное образование *под скипетром Габсбургско-лотарингской династии*»³. Требование Югославянского клуба, на первый взгляд, могло выглядеть радикальным, по мнению некоторых авторов — даже «революционным», так как его осуществление приводило бы к полному изменению структуры двуединой монархии, созданной в 1867 г. на основе компромисса между господствующими классами Австрии и Венгрии. Двуединая монархия превратилась бы в триединую, с третьей государственной единицей — югославянской. Но подлинный характер и сущность Майской декларации раскрывает требование о том, чтобы изменения произошли «под скипетром Габсбургско-лотарингской династии». Это значило, что социально-экономическая система монархии должна оставаться нетронутой, что во всяком случае не надо касаться структуры полуфеодалных поместий крупной аристократии, чьим защитником была всегда именно Габсбургско-лотарингская династия, которая сама владела обширными латифундиями. Между тем, социальную базу национальных движений в империи как раз составляли огромные массы крестьянства, мечтавшие о земле⁴. Было бы ошибкой считать, что бур-

легкость, с которой была свергнута сильнейшая монархия мира (царская Россия. — *Н. П.*), должна заставить нас задуматься и вспомнить о правиле — „*exempla trahunt*“.. Государственный деятель, если он не слеп и не глух, должен заметить, как все больше растет мрачное отчаяние среди широких масс населения... На наших славян русская революция влияет значительно сильнее, чем на немцев в Германии... Если монархи Центральных держав не будут в состоянии заключить мир в течение нескольких ближайших месяцев, то это сделают сами народы через их голову и тогда волны революционных беспорядков унесут все, за что наши братья и сыновья до сих пор все еще сражаются и умирают...» (*O. Czernin. Im Weltkriege. Wien, 1919, S. 198—201.*)

³ См. об этом статью Драгована Шенича «*Oktobarska revolucija i jugoslovensko pitanje u Austro-Ugarskoj 1917—1918.*» — «*Historijski zbornik*», Zagreb, 1958—1959, s. 7—47. Д. Шенич ограничил тему своей работы влиянием Октябрьской революции и миролюбивой внешней политики Советского правительства на политику югославянских буржуазных политических партий. (Курсив наш. — *Н. П.*)

⁴ В начале XX в. в империи насчитывалось 5,5 млн. мелких сельских хозяйств, делившихся примерно пополам между той и другой частями государства. Кроме того,

жуазия по каким-то тактическим соображениям вплоть до распада монархии оставляла без внимания вопрос о разделе помещичьей земли. Она прежде всего учитывала собственные классовые интересы, боялась революционной борьбы масс и пыталась заполучить для себя какие-нибудь уступки и *обеспечить себе возможно более широкое участие в управлении страной и в эксплуатации масс*. Несомненно, что этот мотив играл совершенно определенную роль в политике буржуазии, начиная с того момента, когда в условиях назревания всеобщего кризиса империи открылись возможности в этом направлении. Во всяком случае, сильный отклик масс на Февральскую революцию, о чем говорил и Чернин, сыграл очень значительную роль в политической активизации буржуазных националистических партий.

Однако не следует переоценивать радикализм и резкий подъем оппозиционных настроений у югославянской буржуазии в 1917 г. Необходимо поставить вопрос: что же происходило тогда в правящих кругах монархии, а конкретно — в совместном австро-венгерском кабинете, этом высшем политическом органе дуалистической приданайской империи?

12 января 1917 г. под председательством Карла IV состоялось заседание совместного кабинета. Из старых членов кабинета в нем оставался только председатель венгерского правительства С. Тиса. На заседании обсуждался вопрос об отношении к Сербии и Черногории по окончании войны, а также югославянский вопрос в империи. Не вдаваясь в подробности, скажем лишь, что на этом заседании, после столкновения противоположных точек зрения была окончательно оставлена идея об аннексии Сербии и Черногории. Министр иностранных дел Чернин должен был прямо признать, что «монархия, ведущая оборонительную войну, и так достигнет многого, если, закончив войну, *сохранит свою территориальную целостность*»⁵. Мечты австро-венгерских империалистов о великих завоеваниях на Балканах были теперь, спустя два с лишним года войны, похоронены. Правда, в качестве максимальной военной программы и в дальнейшем считалось, что Сербия и Черногория должны — в той или иной мере, смотря по обстоятельствам — стать зависимыми от монархии и пойти на некоторые территориальные уступки.

Председатель австрийского правительства Кламм-Мартиниц заявил, что «... долг обязывает его сказать, что, по его мнению, нельзя воспрепятствовать стремлению югославян к единству...» и потребовал, чтобы это единство было осуществлено путем присоединения Сербии к монархии. В ответ О. Чернин заметил, что на аннексию Сербии больше нельзя рассчитывать, но что «стремление югославян к единству пробьет себе дорогу стихийно, будь то с нами или против нас»⁶. Согласно сведениям, приведенным Д. Шеличем, Карл IV был тоже убежден, что югославянский вопрос нужно поставить в повестку дня как актуальный вопрос⁷. Он, якобы, остался очень доволен заявлением Корошеца от 30 мая 1917 г.

в австрийской части имелось около 950 тыс. мелких ремесленных предприятий с 2 млн. работников; в венгерской части государства было 400 тыс. ремесленных предприятий, где работало свыше 900 тыс. человек. (J. Křížek. Die wirtschaftlichen Grundzüge des österreichisch-ungarischen Imperialismus in der Vorkriegszeit (1900—1914). Praha, 1963, S. 5—7). Эта огромная масса мелких собственников составляла социальную базу национальных движений.

⁵ Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien (далее — HHStA), Politisches Archiv, XL, Interna, Gemeinsame Ministerratsprotokolle, заседание от 12 I 1917 г. (Курсив наш — Н. П.).

⁶ Подробнее об этом см. Н. Петров и Н. Заједнички аустро-угарски кабинет и југословенско питање. В сб. «Jugosloveni i pred prvi svetski rat». Urednik V. Cubrilović, Beograd, 1967.

⁷ D. Sepić. Ibid., s. 9.

Авторы Майской декларации, таким образом, могли рассчитывать на поддержку влиятельнейших государственных и политических деятелей. Однако именно поддержка Карла IV и О. Чернина наглядно свидетельствует о подлинном характере, смысле и сущности Майской декларации. Оценка ее как прогрессивного политического акта, была бы по меньшей мере смелой и далекой от реального положения дел. И то обстоятельство, что Югославянский клуб в течение 1917—1918 гг. постепенно переходил на все более радикальные позиции и усиливал оппозицию к австро-венгерскому режиму, можно объяснить лишь обострением и углублением внутреннего кризиса империи, все более смелой и решительной революционной борьбой угнетенных масс.

В рамках этой статьи мы не имеем возможности проследить и проанализировать сложные политические комбинации и тактику словенских, сербских и хорватских буржуазных политических партий как в плане их взаимных отношений, так и в плане их отношения к австрийскому и венгерскому правительствам. Укажем лишь на две, по нашему мнению, характерные черты, свойственные политике этих партий вплоть до краха монархии в конце октября 1918 г. Во-первых, положительное, лояльное отношение к Австро-Венгрии, сопровождающееся ясным стремлением добиться решения югославянского вопроса в рамках политически реорганизованного, нового государственного объединения под скипетром господствующей Габсбургской династии, но без каких-либо существенных экономических и общественных изменений. Во-вторых, использование легальных форм деятельности и отсутствие всякой настоящей и действительной связи с обострившейся и расширяющейся революционной борьбой масс.

После заседания кабинета 12 января господствующие австро-венгерские политические круги в течение 1917 г. ничего не предпринимали в отношении югославянского вопроса. Отчасти это объясняется тем, что они искали выхода и спасения в тайных переговорах о сепаратном мире с Антантой, проводившихся с участием принца Сикста Бурбонского, шурина Карла IV. Одной из причин этого было также и сопротивление господствующих буржуазно-помещичьих кругов Венгрии какому бы то ни было изменению дуалистического характера монархии.

Между тем внутренний кризис монархии еще более обострился и перерос в открытый кризис страны. После Февральской революции, к середине 1917 г., а в особенности после победы Великой Октябрьской социалистической революции резко возрастает число дезертиров, «самострелов», умышленных заражений инфекционными болезнями; саботаж военных усилий монархии принял еще более широкий размах, росло число забастовок, борьба масс против империалистической войны охватила все нации Австро-Венгрии и, что особенно важно, в борьбу вступила миллионная армия пролетариата, которого социал-демократическим вождям довольно долго удавалось обманывать.

С 1917 г. дезертирство из армии приобретает новые формы. Наряду с переходом на сторону противника, как это очень часто делали югославы не на сербском и русском фронте, солдаты массами покидали свои подразделения и возвращались на родину. Они организовывали вооруженные группы в 10—15 человек и при поддержке народа вели вооруженную борьбу против военных властей, которые силой пытались заставить их вернуться на фронт. Скрываясь в лесах Хорватии, Славонии, Срема, а затем и всех других югославянских земель империи, эти отряды, называвшиеся «зеленым кадром», превратились в крайне опасного противника власти. Их сила заключалась в том, что население ближайших сел помогало им, сообщало о передвижениях противника, укрывало, одевало и кормило.

Их тактика содержала элементы партизанской войны. Слабостями «зеленого кадра» были раздробленность, неорганизованность, отсутствие связей между отрядами, отсутствие центрального военного и политического руководства, недостаточное осознание перспектив и целей борьбы. Ни одна из существующих партий не помышляла о том, чтобы возглавить эту неорганизованную, стихийную борьбу крестьянских мятежников. Это была высшая форма борьбы, до которой смогли стихийно подняться миллионные массы неимущего и трудового крестьянства в условиях всеобщего революционного кризиса, в который все глубже погружалась империя. Вместе с тем движение «зеленого кадра» служит блестящим подтверждением ленинской теории о необходимости руководящей роли партии рабочего класса, о необходимости союза рабочего класса с трудовым крестьянством в борьбе против войны и империализма.

Численность «зеленого кадра», по некоторым оценкам, составляла к концу войны около 200 тыс. человек⁸. Австрийский историк, генерал Глайзе-Хорстенау, который во всяком случае не имел намерения рисовать монархию черной краской, утверждал, что «...уже летом 1918 г. „зеленый кадр“ представлял собой весьма значительную армию, располагавшую пулеметами и даже несколькими пушками. Когда в мае 1918 г., направляясь в Софию и Константинополь, император проезжал через южную Венгрию и Срем, пришлось принять особые меры безопасности, чтобы предотвратить внезапные нападения со стороны «зеленого кадра»⁹. Во всяком случае, на основе достоверных фактов правомерно утверждать, что «зеленый кадр» перерос в огромную революционную силу, действовавшую в обширных районах империи и, в качестве союзника пролетариата, содействовавшую в нанесении смертельного удара монархии, что в значительной степени способствовало ее распаду в 1918 г. на составные части¹⁰.

О назревании революционного кризиса в империи, помимо «зеленого кадра», свидетельствовали и другие, исключительно важные события. Возникнув на почве одряхлевшей габсбургской империи, на базе назревших антагонистических противоречий, эти события развивались под сильным влиянием Октябрьской революции и гениальной ленинской мысли. Несмотря на суровую цензуру, правда об Октябрьской революции все больше распространялась в Австро-Венгрии, а после заключения Брестского мира многие солдаты, вернувшись из русского плена, разносили по городам и селам монархии вести о героической эпопее пролетариата России.

В январе 1918 г. вспыхнула всеобщая забастовка венского пролетариата вопреки социал-демократическому руководству, сделавшему все для того, чтобы как можно скорее подавить ее. Забастовка перекинулась

⁸ F. Čulinović. *Odjeci Oktobra u jugoslavenskim krajevima*. Zagreb, 1957, s. 97.

⁹ E. Glaise-Horstenaus. *Die Katastrophe. Zertrümmerung Österreich-Ungarns und das Werden der Nachfolgerstaaten*. Wien, 1924, S. 248. Много сведений о «зеленом кадре» приводится в упомянутой книге Ф. Чулиновича, а также в статье Богдана Кризмана «Материалы о волнениях в Хорватии в конце 1918 г.». Между этими двумя авторами имеются различия в оценке «зеленого кадра».

¹⁰ На VI Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов Ленин, говоря о международном положении в связи с первой годовщиной Октябрьской революции, сказал: «Теперь же большинство стран, входящих в сферу германо-австрийского империализма, охвачено пожаром (Болгария, Австрия, Венгрия). Мы знаем, что после Болгарии перекинулась революция на Сербию. Мы знаем, как эти рабоче-крестьянские революции прошли через Австрию и дошли до Германии». (В. И. Ленин. ПСС., т. 37, стр. 158). По нашему мнению, крестьянский элемент в революции, о котором говорил Ленин, был представлен, в частности, «зеленым кадром».

в Будапешт и распространилась по целому ряду промышленных центров империи¹¹.

Первого февраля 1918 г. началось заранее подготовленное восстание матросов австро-венгерских кораблей, стоявших во втором по величине австро-венгерском военном порту — Боке Которской. В этом порту стояло на якоре около 40 судов военно-морского флота (в том числе линкор «Санкт-Георг» и 4 крейсера) с экипажем почти в 6000 матросов. Восстание было жестоко подавлено, но оно получило огромный отклик не только в монархии, но и во всем мире и показало тяжесть положения, в котором находилась габсбургская империя¹².

Для восстания которских матросов прежде всего характерны три факта. Во-первых, в нем участвовали не только югославы, но и матросы других национальностей монархии. Во-вторых, восстание носило организованный характер и охватило большое число кораблей. В-третьих, оппозиционные буржуазные, а также социал-демократические партии не имели к нему никакого отношения. Влияние Октябрьской революции на события в Которе не вызывает никаких сомнений.

В конце 1917 г. в Шибенике была создана нелегальная организация, подготавливавшая довольно обширный план восстания не только военно-морского гарнизона в этом городе, но и гарнизонов в других далматинских портах. Организация продолжала активно действовать и после неудавшегося восстания которских матросов. Национально-революционные элементы, составлявшие большинство членов этой организации, установили контакты с оппозиционными буржуазными политическими деятелями Далмации и Загреба, с Югославянским комитетом в эмиграции, но они оставались пассивными вплоть до падения монархии именно потому, что буржуазные политические деятели удерживали и отговаривали их от всякого «преждевременного» выступления¹³. Буржуазия, следовательно, уже не была революционным классом; даже буржуазия угнетенных наций не хотела революции, хотя она также находилась в неравноправном положении и подвергалась угнетению. Короче, буржуазия боялась революционной борьбы масс. Она больше действовала под натиском восстающих масс, чем по собственной воле и желанию¹⁴.

Под напором трудностей, проявлявшихся во всех сферах государственной, политической, военной и экономической жизни, австро-венгерский кабинет был вынужден снова заняться югославянским вопросом. На заседании 30 мая 1918 г., проходившем под председательством самого монарха, югославянский вопрос был единственным пунктом повестки дня, чем особенно подчеркивалось значение этой проблемы. Карл IV во вступительной речи потребовал, чтобы было найдено решение югославянского вопроса, так как он очень важен для монархии; трудности конституционного

¹¹ Dr. N. N e s k. *Arbeiterschaft und Staat im ersten Weltkrieg*. Wien, 1955. (Сб. документов).

¹² F. Č u l i n o v i ć. *Ibid.*, s. 187—355; B. S t u l l i. *Prilozi gradji o ustanku mornara u Boki Kotorskoj 1—3 februara 1918.*— «Arhivski vjesnik», Zagreb, 1958, № 1, s. 174—248.

¹³ F. Č u l i n o v i ć. *Ibid.*, s. 153—186. «Политическое руководство... шпего не делало. Оно пассивно ожидало помощи из-за рубежа и эту свою пассивность навязало шибеникским заговорщикам. Таким образом деятельность шибеникских заговорщиков лишь только тормозилась. Политическое руководство (буржуазных партий — *Н. П.*), с одной стороны, и союзники, с другой, умертвили это движение, которое по своей организованности и первоначальной активности было очень многообещающим» (*Ibid.*, s. 184—185). Этот факт подтверждает и Срджан Будисавлевич в своих воспоминаниях «*Stvaranje države Srba, Hrvata i Slovenaca*». Zagreb, 1958.

¹⁴ Из крупных революционных выступлений начала 1918 г. можно еще упомянуть о восстании 13 мая словенских воинских частей гарнизона в Юденбурге и восстании 20 мая гарнизона в Пече, в южной Венгрии.

и политического порядка, которые нужно преодолеть, велики, но «по этому вопросу нужно что-то сделать и притом быстро»¹⁵.

Однако между австрийскими и венгерскими членами кабинета вновь возникли серьезные разногласия по югославянскому вопросу. Глава австрийского правительства Зайдлер, очевидно выражая мнение своего суверена, высказался за триалистическое решение, т. е. за объединение Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и Герцеговины (но без Словении) в некую государственную единицу. Уступая резким возражениям венгерских членов кабинета, главы венгерского правительства Векерле и имперского министра иностранных дел Буриана, Зайдлер согласился с тем, чтобы само решение до времени отложить. Наряду с этим он требовал, чтобы югославам хотя бы *намекнули* на триализм, как на *возможное* решение в будущем, однако и в этом отношении ничего не добился. Венгерские члены кабинета ни на поту не хотели отступать от дуализма. Больше того, они предложили обуздать «югославянскую агитацию» путем применения суровых полицейских мер. Таким образом, высший политический орган монархии оказался совершенно неспособным что-либо предпринять, хотя симптомы, предвещающие скорую катастрофу, умножались с головокружительной быстротой.

Оценивая положение в Австро-Венгрии в дни, когда империя находилась в состоянии полного распада, В. И. Ленин на VI Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов дал очень точную характеристику политике господствующих кругов дунайской монархии: «Тамошнее (т. е. австро-венгерское. — *Н. П.*) правительство отличается той же беспомощностью, той же дикой растерянностью, той же полной потерей головы, которой отличалось в свое время, к концу февраля 1917 года, правительство Николая Романова»¹⁶.

Югославянский вопрос вновь обсуждался совместным австро-венгерским кабинетом 29 сентября 1918 г., потом 2 октября, затем 4 октября и, наконец, 22 октября — за восемь дней до катастрофы и исчезновения монархии как государства. Ни на одном из этих четырех заседаний кабинет не смог добиться единства в отношении «уступок» или обещаний, которые следовало бы сделать югославам. Представители помещичье-буржуазных, господствующих кругов Венгрии постоянно отказывались пойти на изменение дуалистической структуры монархии. Даже 16 октября, когда Карл IV объявил свой манифест о федерализации Австрии, он должен был по требованию главы венгерского правительства Векерле определенно подчеркнуть дуалистический характер государства, так как венгерское правительство угрожало прекратить поставки продовольствия Австрии. А положение с продуктами питания и без того было более чем тяжелым — голод распространился в обширных районах¹⁷. Истина — крайняя беспомощность, растерянность, безголовость правящих классов!

Тот факт, что австрийские члены кабинета предлагали принять хоть какие-то решения по югославянскому вопросу, отнюдь не означает, что они были готовы к далеко идущим, существенным уступкам. Напротив! Речь шла о частичных уступках и обещаниях, с помощью которых они хотели выиграть время, добиться выгодного перемирия и мира¹⁸, обмануть революционные массы и, несомненно, ослабить позиции конкурента, правящих классов Венгрии, и таким образом изменить соотношение сил

¹⁵ HHSta, Gemeinsame Ministerratsprotokolle, протокол от 30 V 1918 г.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 152.

¹⁷ K a r o l y i M i h á l y. Egy egész világ ellen. Budapest, 1965, p. 320.

¹⁸ 4 октября 1918 г. Австро-Венгрия предложила Соединенным Штатам Америки заключить перемирие и приступила к переговорам о мире на основе 14 пунктов Вильсона. Правительство США ответило нотой от 18 октября.

в габсбургской империи в пользу австрийских монополистов и латифундистов. О решении аграрного вопроса или о каких-нибудь общественных реформах они даже и не помышляли.

Как уже говорилось, Карл IV и некоторые влиятельные круги Австрии подумывали о сепаратном мире еще в 1917 г., надеясь тем самым спасти габсбургскую империю от развала и вместе с тем вырваться из стальных объятий германских империалистов. Мы не будем рассматривать здесь историю переговоров о перемирии и причины, по которым эти переговоры не имели успеха. Однако существенно, что спекуляции австрийской камарильи вокруг переговоров все же имели под собою довольно реальную основу. Иначе говоря, господствующие круги Антанты считали, что Австро-Венгрию в любом случае, даже если она потерпит поражение в войне, необходимо сохранить как единое государство. Еще 5 января 1918 г., когда признаки кризиса и развала были видны всякому, британский премьер Ллойд Джордж заявил, что монархию нужно сохранить как государство. Точно такое же мнение высказывал 8 января президент США Вильсон в своих 14 пунктах, заметив вместе с тем, что угнетенным нациям Австро-Венгрии необходимо предоставить право на «автономное развитие». Однако он не сказал, в каком объеме и какой по содержанию должна быть эта автономия¹⁹. Этой политики придерживались страны Антанты вплоть до развала империи. Притом принцип самоопределения наций был истолкован Ллойд Джорджем в весьма реакционном духе — как «управление с согласия тех, которыми управляют»²⁰. Таким образом, в своих взаимоотношениях с Антантой, как союзником в войне, сербское правительство в эмиграции и Югославянский комитет оказались в очень затруднительном и щекотливом положении, ибо без разрушения Австро-Венгрии было невозможно объединение югославянских народов в единое государство, а Антанта этому противилась.

Октябрьская революция открыла путь для нового революционного решения вопроса о праве наций на самоопределение: это особенно ярко выразилось в Декрете о мире, предложенном Лениным 8 ноября 1918 г. в качестве первого декрета II съезда Советов. Победоносная пролетарская революция, разумеется, совершенно иначе, чем империалисты, трактовала принцип самоопределения народов. В Декрете о мире аннексией или присоединением чужой территории рассматривается «... всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация»²¹. Совершенно естественно, что декрет Советского правительства о мире должен был получить сильный отклик в многонациональной австро-венгерской империи. И хотя австро-венгерская печать, опубликовав советское предложение о мире, опустила раздел о праве наций на самоопределение якобы из-за помех во время приема радиogramмы, широкие слои трудящихся очень скоро узнали об этом.

Об обстановке того времени в империи, особенно о положении, в котором находился национальный вопрос, свидетельствует тот факт, что югославянские, чешские и украинские депутаты имперского парламента при всем своем враждебном отношении к Октябрьской революции и Совет-

¹⁹ D. J a n k o v i ć — В. K r i z m a n. Građa o stvaranju jugoslovenske države. Beograd, 1964, s. 13.

²⁰ Ibid.

²¹ В. И. Л е н и н. ПСС, т. 35, стр. 14 (Курсив наш.— Н. П.).

скому правительству опубликовали 1 декабря 1917 г. коммюнике, в котором обратили внимание общественности на то, что в советских предложениях говорится не только о мире без аннексий и контрибуций, но также и о праве наций на самоопределение. Они осудили австрийское правительство и печать за то, что те замалчивают это, и подчеркнули, что правительство умышленно сузило базу для мирных переговоров, предложенную Советским правительством²². Однако не только это коммюнике, но и последующая, все более решительная оппозиционная политика буржуазных партий угнетенных наций империи также свидетельствует о том, что после Октябрьской революции национальный вопрос в империи вступил в новую, критическую фазу. Тем не менее процесс развивался неравномерно, а некоторые партии, как, например, Сербо-хорватская коалиция, вошедшая в правительство Хорватии, и в дальнейшем оставались пассивными, ожидая исхода мировой войны. Даже те югославянские партии, которые приветствовали советский Декрет о мире и внесли в свои программы принцип самоопределения, оставались тем не менее на платформе Майской декларации, а это означало, что они требовали объединения югославян Австро-Венгрии в рамках империи. Стало быть, самоопределение, но без права на отделение! На таких позициях эти партии оставались до второй половины 1918 г.²³ Так обстояло дело в Австро-Венгрии.

Но и отношения между сербским правительством в эмиграции и Югославянским комитетом постоянно осложнялись ввиду наличия серьезных разногласий. Великосербская буржуазия во главе с Николой Пашичем стремилась к централистскому устройству будущего югославянского государства при гегемонии сербской буржуазии. Она стояла за монархическое устройство государства с династией Карагеоргиевичей во главе. Она во что бы то ни стало хотела добиться того, чтобы освобождение югославянских земель от гнета Австро-Венгрии было ее «заслугой» и ее «делом», а не результатом совместной борьбы, и в особенности революционной борьбы масс. Вплоть до середины 1917 г. эти два органа не могли договориться об основных принципах будущего югославянского государства. Двадцатого июля 1917 г. после конференции представителей сербского правительства, сербской оппозиции и Югославянского комитета, проходившей на острове Корфу, было опубликовано соглашение об образовании будущего Королевства сербов, хорватов и словенцев путем объединения Сербии и Черногории с югославянскими землями, находящимися под властью Австро-Венгрии. Корфской декларацией были лишь частично устранены разногласия между сербским правительством и Югославянским комитетом по вопросу о будущем югославянском государстве. Следовательно, по-прежнему сохранились серьезные разногласия между буржуазными партиями и группами, причем как в стране, так и за рубежом. Совершенно естественно, что это затрудняло борьбу за создание югославянского государства как во внутреннем, так и в международном плане.

1918 год, когда было образовано югославянское государство, прошел, таким образом, под знаком глубоких политических сдвигов и крупных событий во всех областях государственной, общественной, экономической

²² «Bulletin Jougoslave». Londres — Paris, № 28, p. 19—20; D. Š e p i ć. Ibid., s. 20.

²³ В каком-то смысле исключением была отколовшаяся от Сербо-хорватской коалиции группа во главе с Срджаном Будисавлевичем и Валерианом Прибичевичем, а также ряд хорватских депутатов; 3 декабря 1917 г. они объявили декларацию в связи с советскими предложениями о мире, решительно подчеркнув право наций на самоопределение, но не упомянув ни о Майской декларации, ни о династии Габсбургов. F. Š i š i ć. Dokumenta opostanky Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1914—1918. Zagreb, 1920, s. 105.

и военной жизни Австро-Венгрии. Назревал революционный кризис. 16 августа 1918 г. по инициативе Югославянского клуба в Любляне было создано Народное вече словенцев, хорватов и сербов. Тем самым был образован представительный политический орган, который затем, 19 октября, сделал следующий шаг и заявил, что он «берет в свои руки руководство национальной политикой», отклоняет основы решения нашего национального вопроса, содержащиеся в австрийском императорском манифесте (от 16 октября 1918 г. — *Н. П.*), а также любое предложение в будущем, которое сводилось бы к тому, чтобы наш национальный вопрос решался только частично и был лишен своего международного значения». Было также выдвинуто требование, чтобы на будущей мирной конференции «наш народ как единое целое был представлен своими собственными специальными делегатами»²⁴. Эта декларация еще не сжигала все мосты во взаимоотношениях с монархией, но все же была новым шагом вперед в том смысле, что буржуазные политические силы в стране начали толковать югославский вопрос, как вопрос международный. Однако инициатива в борьбе против империалистической войны и за революционное разрушение Австро-венгерской монархии по-прежнему оставалась в руках пролетариата и трудового крестьянства. Последние дни октября 1918 г. были одновременно и последними днями габсбургской империи. 28 октября от Австро-Венгрии отделилась Чехия и Моравия, а 29 октября Хорватский сабор с согласия всех партий принял решение о расторжении всех государственно-правовых отношений и связей между Хорватией, Славонией и Далмацией, с одной стороны, и Венгерским королевством и Австрийской империей с другой стороны, о включении этих земель в состав объединенного суверенного государства словенцев, хорватов и сербов, образованного в пределах этнографической территории этих народов. Одновременно с этим созданное 19 октября 1918 г. Народное вече словенцев, хорватов и сербов при участии всех партий, включая социал-демократов, получило prerogative правительства. Весь старый государственный и военный аппарат этих земель во главе с баном Хорватии Антоном фон Михаловичем, генералом Шняричем и вице-маршалом Михайловичем отдал себя в распоряжение нового государства и его правительства²⁵. Новое правительство, таким образом, пошло на сотрудничество с виднейшими представителями венского и будапештского правительств и с созданным этими правительствами государственным аппаратом. Хорватская, сербская и словенская буржуазия явно хотели придать событиям 29 октября характер переворота, а не революции и тем самым сохранить преемственность власти.

Сразу же после этого победила революция в Вене и Будапеште, где трудящиеся массы, во главе с пролетариатом, свергли старую власть.

На демонстрации, состоявшейся 3 ноября 1918 г. в Москве, Ленин приветствовал победу революции в Австро-Венгрии²⁶.

С распадом империи для югославской буржуазии создалась совершенно новая обстановка. Больше всего ее пугала возможность революции рабочего класса и трудового крестьянства. Борьба против революции явилась ее важнейшей задачей. Новое государство, к созданию которого приступила буржуазия, прежде всего поставило перед собой задачу подавить революционное движение²⁷. На заседании сабора 29 октября, на

²⁴ D. Janković — B. Krizman. Ibid., s. 373—374.

²⁵ Ibid., p. 402—418.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 131.

²⁷ К настоящему времени опубликовано немало материалов о революционном движении в югославянских землях Австро-Венгрии. См. Josip J. Vidmar. Pri-lozi građi za povijest 1917—1918.— «Arhivski vjesnik», Zagreb, 1958, № 1, s. 11—173;

котором было провозглашено отделение югославянских земель от Австро-Венгрии, главные ораторы объявили борьбу против революции основной задачей новой власти. В их речах содержались также резкие нападки на Октябрьскую революцию и Советскую власть²⁸. Придя к власти благодаря самоотверженной борьбе рабочего класса и трудового крестьянства, буржуазия поставила своей главной целью борьбу против собственного народа и его справедливых требований. Бурное море народного недовольства можно было успокоить и не с помощью грубой силы, а другими средствами, причем такими, которые не выходили бы за пределы буржуазно-демократической революции: немедленный раздел помещичьей земли, конфискация и распределение продовольствия, накопленного спекулянтами, и т. д. Такие предложения, правда, крайне нерешительные, поступили от некоторых буржуазных политических деятелей²⁹. В обращении к крестьянству 14 ноября 1918 г. Народное вече *обещало* раздел земли, участие крестьян в управлении и другие демократические мероприятия, но пустыми обещаниями можно было добиться немногого³⁰.

Ноябрь 1918 г. прошел под знаком революционных волнений во всех югославянских землях, отделившихся от империи, а тем временем перед Народным вечею словенцев, хорватов и сербов стояли и крупные международные проблемы. Так, в частности, Италия домогалась оккупации обширных югославянских областей, обещанных ей по Лондонскому договору 1915 г.

В ноябре 1918 г. юридически существовало три югославянских государства: Сербия, Черногория и Государство Словенцев, Хорватов и Сербов. Теоретически и практически существовало два пути для их объединения: путь компромисса между буржуазией с обоих берегов Савы и Дуная и путь почти безусловного подчинения политике великосербской буржуазии, которая располагала армией и быстро восстанавливала государственный аппарат в Сербии, освобожденной от австро-венгерской оккупации. В конце ноября 1918 г. революционная ситуация еще более обострилась. Народное вече СХС было не в состоянии создать эффективные вооруженные силы для борьбы с революционными массами³¹. И хотя в ноябре 1918 г. много внимания уделялось вопросу об объединении, между буржуазными партиями постоянно возникали разногласия относительно способа объединения и характера будущего государства. Одной из самых

В. К r i z m a n. Građa o nenirima u Hrvatskoj na kraju g. 1918.— «Historijski zbornik», 1957, № 1—4, s. 111—129. Упомянувшийся выше сборник документов Д. Янковича и Б. Кризмана также содержит много материалов по этому вопросу.

²⁸ Открывая заседания Хорватского сабора, его председатель Богдан Медакович, в частности, сказал: «Так будем же дисциплинировать народ, создавать и дисциплинировать парадную армию!.. И если в этом всемирном хаосе нельзя обойтись без трудностей, если были смуты и беспорядки, если они будут и впредь, давайте действовать так, чтобы их как можно скорее подавить... Пусть перед нашими глазами как страшный пример навсегда останется Россия... Тот, кто ныне творит то, что делали в России, не только угрожает имуществу и жизни отдельных личностей, но и позорит свой народ, угрожает его будущему. Тот не только вор и поджигатель, разбойник и убийца, но и палач своего народа» (D. J a n k o v i ć — В. К r i z m a n. Ibid., s. 405).

²⁹ Например, предложение Степана Радича на заседании сабора 29 октября 1918 г.

³⁰ D. J a n k o v i ć — В. К r i z m a n. Ibid., s. 579.

³¹ Делегат сербского верховного главнокомандования при правительстве Народного вече СХС Душан Симович в своем донесении от 14 ноября 1918 г. доносил: «В качестве гарантии мира и безопасности в городе (Загребе — Н. П.) и столяна югославянской идеи служит наш полк, сформированный в Загребе из военнопленных (из Сербии — Н. П.). Два хорватских пехотных полка насчитывают всего две — три сотни человек, которые представляют собой элемент крайне ненадежный для каких бы то ни было действий» (D. J a n k o v i ć — В. К r i z m a n. Ibid., p. 576). Это подтверждает в своих воспоминаниях и тогдашний поверенный Народного вече СХС по внутренним делам С. Будисавлевич (Ibid., s. 176).

трудных дилемм был вопрос, каким — централистским или федералистским — должно быть устройство государства. В конце концов, на заседании 23—24 ноября Народное вече СХС решило послать в Белград делегацию с целью формирования совместного правительства и провозглашения объединения с Сербией и Черногорией. До этого сербское правительство и Югославянский комитет на встрече в Женеве также приняли решение о создании объединенного правительства. И, наконец, 1 декабря 1918 г. в Белграде, перед регентом Александром Карагеоргиевичем делегаты Народного веча СХС прочитали декларацию, в которой было выражено желание объединиться с Сербией и Черногорией, чтобы впредь суверенную власть над всей территорией осуществлял Петр Карагеоргиевич, а точнее — от его имени регент Александр. Этим формально был осуществлен акт объединения, но это объединение было проведено не демократическим путем, а устройство нового единого государства не отвечало чаяниям народа и даже некоторых буржуазных партий.

Уведомляя 3 декабря Светозара Прибичевича, решительно выступавшего за объединение в той форме, в какой это было сделано, о том, как этот акт был воспринят в Загребе, Будисавлевич писал, что «Загреб воспринял довольно холодно провозглашение Королевства. В 55-м пехотном полку солдаты кричали «Да здравствует Республика!»³².

Так, в более чем сложной международной и внутренней обстановке родилось югославянское государство. Помимо притязаний Италии на значительную часть югославянской территории, объединение затрудняла и политика Антанты, стремившейся использовать любую возможность для сохранения Австро-Венгрии. Только когда стало ясно, что развернувшееся под влиянием Октябрьской революции с огромной силой революционное движение масс фактически разрушило габсбургскую империю, произошли, как мы уже знаем, изменения в позиции Антанты. Перед угрозой победы пролетарской революции в Юго-Восточной и Центральной Европе она, скрепя сердце и с большим опозданием, вынуждена была отступить от попыток спасти монархию. Антанта оставила ее на произвол судьбы и, ориентируясь на буржуазию югославянских земель, Сербии и Черногории, как на своих союзников, дала согласие на образование новых национальных государств в этой части Европы. Она вынуждена была также признать, что югославянский вопрос не сводится лишь к восстановлению государственной независимости Сербии и Черногории и известным небольшим уступкам этим государствам, которые были ее союзниками в войне и понесли тяжелые потери в борьбе против германского и австро-венгерского империализма. Антанте пришлось признать, что югославянский вопрос нельзя решить путем предоставления какой-то неопределенной автономии угнетенным нациям в старых государственных границах и практически на незыблемых основах отжившей свой век габсбургской монархии.

Что же касается Югославянского комитета, то он даже накануне распада монархии все еще должен был бороться за свое право выступать как представитель угнетенных югославянских народов в лагере Антанты. Так, 24 октября 1918 г. Югославянскому народному вече в США из Лондона была послана телеграмма за подписью Трумбича, в которой говорилось, что «есть надежда, что мы получим признание нашего народа (т. е. австро-венгерских югославян.— Н. П.), как союзнического и независимого, и нашего Комитета, как его представителя». Далее в телеграмме содержалось требование, чтобы всюду подчеркивали, что югославянское «...движение по своему значению *отнюдь не большевистское*, что оно

³² D. J a n k o v i ć — В. K r i z m a n. Ibid., s. 684. (Курсив наш — Н. П.).

основано на народном сознании и порядке и направлено против распространения большевизма... Америка должна признать... представительный характер нашего Комитета. Это единственный способ направить движение в законное русло и ликвидировать опасность анархии, которая могла бы возникнуть в старом государстве, находящемся в состоянии распада. Распространяйте эти взгляды в Америке как можно шире»³³.

Югославянское государство, таким образом, родилось в огне великого мирового кризиса, в переломный момент всемирной истории, когда на мировой политической арене столкнулись мощные противоположные общественные и политические силы: империалистические великие державы, с одной стороны, и революционный пролетариат, эксплуатируемое крестьянство, угнетенные нации и начавшие пробуждаться колониальные народы — с другой. Победа Великой Октябрьской социалистической революции направила ход мировой войны и мировой истории в совершенно новом направлении. Только в результате ее победы были созданы возможности и для национального освобождения и объединения югославянских народов.

Создание национальных государств на развалинах Австро-Венгрии, несмотря на то, что в них, правда, на относительно краткий исторический период власть захватила буржуазия, представляло собой важный исторический шаг вперед и необходимую историческую предпосылку для последующей победы революционного пролетариата и его союзника — эксплуатируемого крестьянства. Не будь Октябрьской революции и ее могучего влияния на весь последующий ход мирового развития, не будь самоотверженного сопротивления и борьбы революционного пролетариата, трудового крестьянства и угнетенных наций в ходе первой мировой империалистической войны, не было бы и национальных государств — таких, какие возникли на развалинах навсегда исчезнувшей габсбургской империи.

Нельзя считать случайностью, что после распада Австро-Венгрии в государствах, созданных на ее развалинах, появилось множество политических движений и партий различного толка и характера, но ни одно из них не имело программы восстановления былой дунайской империи. Как историческая необходимость появилась Коммунистическая партия Югославию, созданная после Великого Октября и вдохновленная ленинскими идеями. В годы второй мировой войны она повела народы Югославии на борьбу за восстановление независимости югославянского государства, разгромленного фашистскими агрессорами, но уже на новых, социалистических основах.

³³ Ibid., s. 383 (Курсив наш — Н. П.). С момента своего образования Югославянский комитет преимущественно ориентировался на поддержку английского империализма и пользовался значительной помощью двух влиятельных английских публицистов и политических деятелей В. Стайда и Р. В. Сетона-Уотсона.

ЗДЕШЕК ШОЛЛЕ

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Возникновение современного чехословацкого государства, явившееся результатом многовекового освободительного движения чешского и словацких народов естественно всегда привлекало к себе большое внимание чехословацких историков. Но, если мы хотим понять обстоятельства, связанные с возникновением Чехословакии, мы не можем ограничиваться только событиями 1918 года, которые явились лишь результатом процессов, начавшихся задолго до этого.

Когда в период революции 1848 г. впервые возникла угроза уничтожения габсбургской монархии со стороны немецкой революционной буржуазии и ее союзника венгерского дворянства, политические представители чешского народа — тогда еще весьма слабого с социально-экономической и политической точек зрения — с Франтишком Палацким во главе, стояли за ее сохранение. Они рассматривали габсбургскую монархию как естественное, исторически данное убежище, защищающее слабые народы Центральной Европы и прежде всего славянские народы от превосходящих сил Германии, с одной стороны, и царской России — с другой. Саму же Австрию они надеялись превратить в федерацию равноправных народов, реформированную в социальном и экономическом отношении и приспособленную к соответствующим либеральным системам того времени. Уже в этот ранний период политического пробуждения народов Центральной Европы была выдвинута и идея общего пути чешского народа и народа словацкого, населявшего северную часть тогдашней Венгрии, переживавшего важнейший этап движения за языковую эмансипацию, возглавляемого молодым вождем Людвигом Штуром.

Габсбургская монархия тогда выстояла, однако федералистским и либерально-демократическим стремлениям австро-славистских чешских политиков не суждено было сбыться, поскольку за ними не стояло никакой политической силы.

Свою программу национально-федеративной Австрии Палацкий вновь сформулировал уже накануне возникновения дуализма — в статьях объединенных общим названием «Идея австрийского государства». Уже тогда — в 1865 г. он высказал убеждение, что, если Австрия не выполнит эту свою историческую миссию, т. е. не станет братской семьей равноправных малых народов Центральной Европы, то ее существование утратит в конце концов какой-либо смысл (*raison d'être*).

И если чешская политика с 60-х годов выступала на политической арене Австрии под лозунгом чешского исторического государственного права, то это было не что иное, как оппортунистическая, приспособленная к внутриаустрийским условиям модификация стремлений к националь-

ной автономии чехов в рамках габсбургской монархии. Идеология исторического государственного права, хотя и давала возможность чешским политикам использовать до известной степени влияние консервативных кругов австрийской аристократии и присущих этим кругам традиций местного патриотизма, однако, создавала для чешской политики и ряд трудностей. С одной стороны, она понуждала политиков либерального и буржуазно-демократического толка, представляющих чешский народ, состоящий прежде всего из мелкой буржуазии и крестьянства, ко многим неприятным компромиссам с австрийской консервативной крупнопоместной аристократией. С другой стороны, она изолировала чешских политиков от словаков, поскольку эти политики были вынуждены в соответствии с идеологией исторического государственного права признавать нераздельность венгерского государства.

Эта проавстрийская политическая концепция Палацкого с ее историко-правовой аргументацией оставалась основой чешской политики вплоть до конца XIX в. И весьма характерным для чешской политики того периода был минимальный интерес к внешнеполитическим проблемам.

Внешнеполитические демонстрации — такие как проезд чешских политиков в Москву в 1867 г., поездка Ригера в Париж в 1869 г., где он передал Наполеону III меморандум о чешских политических целях, меморандум чешских депутатов канцлеру Бейсту в 1871 г., в котором они протестовали против аннексии Эльзас-Лотарингии Пруссией и высказались в пользу принципа самоопределения народов и за дружескую политику по отношению к России — была лишь непосредственной реакцией на дуализм и на возникновение Германской империи.

Во всех этих случаях имели место лишь политические демонстрации без какого-либо практического результата. Россия и Франция в XIX в. оставались лишь потенциальными союзниками, популярными в широких слоях чешского народа. В период длительного мирного развития в Европе реальный политик не мог всерьез рассчитывать на них, а поэтому и чешская политика того времени ориентировалась лишь на Австрию и добивалась ее реформирования изнутри.

И это относится не только к старочехам, которые руководили чешской политикой до 1890 г., но и к младочешской партии, занявшей их место в авангарде чешской политики с начала 90-х годов. Так называемая группа реалистов — Йозеф Кайзл, Томаш Г. Масарик и Карел Крамарж — в начале своей политической деятельности придерживались той же, хотя и несколько модернизированной, политической концепции, не отягощенной изжившимся себя исторически-государственно-правовыми формулировками, что открыло возможность в будущем гораздо более живых контактов между чешской политикой и словаками. И в Словакии на рубеже столетий среди молодой интеллигенции начала формироваться активная прогрессивная группа, стоящая в оппозиции и к старым консервативным политикам и к клерикальным, оппортунистическим по отношению к венгерскому государству элементам (А. Глпка, Юрига). Рупором этой молодой группы, испытывавшей сильное влияние реалистов, и в особенности Масарика, был еженедельник «Глас». Наиболее заметной личностью среди гласистов (так они именовались) был врач из Дольника Кубина д-р Вавро Шробар. Масарик и в тот период, когда он уже разошелся с младочехами, с решительностью, присущей его тогдашней политической публицистике высказался за традиционную концепцию чешской политики Палацкого, модернизированной, однако, в духе требований времени. В ряде философско-политических эссе того периода он остро выступал против молодежного и студенческого так называемого прогрессивного движения, которое в первой половине 90-х годов с наивной откровенностью демонстри-

ровало свою ненависть по отношению к габсбургской монархии и свой чешский национально-демократический республиканизм. Согласно тогдашним взглядам Масарика, серьезная чешская политика должна была руководствоваться действительной заинтересованностью в судьбе Австрии.

Вскоре, однако, произошли радикальные изменения и во внутренней и в международной ситуации. Внутриполитическим симптомом этих изменений была националистическая буря 1897 г. Правительства Бадени и Туна в конце XIX в. являли собой последнюю попытку габсбургской монархии преодолеть внутренние противоречия в Цислейтании соглашением и компромиссом с самой сильной и неудовлетворенной национальной группой — с чехами. Эта попытка решения внутриполитических противоречий путем соглашения была сорвана националистическими выступлениями, инспирированными немецкими националистическими кругами на улицах чешских и австрийских городов и в венском парламенте. В этих кругах все большее влияние теперь начали приобретать пангерманские элементы, представленные, в частности, так называемым «Общегерманским движением». Моральный и политический престиж габсбургского государства оказался тогда глубоко поколебленным, открыто проявилась слабость монархии и сила противоречий. Выявилась также внешнеполитическая зависимость Австро-Венгрии от Германии, которая не скрывала своих симпатий к националистическим немецким элементам в Австрии и даже поддерживала их различными дипломатическими ходами в Вене. Неспособность австрийской монархии создать надежные условия для сосуществования малых народов Центральной Европы становилась все более очевидной. Взаимосвязь внутриполитической борьбы в Австрии с внешнеполитической ориентацией не осталась незамеченной дипломатическими представителями ведущих континентальных держав. Так, например, в своем сообщении из Вены 31 VIII (12 IX) 1899 г. русский посол писал о неблагоприятной позиции Германии по отношению к правительству Туна в Австрии, поскольку оно не хотело полностью удовлетворить требования немецкой националистической оппозиции в габсбургской монархии¹.

И когда после падения кабинета Туна австро-венгерский министр иностранных дел граф Голуховский решительно высказался за Тройственный союз и за дальнейшее усиление связи с Германией, представители немецкой националистической группировки в Австрии расценили это как подтверждение благоприятного для нее внутриполитического поворота. Чешская же политическая общественность к выступлению Голуховского отнеслась критически².

В подобном же духе оценивали взаимосвязь между усилением националистической группировки внутри Австрии и растущей зависимостью габсбургской монархии от германского союзника в международно-политическом аспекте и французские дипломатические круги.

С первого десятилетия XX в. на горизонте европейской политики начали собираться тучи будущего мирового конфликта. При этом все более явно обозначалась роль Австро-Венгрии как сателлита усиливающейся Германии. В этих обстоятельствах многолетняя чешская политическая концепция, ориентирующаяся на постепенное реформирование Австрии внутренними силами, изживала себя, и наиболее дальновидные

¹ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, д. 107, л. 245.

² Из донесения русского посланника в Вене 24 XI (6 XII) 1899 г. министру иностранных дел в Петербург о ситуации в Австро-Венгрии. АВПР, д. 107 л. 322.

деятели чешского политического лагеря начали искать поддержку вне границ империи. Карел Крамарж попытался в форме так называемого неославизма оживить австрославистскую традицию чешской политики и одновременно стремился найти поддержку в либеральных кругах царской России, с которыми он был связан и семейными узами. Т. Г. Масарик, стоявший во главе хотя и немногочисленной, но весьма влиятельной в кругах чешской интеллигенции партии так называемых реалистов, придерживался другой ориентации. Он хорошо представлял себе внутреннюю слабость царской империи, как об этом свидетельствует его книга «Россия и Европа», вышедшая как раз в 1913 г. Он ориентировался на буржуазно-демократические круги Западной Европы и англосаксонского мира, с которыми также был связан семейными узами.

Такова в самых общих чертах картина развития чешской политики накануне мировой войны. Прежде чем продолжать далее, следует обратить внимание на социал-демократию, которая с конца XIX в. и в Австрии выросла в одну из важнейших политических сил.

И на этот раз необходимо оглянуться несколько назад, чтобы лучше понять обстановку и позицию социал-демократов в Австрии в период возникновения мировой войны.

Социал-демократия возникла в процессе соединения стихийного рабочего движения, которое именно с 60-х годов стало развиваться в главных промышленных центрах австрийских и чешских областей, — с идеями международного социализма, среди которых учение Маркса в конце концов утвердилось как самое значительное.

В силу этого рабочее движение стало наследником революционно-демократических традиций, из которых самой живой была демократическая традиция революции 1848 г. в Германии. Идея пролетарского интернационализма первоначально не противоречила этой традиции. В эпоху Маркса идея интернационализма была наиболее современным выражением давнишних стремлений культурного человечества к единству мира. Интернационализм означал конкретное требование взаимного братства наиболее развитых народов Европы, представленных единственными государствами, к которым в начале 70-х годов вслед за Италией присоединилась также и Германия. Солидарность рабочего класса этих развитых капиталистических наций должна была стать базой и гарантией победы интернационализма над партикуляризмом национального эгоизма.

Страны Восточной и Юго-Восточной Европы, в эпоху I Интернационала отставшие в социальном отношении и опутанные феодализмом и абсолютизмом, представляли в глазах Маркса и Энгельса передовые позиции реакции, угрожавшей прогрессивному движению в Европе. С этой точки зрения мы можем понять как их высказывания, резко отвергающие какую-либо позитивную роль славянских народов, в особенности чехов, в период революции 1848—1849 гг., так и их постоянное отрицательное отношение к царской империи, потенциальными союзниками которой они считали Габсбургов, Гогенцоллернов и бонапартизм во Франции. Исходя из этого, мы можем правильно понять позитивное отношение Маркса и Энгельса к польскому и венгерскому национальному движению, несмотря на то, что в этих движениях большую роль играло дворянство.

Со всей серьезностью национальная проблема стала перед международным социалистическим движением лишь после смерти Маркса, когда социал-демократия проникла в Восточную и Юго-Восточную Европу, где столкнулась с существованием многонациональных государств, в которых некоторые народы находились в привилегированном положении, а большинство же их было неполноправным и угнетенным. Впервые социал-демократия столкнулась с таким положением в Австрии. В силу этого

австрийские социал-демократы явились пионерами решения национального вопроса, типичного для стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

Пионеры пролетарского интернационализма в Цислейтании были германцами, кто попытался успешно решить проблему единства рабочих различных национальностей, основав в 1874 г. на съезде в Нойдорфе социал-демократическую рабочую партию Австрии, которая должна была объединять в своих рядах пролетариат всех национальностей государства. Практически, однако, в то время речь шла главным образом о немецких и чешских рабочих, поскольку лишь в чешской и немецкой среде прогрессивное социально-экономическое развитие уже в 70-е годы создало объективные условия для существования самостоятельного рабочего движения.

Тем не менее, успехи в решении национального вопроса, бесспорно достигнутые социал-демократией на рубеже 70—80-х годов, были скорее результатом доброй воли простых немецких и чешских социалистов, чем итогом целенаправленного познания значения проблемы в целом и вытекающих из нее последствий.

Хотя рабочие-социалисты различных областей бывшей габсбургской монархии и оказались в числе первых, кто по примеру германских товарищей организовал самостоятельную социал-демократическую партию уже в 1874 г., — однако действительной политической силой, играющей важную роль в общественной и государственной жизни монархии, эта партия стала лишь в конце столетия, когда она выросла в действительно руководителя широких слоев пролетариата и когда партия восприняла идеологию марксизма.

Известным парадоксом является то, что период утверждения марксистской идеологии как идеологии рабочего движения в Австрии одновременно стал временем, когда в решении одной из наиболее жизненно важных проблем в условиях австрийской монархии, а именно национальной, это движение становится более отсталым, чем оно было в годы Нойдорфского съезда и непосредственно после него.

В чем причина этого парадокса? Ответ на этот вопрос может дать лишь само развитие социалистического движения и то, каким образом его ведущие представители принимали и развивали дальше идеи марксизма.

Нет сомнений в том, что марксизм вырос на базе достижений европейской культуры и на основе опыта западноевропейского социалистического рабочего движения. С тех пор как I Интернационал закончил свою деятельность, ведущей силой и образцом в международном социалистическом движении была и оставалась германская социал-демократическая партия.

Казалось, что австрийское социалистическое движение являлось лишь малозначачим и отсталым ответвлением германской социал-демократии. Национальный вопрос, практически сводимый лишь к взаимоотношениям чешских и немецких рабочих в Австрии, казался с этой позиции лишь локальной аномалией, вытекающей из примитивных социальных отношений габсбургской монархии. Эта аномалия должна была быть преодолена автоматически, как только был бы решен основной вопрос, т. е. как только социализм добился бы решительной победы в важнейшем для себя районе — в Германии, где перспектива этой победы являлась бесспорно реальной и где росту влияния социал-демократии не могли воспрепятствовать никакие антисоциалистические законы.

Подобное же представление об автоматическом разрешении национального вопроса победоносным социализмом стояло несомненно и за стремлением Виктора Адлера уклониться от определения отношения к национальному вопросу на Гайнфельдском съезде в 1888—1889 гг. и оттягивать решение этой жгучей проблемы и далее, до тех пор, пока только это будет возможно.

Исходным пунктом воззрений представителей международного социалистического движения на национальный вопрос и в период II Интернационала продолжала оставаться точка зрения Маркса и Энгельса периода революции 1848—1849 гг. Естественно, что было невозможно настаивать на тех взглядах, согласно которым большинство славянских народов, и в особенности чехи, являлись лишь нежизнеспособными обломками, лишенными исторической перспективы.

Когда после смерти Фридриха Энгельса в международном социалистическом движении началась дискуссия о дальнейшем развитии и роли марксизма, Карл Каутский, взявший на себя роль защитника чистоты марксистских принципов, обратил внимание и на национальный вопрос, в частности на отношение марксистов к чешской нации. Каутский защищал принципиальность позиции Маркса и Энгельса в 1848—1849 гг., которая последовательно исходила из интересов демократической революции и из веры в ее близкую победу. Одновременно, однако, он заметил, что эти надежды на победу буржуазно-демократических революционных сил в Германии не осуществились, а изменившиеся условия, прежде всего постепенное развитие капитализма, наоборот, дали возможность вырваться и усилиться прежде социально отсталым славянским народам, в особенности чехам, так что об их нежизнеспособности теперь уже не может быть и речи. Чехи, — констатировал Каутский в конце прошлого века, — стали полностью социально дифференцированной современной нацией, в которой действуют те же классовые противоречия, что и внутри остальных развитых капиталистических наций.

Численность рабочих в славянских областях растет и «эти пролетарии доказали, что они созрели до осознания своих задач и... могут гарантировать, что австрийские славяне как нация никогда больше не сыграют той роли, которую они сыграли в 1848 г.»³ Исходным пунктом этих положений по-прежнему является германская революция, которая, будучи руководима теперь социал-демократией, остается определяющим фактором в Центральной Европе, как это было в 1848 г. Австрия в подобной интерпретации как и столетия назад выступает лишь как периферийная область Германии.

Однако не изменилась ли ситуация настолько, что это обусловило перемену не только в положении славянских народов, но и вызвало изменения в положении германских революционных сил? Ни Каутский, ни кто другой из социал-демократов подобным образом вопрос не ставил, поскольку подобная постановка представлялась утопичной. А ведь именно Австрия, в начинающемся кризисе которой Ф. Энгельс в последние годы своей жизни быстро распознал революционное брожение, была скорее западным плацдармом восточноевропейской революции, чем восточным плацдармом революции германской.

Девяностые годы предоставили прогрессивным силам Австрии последнюю великую возможность проявить инициативу, которая в то время несомненно имела бы всемирно-историческое значение. Однако так понять свою задачу социалистам Австрии не давала достаточно оснований вся общественная атмосфера страны, в которой они жили. Немецкие социалисты в Австрии связывали решение внутренних проблем с движением вперед своих товарищей в Германской империи (а оно в последнем десятилетии XIX в. казалось уже неудержимым). Они были чересчур уверены в этой победе, чтобы задуматься над схожестью этих своих надежд с великогерманскими надеждами немецких обывателей габсбургской монархии.

³ K. Kautsky. Vorréde des Uebersetzer. In: Karl Marx. Die Revolution und Kontre-Revolution in Deutschland. Stuttgart, 1920, S. XXX.

Неудивительно поэтому, что колоссальная потенциальная революционная энергия, скрытая в многонациональных массах, населяющих Австро-Венгерскую империю, растекалась в разных направлениях, и еще до своего решительного выступления составные части малого австрийского социалистического интернационала оказались втянутыми в водоворот национальных революций.

Выражением беспомощности социал-демократии, оказавшейся в конце XIX в. в Австрии лицом к лицу со страшным взрывом национальных противоречий, была брненская национальная программа 1899 г. Принятие этой программы понималось ведущими социалистическими деятелями как своего рода пропагандистская мера, реализация которой была делом столь же отдаленным, как и реализация самого социализма.

Неспособность признать за центральноевропейским конгломератом малых народов, обозначавшимся словом Австро-Венгрия, самостоятельную роль было со стороны лидеров австрийской социал-демократии лишь частным проявлением неспособности выйти из состояния кризиса, в котором в конце XIX в. очутилась германская социал-демократия, а вместе с нею и все международное социалистическое движение. Духовные вожди социал-демократии осознавали опасность этой летаргической пассивности и потери инициативы рабочим движением. Однако они не смогли преодолеть ее, а в Австрии — оказались неспособными и понять значение национального вопроса и революционных возможностей, скрытых в национально-освободительном движении малых народов Центральной Европы.

Виктор Адлер остался верен своему убеждению о бесперспективности и бесполезности выработки каких-либо принципиальных позиций в национальном вопросе.

Каутский, который занимался разработкой теории и идеологии социал-демократической политики, не мог, однако, совершенно уклониться от изучения национального вопроса. На страницах «Die Neue Zeit» он много писал о национальной проблеме в Чехии, да и другим авторам охотно предоставлял страницы своего журнала для изложения соображений о решении национального вопроса, сотрясавшего Австрию. В частности, большинство своих взглядов, которые и явились основой австромарксистской концепции решения национального вопроса в габсбургской монархии, Каутский высказал в этих статьях 1898—1899 гг.

Как для Каутского, так и для австромарксистов непревзойденным идеалом оставалось буржуазно-демократическое государство, обеспечивающее постепенное эволюционное решение всех общественных проблем. При этом австрийская монархия не являлась государством с прочным и органически развившимся единым центром. И дело не только в том, что соперничающие национальные силы были относительно равновеликими (в отличие, например, от России, где социальное напряжение хотя и смело царский режим, но где русский центр имел такой перевес в политическом, экономическом, культурном и географическом отношениях, что до полной дезинтеграции здесь не дошло). В конце концов, и сама правящая группа не была самобытно австрийской, но немецкой с неизжитыми великогерманскими тенденциями, питавшимися и в социал-демократической среде реминисценциями демократического революционного движения 1848 г. с его преодоленным уже историей антиславизмом. Поэтому австромарксистскую теорию «культурно-национальной» автономии по праву можно охарактеризовать как стремление хотя и устранить угнетение наций, однако сохранить при этом решающие государственные позиции в руках немецкого меньшинства.

Особенно мучительно ощущали этот противоречивый характер австромарксизма те социалисты, принадлежавшие к угнетенным народам, ко-

торые были последователями марксизма и интернационализма и которых привлекло в австромарксизме стремление к интеллектуальному поиску.

Примером подобного развития в чешской среде был Богумир Шмераль — в то время бесспорно в интеллектуальном отношении наиболее значительная личность в рядах чешской социал-демократии и наиболее образованный марксист из числа выступавших до тех пор в чешском рабочем движении вообще.

На последних предвоенных съездах чехословацкой социал-демократической рабочей партии в 1909 и 1913 гг. Шмераль был главным докладчиком по национальному вопросу. Он защищал программу эволюционных преобразований Австрии в демократическую федерацию равноправных народов против растущей националистической оппозиции.

Б. Шмераль находился в дружеских отношениях с К. Каутским и О. Бауэром. В 1909 г. в теоретическом журнале «Академия» он опубликовал обширное исследование «Национальный вопрос в социал-демократии вплоть до Гайнфельдского съезда», в котором на примере начального этапа социалистического движения в Австрии показал оппортунизм и национализм австрийской социал-демократии в предвоенный период.

Но даже Шмераль, несмотря на то, что он не был удовлетворен положением внутри социал-демократии, не мог найти правильного решения этих жгучих общественных проблем. Аналогичные противоречия в постановке национального вопроса наблюдались и у социал-демократии в Венгрии. Лишь меньшая развитость, сравнительно с Цислейтанией, социально-экономических отношений и меньшая численность рабочего класса в Словакии не привели уже накануне войны к полному и глубокому расколу между словацкими и венгерскими социал-демократами. Зато постепенно с конца XIX в. углублялись и укреплялись связи между чешскими и словацкими социал-демократами.

Национальный вопрос, в котором все эти слабости социалистического движения рельефно проявились уже накануне войны, когда они привели к полному разложению некогда единой интернациональной социал-демократической партии Австрии на отдельные и зачастую взаимно враждовавшие национальные партии, явился, как было показано выше, важным элементом общего кризиса социализма II Интернационала.

Такова в общих чертах была политическая ситуация в чешских землях накануне войны.

Национально раздробленная социал-демократия в момент, когда разразилась война, фактически утратила всякую политическую инициативу.

И если немецкое население Австрии могло усмотреть в начавшейся войне свои национальные интересы, то среди чешского народа реакция была прямо противоположной. Война вместе с Германией против традиционных друзей чешского народа — сербов, русских и французов — была совершенно непопулярной. Официально, однако, все значительные чешские и словацкие политические партии (в том числе и социал-демократы) в начале войны высказались за лояльность к габсбургской империи. Однако, исключая крайние консервативные клерикальные круги, это была лишь холодная официальная лояльность, проявляемая из-за политического оппортунизма.

Действительные настроения чешского населения, враждебные Австрии и войне, проявлялись, по мнению австрийских официальных инстанций, в конце 1914 г. «в пассивно равнодушном поведении при патриотических манифестациях, за которое трудно привлечь к ответственности»⁴.

⁴ Z. T o b o l k a. Politické dějiny čsl. národa od r. 1848 do r. 1918. D. IV. Praha, 1936, s. 85.

К. Крамарж с началом войны отошел от политической деятельности. Масарика же, наоборот, война побудила к необычайной активности. Он лихорадочно зондировал почву и стремился получить информацию о вероятном развитии и результатах военных событий. Во 2-й половине 1914 г. он дважды побывал в нейтральной Голландии, где встречался со своими английскими друзьями В. Стидом и С. Уотсоном. Во время одной из этих поездок он на короткое время останавливался в Берлине у Каутского, чтобы познакомиться со взглядами руководящих социалистических кругов на войну и ее возможное течение.

Когда после поражения немецких войск на Марне стало очевидно, что спекуляция Центральными державами с молниеносной войной лопнула, Масарик в конце 1914 г. окончательно покинул Австрию, чтобы получить возможность действовать в интересах чешской политики в нейтральных государствах и в странах Антанты. Связь с чешскими политическими кругами внутри страны ему обеспечивал кружок друзей, известный под названием «Маффия». Во главе его стоял П. Шамал.

В первые два года войны в чешской политической жизни было мало ярких и значительных явлений. Для этого этапа развития характерна латентная, отрицательная позиция чешского народа по отношению к Австрии и к войне. Она проявилась в эпизодических стихийных акциях: в интересе к русской армии, приближавшейся к чешским границам, к прокламациям русского главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, за что несколько чешских граждан, схваченные австрийской военной полицией, заплатили жизнью. Среди чешских солдат сопротивление проявилось в отдельных демонстрациях при отправке частей на фронт и возрастании числа случаев перехода солдат (а иногда и целых подразделений) на сторону противника.

Националистические немецкие круги в Австрии и командование армии сделали в 1916 г. попытку использовать удобную ситуацию для того, чтобы раз и навсегда расстаться с нежелательными чешскими политиками. Ведущие чешские деятели во главе с Крамаржем и Рашином были тогда арестованы, и над ними был организован показательный процесс.

В начале 1916 г. проявилось уже возрастающее экономическое истощение Австрии. Растет число забастовок. Активизируется деятельность левых элементов среди социал-демократии. Симптомом этих настроений была и стихийная акция Фридриха Адлера — покушение на австрийского премьер-министра Штюргка.

Нарастающее внутреннее социальное напряжение в марте 1917 г. было усилено известиями о революции в России. Один из членов «Маффии», который в период войны обращал свое главное внимание на деятельность среди рабочих, Йозеф Гайшман, охарактеризовал положение в Чехии весной 1917 г. следующим образом: «В это время, ранней весной 1917 г., наглядно проявляются неизбежные последствия длительной и страшной войны; усталость, нетерпеливость, горе, неуверенность, тяга к миру, ненависть к сильным и вымогателям — все эти чувства, дремавшие в глубине, теперь рвутся на поверхность. Лед ломается, движение масс прорывается наружу. В России разражается революция и ускоряет всеобщее разложение.

... Рабочее движение возникает у нас, как и во всем мире, побуждаемое одновременно как взрывом в России, так и обострением трудностей со снабжением весной и летом четвертого военного года. Русская революция потрясла габсбургскую монархию гораздо сильнее, чем это первоначально казалось»⁵.

⁵ J. H a j š m a n. Kováci. Praha, 1920, s. 8.

Характерным событием была простейовская трагедия в апреле 1917 г., когда войска при подавлении голодной демонстрации женщин застрелили 27 человек. Одновременно вновь вспыхивают забастовки, хотя и кратковременные, в которых, однако, выдвигаются политические требования. В этот период усиливаются в первую очередь требования мира. В чешских областях одновременно начинают появляться требования и лозунги национально-освободительного характера. Так, в Праге в день возобновления работы рейхсрата 30 V 1917 г. около 15 тыс. рабочих машиностроительных и военных заводов бастовало в поддержку резолюции, с которой рабочие представители обратились тогда к чешским депутатам и в которой требовали, «чтобы в эту историческую эпоху, они, не взирая ни на что, добивались организации самостоятельного чехословацкого государства, опираясь на великие идеи русской революции о самоопределении всех европейских наций...»⁶. Спонтанным выражением национально-освободительных настроений и неудовлетворенности предшествующим оппортунизмом своих чешских политических представителей явился и манифест чешских писателей в мае 1917 г. Возобновление работы рейхсрата было со стороны нового императора Карла попыткой восстановить обычные конституционные нормы и смягчить внутриполитическое напряжение в тот момент, когда в военном и особенно экономическом отношении монархия оказалась в тупике. Этой же цели служила и амнистия чешских политиков во главе с Крамаржем и Рашином, осужденных военным судом на смерть.

И международные отношения в 1917 г. развивались с точки зрения чешских дел благоприятно. После Февральской революции в России Временное правительство дало возможность Масарику и его сподвижникам организовать из чешских военнопленных воинское формирование — чехословацкие легионы, которые уже летом 1917 г. в период наступления русской армии, начатого Керенским, хорошо показали себя в сражении у Зборова. В 1917 г. положение Центральных держав осложнилось ввиду вступления США в войну на стороне Антанты. Все возрастающее экономическое истощение способствовало зимой 1917—1918 гг. дальнейшему углублению революционного брожения в Австрии. В этих условиях особенно ярко проявилось в монархии влияние Великой Октябрьской социалистической революции в России. В немецкой среде в Австрии влияние этой революции привело прежде всего к усилению классовых пролетарских требований социального характера и к усилению левых радикальных течений внутри социал-демократии. В чешской среде русская социалистическая революция усилила в первую очередь национальные и антиавстрийские тенденции. Из мирных предложений Советского правительства было взято прежде всего требование самоопределения наций, и все чешские депутаты совместно с депутатами югославянскими и украинскими с воодушевлением выступили в его поддержку. Социал-демократический орган «Право лиду» в одном из своих номеров первой половины декабря 1917 г. поместил через всю первую страницу заголовок: «Большевистская программа — за чешское государство». В этом номере газета информировала читателей о выступлении чешского аграрного политика Удржала, который приветствовал принцип самоопределения наций, провозглашенный русским революционным правительством, и принял, в итоге, также аграрную программу большевиков в том смысле, что потребовал земельной реформы и раздела дворянских и церковных поместий среди крестьян. 6 января 1918 г. все чешские депутаты от Чехии, Моравии и Си-

⁶ Statní ústřední archiv Praha, f. PM 1911—1920, sign. 8/1/65/59/14099/1917.

лезии собрались в Праге и приняли так называемую «Трикральскую декларацию». В ней они ссылались на выступление чешских депутатов в 1871 г. против аннексии Эльзас-Лотарингии и за самоопределение народов. Они высказывались в духе этих традиций за принцип самоопределения, «который новая Россия поставила в ряду основных условий мира», и потребовали государственной самостоятельности для чешского народа и для словаков в Венгрии. Они осуждали игнорирование со стороны представителей Центральных держав права на самоопределение во время мирных переговоров в Брест-Литовске.

В чешской социал-демократии была в тот период предпринята попытка свалить всю ответственность за предшествующую оппортунистическую политику прежде всего на Б. Шмерала с тем, чтобы усилить позиции право-националистического крыла в партии. Массовая забастовка, которая во 2-й половине января 1918 г. началась в Вене и окрестностях и распространилась затем почти на всю Австрию, была представлена этими правыми вождями как чисто экономическая борьба трудящихся Нижней Австрии. Так было парализовано влияние этой революционной акции в чешской среде.

Предельное истощение, вызванное длительной и бесперспективной войной, открыло дорогу проникновению идей русской революции также в ряды австро-венгерской армии. В феврале восстали матросы австрийского военного флота в Которе. Весной и летом 1918 г. число выступлений в частях австро-венгерской армии начало быстро расти. Их инициаторами являлись те солдаты, которые были вновь посланы в армию по возвращении из русского плена. Росло дезертирство.

Внутри страны крайняя нужда, деморализация, недостаток горючего и сырья для промышленности, резкий рост рабочих забастовок летом 1918 г. поставили монархию на грань развала. Стало очевидным, что война близится к концу, а вместе с тем близится и время кардинальных перемен в государственно-правовых и социальных отношениях Центральной Европы. Авторитет Т. Г. Масарика и его соратников, среди которых выделялись Э. Бенеш и словак М. Р. Штефаник, вырос теперь как на международной, так и на внутриполитической арене. Из чешских и словацких эмигрантов и военнопленных Масарик удалось создать воинские формирования также во Франции и в Италии. В Париже Масарик со своими сторонниками организовал Чехословацкий национальный совет как высший представительный политический орган чехословацкого сопротивления. Усилия эмигрантских кругов различных народов габсбургской монархии в странах Антанты не имели и иметь не могли каких-либо серьезных надежд на успех вплоть до весны 1918 г. До тех пор, пока правительства стран Антанты надеялись заключить с Австро-Венгрией сепаратный мир с целью ослабления Германии и ускорения ее порабощения, — требования чехословацкой эмиграции и эмигрантских групп других народов Центральной Европы не принимались во внимание.

Весной 1918 г. ситуация, однако, изменилась. Попытки заключить с Австро-Венгрией сепаратный мир не дали результата и габсбургская монархия бесповоротно объединилась с Германией, которая, усилившись за счет выхода из войны России и Румынии, сосредоточила на западном фронте все свои силы для последнего решающего удара по Антанте. В этой ситуации правительства стран Антанты полностью признали национально-освободительные устремления народов Центральной Европы, стремящихся к расчленению Австро-Венгрии на отдельные национальные государства. Перелом во взглядах политиков Антанты на Австро-Венгрию и на создание вместо нее конгломерата государств произошел фактически в течение мая-июня. Так был открыт путь к успеху чехословацкой

акции Масарика. Между представителями зарубежного движения и чешскими политиками внутри страны не было противоречий, каковые, например, ослабляли движение польское и югославянское. С другой стороны, решению чехословацкого вопроса не препятствовали собственные интересы какой-либо из держав Антанты (как, например, в случае Югославии — интересы Италии). Именно поэтому Чехословацкий национальный совет в Париже в начале осени 1918 г. довольно легко был признан одним за другим правительствами Антанты в качестве политического представителя чехословацкого государства (причисленного к тому же к военным союзникам Антанты).

В России, где чехословацкие легионы насчитывали уже до 50 тыс. человек, их реакционное офицерство развязало летом 1918 г. выступление против Советской власти. Это произошло без ведома Масарика и вопреки воле его доверенного лица в России профессора Максы.

Легионеры, занявшие осенью 1918 г. всю транссибирскую магистраль от Пензы и до Владивостока, стали опорой контрреволюционного выступления Колчака. В силу этого державы Антанты, стремившиеся к свержению Советской власти путем военной интервенции, стали возлагать на чехословацкие легионы в России определенные надежды.

Главный довод, которым, как уже было сказано, руководствовались державы Антанты в постепенном признании в начале осени 1918 г. Чехословацкого национального совета в Париже политическим представителем чехословацкого государства, состоял в том, чтобы использовать для скорейшего разгрома Центральных держав также и освободительные устремления народов, вступающих против габсбургского господства. Одновременно с этим должна была быть парализована одна из сторон влияния русской революции — воздействие распространяемого ею лозунга самоопределения наций.

Русская революция не только поддержала стихийно уже существующее национально-освободительное движение чехов, словаков и других угнетенных народов, стремившихся к сокрушению Австро-Венгрии. Революционное движение русских большевиков уже тем, что оно смело императорскую Россию и своим примером содействовало развязыванию революционных сил в Германии, стало главной причиной создания того вакуума в Центральной Европе, в котором не оказались силы, способной воспрепятствовать возникновению Чехословакии и других самостоятельных государств на развалинах габсбургской монархии.

В то же время внутри страны чешские политики готовились к взятию власти. С этой целью летом 1918 г. был организован Национальный комитет, в который вошли представители всех чешских политических партий в пропорции, соответствующей результатам последних парламентских выборов 1911 г. Решающий перевес здесь был у националистической буржуазии, представителем которой внутри страны был Крамарж, за границей — теперь уже известный Масарик, а главными политическими деятелями, организационно подготавливавшими первые шаги будущего государства, — выразитель интересов промышленного и торгового капитала, народный демократ Алоис Рашич, представитель Живностенского, могущественного чешского банка, и председатель аграрной партии Антонин Швегла.

Политическая инициатива оказалась всецело в руках националистической буржуазии еще и потому, что социал-демократия из-за своей оппортунистической позиции по отношению к войне и монархии была в глазах общественности сильно скомпрометирована.

Многие крупные представители социал-демократии ясно представляли себе смысл этого трагического для социалистического движения об-

стоятельства. Их самокритика (К. Каутский. Освобождение наций.) и слабые попытки захватить инициативу оказались, однако, запоздалыми и бесполезными.

Наученный горьким опытом войны, Каутский вновь обратился к анализу позиции, которую заняли Маркс и Энгельс по отношению к освободительному движению славянских народов в революции 1848—1849 гг. Итоги, к которым он теперь пришел, можно охарактеризовать его же собственными словами: «Если хотя бы извлечь уроки из революции 1849 г., то можно лишь доказать, что всякое современное революционное движение вредит самому себе, как только оно покидает интернациональную точку зрения самоопределения нации»⁷.

И Отто Бауэр после своего возвращения из тюрьмы в 1917 г. также высказался за принцип самоопределения наций. Война полностью изменила положение Австрии в мире и отношение австрийских наций к государству; она заставляет также и нас пересмотреть нашу позицию по австрийской проблеме,— таков смысл разработанной им весной 1918 г. национальной программы, которая стала программой левого крыла австрийской социал-демократии⁸. Однако уже тогда позиция национальной буржуазии были настолько прочными, что эта программа не могла иметь практического значения.

Попытался в конце войны выступить с определенной инициативой Б. Шмераль.

На 14 октября 1918 г. в знак протеста против вывоза продуктов питания из страны во всех Чешских землях была запланирована генеральная стачка. Во главе этой акции встал так называемый Социалистический совет, в котором были представлены кроме социал-демократов еще чешские социалисты и связанная с ними анархо-коммунистическая группа. Инициатива в Комитете действия Социалистического совета принадлежала Б. Шмералю. Комитет действия выпустил к 14 октября 1918 г. прокламацию, в которой говорилось: «Час пробил! Мы сбросили рабские оковы! Мы выступили за независимость! Собственной несокрушимой волей при поддержке всего демократического мира мы провозглашаем, что сегодня мы выступаем в качестве носителей нового государственного суверенитета, как граждане свободной Чехословацкой республики». Прокламация сопровождалась двумя инструкциями, в которых Комитет действия Социалистического совета давал организационные указания о проведении генеральной стачки и о провозглашении самостоятельной независимой республики, в которой должны были быть последовательно осуществлены принципы демократии и решены важнейшие социалистические проблемы! Эти указания были направлены против тех представителей буржуазии, которые стремились принести в неизменном виде в новое государство свои имущественные и политические привилегии.

Б. Шмераль издал, кроме того, от имени Комитета действия Социалистического совета (хотя, вероятно, без надлежащего согласования с остальными членами комитета) прокламацию на немецком языке «Чешский пролетариат — немецким рабочим северной Чехии!» Ее целью было информировать немецкий пролетариат в Чехии о событиях 14 октября и обеспечить его сочувствие новому государству, в котором социалистические тенденции должны были бы получить перевес.

Но все же в данном случае имела место попытка, слабая, запоздалая и поэтому безуспешная.

⁷ K. Kautsky. Die Befreiung der Nationen. — «Die Neue Zeit». Stuttgart, 1917, Bd. 2, S. 149.

⁸ «Ein Nationalitätenprogramm der „Linken“». — «Der Kampf», Wien, 1918, H. 4, S. 269—274.

Когда утром 28 октября население Праги узнало о ноте Андраши и о том, что Австрия приняла мирные условия Вильсона, — массы вышли на улицы и австрийская государственная власть спокойно и без потрясений сползла в протянутые руки Национального комитета, который сразу же вступил в контакт с исполняющим обязанности наместника и провозгласил самостоятельное Чехословацкое государство. События в Праге были решающими для всех Чешских земель. В Словакии, где политическая жизнь в буквальном смысле слова находилась еще в пеленках и где социально и политически еще слабое словацкое национальное движение подвергалось жесточайшему гнету со стороны венгерских имущих классов, — по инициативе В. Шробара и некоторых других представителей молодой словацкой интеллигенции, испытывавших влияние Масарика и его движения, 30 октября в г. Турчанский Св. Мартин политические представители словацкой буржуазии и социал-демократов высказались за присоединение Словакии к Чешским землям в рамках единого государственного образования.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась не только могущественным побудительным стимулом для развертывания национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов против ненавистой монархии Габсбургов. Она стала и одним из важнейших факторов, обусловивших такое развитие международно-политической ситуации, при котором на пути к созданию самостоятельного чехословацкого государства не оказалось никаких препятствий.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Б. Н. ТОПОРНИН

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ (после 9 мая 1945 г.)

Изучение опыта государственно-правового строительства и, в частности, конституционного развития народно-демократической Чехословакии представляет большой интерес как с точки зрения выявления общих закономерностей перехода от капитализма к социализму, так и решения проблемы соотношения общего и особенного в революционном преобразовании общества. Теоретическая и практическая деятельность Коммунистической партии Чехословакии является важным вкладом в творческое развитие марксизма-ленинизма. Опыт Чехословакии, где до победы народной власти существовали сравнительно развитые институты буржуазной демократии, имеет существенное значение для разработки теории борьбы за победу социализма во многих странах современного капитализма.

В 1945—1948 годы, характеризовавшиеся перерастанием национальной и демократической революции в социалистическую, в республике решались многие задачи, связанные с переходом от капитализма к социализму.¹ Немалую роль в политической жизни Чехословакии играли вопросы правового закрепления завоеваний народа. Ломка старых и утверждение новых конституционных основ общественного развития страны отличались рядом специфических черт: во-первых, сравнительно широким использованием старых конституционных постановлений, во-вторых, довольно продолжительным переходным периодом от старой конституции к новой, и, в-третьих, сочетанием конституционного и обычного законодательства в решении задач революционного преобразования общества.

Особенности государственного строительства в республике в 1945—1948 гг. были обусловлены прежде всего характером происходившей революции, сущностью власти в стране, реальным соотношением сил в классовой борьбе. Утверждение народно-демократического строя означало рождение нового права, принципиально отличного не только от террористического оккупационного права гитлеровского «рейха» и клерикально-фашистского законодательства так называемого «самостоятельного словацкого государства», но и от права домюнхенской республики.

Народно-демократическая правовая система в полной мере отражала в своих институтах природу власти, утвердившейся в республике. По своей классовой сущности эта власть в основных чертах напоминала революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства о которой писал В. И. Ленин в работе «Две тактики социал-демократии

¹ Подробнее см. «История Чехословакии», т. III. М., 1960.

в демократической революции»². При этом к власти в Чехословакии допускалась и участвовавшая в революции буржуазия.

Подобно тому как национально-демократическая революция была началом революционного процесса, завершившегося победой социалистической революции, а порожденная ею власть представляла собой зародыш будущей диктатуры пролетариата, народно-демократическое право в момент своего возникновения было лишь исходным пунктом в строительстве новой социалистической правовой системы.

Особое значение для формирования социалистической правовой системы имело то обстоятельство, что революция в Чехословакии развивалась мирным путем. Это предопределило постепенную, поэтапную замену старых домюнхенских правовых норм новыми. Не только в области конституционного законодательства, но и во всей правовой системе народно-демократической республики и после 9 мая 1948 г. (день принятия первой конституции) сохранялись некоторые буржуазно-правовые нормы, поскольку они не противоречили целям и потребностям нового общественного строя. К тому же эти нормы проводились в жизнь органами народно-демократического государства, решающие позиции в которых занимала КПЧ. Так вплоть до 9 мая 1948 г. продолжали сохранять силу отдельные постановления буржуазной Конституции 1920 года. На ее основе определялись правовое положение президента, многие стороны деятельности Национального Собрания, правительства и некоторых других институтов государственного строя, личные права граждан³. Демократические постановления Конституции 1920 года использовались народной властью для того, чтобы, осуществляя их в интересах трудящихся, решать задачи развивавшейся революции. Однако все это носило лишь временный характер.

Начало конституционной перестройки содержалось уже в Кошицкой правительственной программе, принятой 5 апреля 1945 г. первым правительством Национального фронта. Программа формулировала концепцию новой, народно-демократической Чехословакии⁴.

Одним из важнейших актов революционной власти была замена системы домюнхенского самоуправления национальными комитетами, созданными трудящимися города и деревни⁵. Буржуазные политические круги с самого начала стремились умалить значение Национальных комитетов, представить их временными органами, созданными лишь на переходный период⁶. Однако руководимые коммунистами народные массы добились закрепления Национальных комитетов в системе государственных органов страны.

Организационные формы и методы деятельности Национальных комитетов определялись, в основном, правительственным постановлением от

² В. И. Л е н и н. ПСС, т. 11, стр. 119.

³ См. С. Н о г á ч е к. Přehled platných předpisů československého ústavního práva. Praha, 1947.

⁴ «Program první československé vlády Národní fronty Čechů a Slováků». Praha, 1955.

⁵ Прежние представительные органы в землях, районах и общинах, организация и деятельность которых регулировалась главным образом законом 1927 г. о так называемом политическом (иными словами государственном) управлении на местах, были наделены крайне ограниченной компетенцией и фактически являлись безвластным придатком к земским президентам, окружным начальникам и другим представителям государственной администрации. См. «Šbirka zákonů», 1927, № 125; К. В е r t e l m a n n. Vznik národních vývorů. Praha, 1956.

⁶ Об этом, в частности, свидетельствуют формулировки конституционного закона президента Бенеша от 4 декабря 1944 г. См. «Dokumenty k ústavnímu právu», II. Praha, 1946, s. 40.

5 мая 1945 г. с изменениями и дополнениями, внесенными 7 августа 1945 г.⁷

Кошицкая программа по-новому регулировала отношения между чехами и словаками в народно-демократической республике. В отличие от Конституции 1920 года она признавала равноправие двух братских народов. Словацкий Национальный Совет был признан носителем государственной власти и управления на территории Словакии⁸. Организация и полномочия Словацкого Национального Совета, а также его исполнительного органа — Коллегии уполномоченных, регулировались рядом последовательно заключенных соглашений⁹.

Исключительно важное значение для определения основ нового общественного строя Чехословакии имели преобразования в области экономики. Кошицкая программа предусматривала конфискацию собственности германских и венгерских владельцев, коллаборационистов, а также провозгласила, что ключевые отрасли хозяйства, природные богатства и банки должны перейти под управление государства¹⁰.

Коренные социально-экономические преобразования осуществлялись, как правило, «снизу», непосредственно самими трудящимися, а юридически закреплялись в этот период обычным законодательством. Решались также многие другие вопросы государственного строительства. Национальное Собрание было преобразовано в однопалатный орган, что в значительной степени способствовало развитию демократических начал в его деятельности¹¹. Избирательное право было очищено от домюнхенских ограничений: отменялись ценз оседлости, имущественные цензы, а военнослужащие получили право участвовать в выборах на общих основаниях¹².

Все эти преобразования способствовали закладыванию основ новой конституции, призванной закрепить завоевания народа. Революционная практика, таким образом, еще задолго до нового конституционного регулирования определила основы будущего государственного строя.

Что же касается конкретных шагов по выработке новой конституции, то в Кошицкой программе говорилось, что это задача вновь создаваемого парламента — Временного Национального Собрания¹³. На необходимость создания новой конституции указывали коммунисты. В докладе К. Готвальда на VIII съезде КПЧ подчеркивалось, что «... основные результаты нашей национальной и демократической революции должны быть конституционно закреплены, кодифицированы»¹⁴. В программе, предложенной правительством К. Готвальда и одобренной всеми партиями Национального фронта чехов и словаков 8 июля 1946 г., содержались уже не только общие положения, но и конкретные наброски проекта новой конституции¹⁵. Учитывая реальное соотношение политических сил в республике, программа предусматривала возможность использования ряда норм Конституции 1920 года. Особое внимание в ней уделялось конституционному закреплению таких завоеваний революции, как система Национальных комитетов, национализация важнейших отраслей экономики, равноправие чешского и словацкого народов.

⁷ «Sbírka zákonů», 1945, № 7, 44.

⁸ «Program první československé vlády...», s. 13.

⁹ «Dokumenty o ústavním postavení Slovenska». Praha, 1947, s. 5, 11, 13.

¹⁰ «Program první československé vlády...», s. 19—24.

¹¹ «Sbírka zákonů», 1945, № 47.

¹² Ibid., 1946, № 65, 67.

¹³ «Program první československé vlády...»

¹⁴ K. G o t t w a l d. Deset let. Praha, 1946, s. 437.

¹⁵ «Строительственная программа правительства Готвальда». Прага, 1946, стр. 9—11.

Летом 1946 г. конституционная комиссия КПЧ подготовила предварительный проект Конституции, который после одобрения ЦК КПЧ, был представлен в Конституционный комитет Национального Собрания. Ожесточенное противодействие буржуазии обусловило необходимость известных компромиссов в процессе работы парламентской конституционной комиссии¹⁶.

Перед февралем 1948 г. национально-социалистическая и народная партия, стремясь окончательно сорвать подготовку конституции, выступили каждая со своим проектом. Их действия шли вразрез с достигнутой договоренностью о совместной разработке конституции и представляли лишь одно из звеньев в подготовке к контрреволюционному заговору. Необходимые условия для разработки конституции были созданы лишь после февраля 1948 г., когда рабочий класс при поддержке широких трудящихся масс окончательно разгромил буржуазию и бесповоротно решил вопрос о власти в свою пользу.

Следующий этап развития чехословацкого народно-демократического государства связан с действием Конституции 9 мая 1948 года, торжественно принятой Национальным Собранием в третью годовщину освобождения республики Советской Армией. Конституция 9 мая имела все отличительные черты основного закона, принятого в начале переходного периода от капитализма к социализму. Она закрепляла завоевания рабочего класса и всех трудящихся, достигнутые в ходе национальной и демократической революции¹⁷, и вместе с тем обеспечивала условия для дальнейшего развития республики по социалистическому пути. В Конституции говорилось о твердой решимости народа Чехословакии «... прийти к обществу человека человеком, при котором будет полностью устранена эксплуатация человека человеком, — к социализму»¹⁸.

В создании экономических основ социализма наиболее важную роль играли постановления (ст. XII, п. 1), закреплявшие итоги национализации недр, промышленности, транспорта, банковского дела и оптовой торговли¹⁹. При этом конституция предусматривала возможность дальнейшей национализации средств производства²⁰. Часть народного достояния могла принадлежать Национальным комитетам как «органам народного управления» — (коммунальная собственность, § 149, п. 2), которая в условиях народно-демократического строя представляла своеобразную форму государственной собственности²¹.

Несмотря на то, что в это время кооперация делала самые первые шаги, ей отводилось важное место в Конституции. Государство обеспечи-

¹⁶ О работе этой комиссии см. работы ее председателя акад. В. Прохázky — генерального докладчика при обсуждении конституционного проекта в Учредительном Национальном Собрании: V. P r o c h á z k a. Socialně politické a ideové předpoklady Ústavy 9. května v procesu jejího vzniku. Ústava 9. května v deseti letech socialistické vystavby CSR. Praha, 1958; В. П р о х а з к а. Возникновение Конституции 9 мая и дальнейшее конституционное развитие в Чехословацкой республике. — «Бюллетень чехословацкого права», 1956, № 3—4.

¹⁷ О соотношении общего и особенного в Конституции 1948 года подробнее см. О. Р г у š а. Obecné a zvláštní v ústavě 9. května. v deseti letech socialistické vystavby CSR. Praha, 1958, s. 81—90.

¹⁸ «Конституция и основные законодательные акты народно-демократической республики Чехословакии». М., 1950, стр. 39.

¹⁹ После февраля 1948 г. был проведен второй этап национализации, в результате которого к государству перешли предприятия с числом рабочих более 50 («Sbírka zákonů», 1948, № 114), внешняя торговля (Ibid., № 119), а также часть других предприятий (Ibid., № 115, 120).

²⁰ Ст. § 153, п. 1: «Закон устанавливает, какие отрасли хозяйства и какие экономические и другие объекты национализированы и в каком масштабе».

²¹ См. В. К н а п ц. Собственность в странах народной демократии. М., 1954, стр. 259, 262.

вало поддержку народной кооперации в интересах развития экономики и повышения жизненного уровня народа (§ 157, п. 1—2). В Конституции 1948 года было зафиксировано также наличие частной собственности, а мелкое и среднее предпринимательство объявлялось одной из основ хозяйственной системы республики (ст. XII, п. 1). Но при этом размер частной собственности был ограничен: число рабочих и служащих на предприятиях, находившихся в частной собственности, не должно было превышать 50 человек (§ 158, п. 1), а земельные наделы — 50 га (§ 159, п. 1), прямо и категорически запрещались всякие частные монопольные организации (§ 161). Еще одним важным ограничителем являлся принцип земельной собственности, гласивший, что земля может принадлежать только тому, кто ее обрабатывает (ст. XII, п. 1).

Конституция 1948 года содействовала преимущественному росту и укреплению государственного сектора. Новым и принципиально важным явилось конституционное положение о том, что все народное хозяйство республики должно служить народу (ст. XII, п. 2). При этом конституция не ограничивалась провозглашением этого программного тезиса, но и определяла главный рычаг государственного руководства развитием экономики — единый хозяйственный план (§ 162). Уже на этом этапе жизни республики, таким образом, была конституционно определена экономическая роль народно-демократического государства, закреплены условия, способствующие возрастанию этой роли в дальнейшем.

В области национально-государственного строительства конституция закрепила существование словацких национальных органов и «вписала» их в единую систему государственных органов в республике (ст. VIII, § 93—122). Вместе с тем, в полном соответствии с волей и интересами обоих народов — чехов и словаков — был торжественно подтвержден один из основополагающих принципов чехословацкого народно-демократического государства — принцип его единства (ст. II). Конституция 1948 года, таким образом, как бы подытожила развитие национальных отношений с 1945 г. и на высшем законодательном уровне определила государственно-правовые формы решения национального вопроса в Чехословакии²².

В Конституции 1948 года содержалось постановление о том, что суверенный народ не только посредством своих представителей издает законы, но и посредством своих представителей сам проводит их в жизнь (Провозглашение). Это постановление, выражавшее реальное полномочие народа, было развернуто в статьях Конституции о представительных органах власти — Национальном Собрании (ст. V), Словацком Национальном Совете (ст. IX, п. 1), Национальных комитетах (ст. X). Новым положением, характеризовавшим разрыв с принципами буржуазного парламентаризма, было положение о том, что все представительные органы контролируются народом и ответственны перед ним (ст. IV, п. 1)²³.

В Конституции 9 мая были определены основные права и обязанности граждан: право на труд (§ 26, п. 1), на справедливую оплату труда (§ 27, п. 1), право на отдых (§ 28, п. 1), право на охрану здоровья (§ 29, п. 1), право женщин на особое обеспечение (§ 29, п. 2). При этом Конституция не ограничивалась провозглашением прав, а одновременно закрепляла материальную основу для их обеспечения. Среди обязанностей граждан

²² Подробнее см. S. M a t o u š e k. K otazke boja o zakotvenie slovenských národných organov v Ústave 9. mája a postavenie Slovenska v rámci GSR.— «Ústava 9. května v deseti letech socialistické vystavby ČSR, s. 139.

²³ Более подробную характеристику постановлений Конституции 1948 года, относящихся к представительной системе, см. в кн. J. G r o s p i ě, V. K o l o m a z n í k, K. O n d r í s, za red. ak. V. Procházky. Zastupitelská soustava Československé Socialistické Republiky. Praha, 1962, s. 34—37.

следует выделить характерные для нового строя требования трудиться на пользу общества (§ 32), содействовать сохранению и увеличению народного достояния и заботиться о том, чтобы ему не был нанесен ущерб (§ 30, п. 2).

Конституция 1948 года сохранила ряд институтов, установленных Конституцией 1920 года. Причиной их сохранения в условиях народной демократии является, с одной стороны, сложная политическая обстановка, в которой разрабатывалась эта Конституция, а — с другой, — наличие определенной степени демократичности, внутренних возможностей для еще большего усиления демократического характера этих институтов в соответствии с потребностями общества, строящего социализм. В конституции 1948 года еще сохранились некоторые остатки принципа разделения властей, что наиболее заметно проявляется в постановлениях об отношении президента республики к Национальному Собранию. Не подвергалась существенным изменениям судебная система. В то же время ряд старых государственно-правовых институтов частично перестраивался, освобождался от недемократических элементов и форм. Например, в Конституции 1948 года сохранилась традиционная для Чехословакии тройственная система высших государственных органов: Национальное Собрание, Президент и Правительство, но при этом вторая палата Национального Собрания — сенат, ликвидированная еще в период национальной и демократической революции, не была восстановлена. В силу быстрого изменения политической обстановки в стране, ряд постановлений Конституции 1948 года утратил значение уже в первые месяцы ее действия, другие статьи были изменены в последующие годы²⁴.

Значение Конституции 1948 года в жизни народно-демократической Чехословакии исключительно велико, ибо она не только закрепила победу рабочего класса в борьбе за политическую власть, но и служила законодательной основой дальнейшего социалистического строительства в Чехословакии.

Социально-экономические преобразования, осуществленные в республике за годы социалистического строительства, привели к тому, что к началу 60-х годов в стране победили социалистические производственные отношения, были ликвидированы остатки эксплуататорских классов, в основном была построена материально-техническая база социализма. Огромные успехи были достигнуты в процессе социалистической культурной революции. Тем самым в основном была осуществлена задача, поставленная Конституцией 9 мая — построение социализма в Чехословакии.

К началу 60-х годов наступило время, когда вновь потребовалось закрепить достигнутое и одновременно поставить цель для дальнейшего движения вперед. Эту задачу выполняет новая социалистическая конституция, принятая в 1960 г. По решению ЦК КПЧ проект конституции в течение двух месяцев был предметом всенародного обсуждения, в ходе которого состоялось 47 тыс. собраний с участием более 4 млн. граждан²⁵. Все замечания и предложения трудящихся были глубоко и внимательно проанализированы и учтены при доработке проекта в Комиссии ЦК КПЧ и ЦК Национального фронта, от имени которой проект был внесен на рассмотрение Национального Собрания. В частности, по предложению трудящихся республика стала называться социалистической.

²⁴ Изменения в Конституции 1948 года вносились в форме издания конституционных законов, принимавшихся, в отличие от обычного законодательства, квалифицированным большинством в $\frac{3}{5}$ депутатов Национального Собрания.

²⁵ Проект конституции был выдвинут ЦК КПЧ. Окончательный проект явился предметом рассмотрения Общегосударственной конференции КПЧ 1960 г. («Общегосударственная конференция Коммунистической партии Чехословакии». М., 1960).

Конституция 1960 года сохраняет ряд традиционных государственно-правовых институтов Чехословакии. В качестве примера можно сослаться на закрепление в новой конституции института президента республики, сохранение в известной мере триады высших государственных органов и т. п. Эти институты получили новое содержание, соответствующее достигнутому уровню общественной жизни. Все, что было перенесено в новую конституцию из прежней, получило всемерное расширение и углубление в последовательном социалистическом плане²⁶.

Вместе с тем Конституция 1960 года была освобождена от всех элементов буржуазного права, в известной мере присутствовавших в Конституции 1948 года и, в первую очередь, от тех конституционных постановлений, которые отражали специфику политической борьбы 1946—1948 гг. и носили, в силу конкретных обстоятельств их принятия, нестабильный, быстропреходящий характер.

Конституцию 1960 года отличает ее последовательно социалистический характер. Если предшествующая Конституция была социалистической по своим задачам и целям, то Конституция 1960 года закрепляет победу социалистических отношений в республике. В частности, Конституция фиксирует положение о том, что экономическую основу республики составляет социалистическая система хозяйства, исключая всякие формы эксплуатации человека человеком (ст. 7, п. 1), что вся власть в стране принадлежит трудящимся (ст. 2, п. 1).

В конституции подчеркивается, что «Чехословацкое государство, в которое объединились трудящиеся во главе с рабочим классом, стало народной организацией в подлинном смысле — социалистическим государством» (Декларация). Это положение последовательно раскрывается в постановлениях, определяющих формы и методы осуществления народного суверенитета, в особенности в статьях, трактующих вопросы организации и деятельности представительных государственных органов. Сохраняя в принципе существовавшую ранее представительную систему — Национальное Собрание, Словацкий Национальный Совет, Национальные комитеты (ст. 2, п. 3), Конституция 1960 года предусматривает дальнейшую демократизацию этих органов. Так новая Конституция содержит положение о том, что «представительные органы и все другие органы государства опираются в своей деятельности на творческую инициативу и на непосредственное участие трудящихся и их организаций» (ст. 2, п. 4).

Нововведением Конституции 1960 года являлось отличное от прежнего регулирование отношений между органами государственной власти и органами государственного управления. Если Конституция 1948 года и последующие конституционные законы (в особенности закон о Национальных комитетах и закон о словацких национальных органах) проводили четкую грань между этими органами, то в Конституции 1960 года в принципе эта грань (исключая высшее звено государственного руководства) отсутствует.

Особенностью Конституции 1960 года является также углубленная разработка принципа демократического централизма. Учитывая накопленный опыт государственного строительства, творчески развивая ленинские идеи об искусстве управления делами общества, Конституция 1960 года устанавливает, что централизованное руководство обществом и государством на основе демократического централизма должно соче-

²⁶ Чехословацкие исследователи З. Йичинский и П. Левит подчеркивают в этой связи: «Новая конституция, конечно, подняла прежние институты на более высокий уровень. В них более последовательно выражен их демократический и социалистический характер, как того требует более высокая ступень социалистического общества». См. Z. J i č i n s k ý — P. L e v i t. Socialistická ústava ČSSR. Praha, 1961, s. 14.

таться «с широкой компетенцией и ответственностью нижестоящих органов при активном участии трудящихся в использовании их творческой инициативы» (ст. 18, п. 1). Конституция, таким образом, подчеркивает, что Чехословакия и на новом этапе своего развития твердо придерживается этого важнейшего принципа, творчески претворяя его в жизнь.

В своих статьях Конституция 1960 года отражает обе главные тенденции в развитии национальных отношений в социалистическом обществе: всесторонний расцвет и вместе с тем постоянное сближение наций. Подобно прежней Конституции, она закрепляет факт, что республика представляет собой единое государство двух равноправных братских народов — чехов и словаков. Наряду с этим новая Конституция, обеспечивая национальные права словацкого народа, развивает соответствующие государственно-правовые институты. Исходя из достигнутых успехов в экономическом и культурном развитии Словакии, Конституция 1960 года внесла существенные изменения в структуру словацких национальных органов. Функции Коллегии уполномоченных, осуществлявшей ранее правительственную власть на территории Словакии, теперь были переданы Словацкому Национальному Совету, наделенному значительно более широкой компетенцией.

Рассматривая вопросы, связанные с регулированием собственности, необходимо прежде всего отметить, что Конституция 1960 года фиксирует только те формы и виды собственности, которые являются социалистическими, а частную собственность опускает. Последнее объясняется уменьшением удельного веса частной собственности и тем обстоятельством, что по мере строительства социализма она будет играть все более и более незначительную роль ²⁷.

Конституция 1960 года выделяет две основные формы общественной собственности: государственную — всенародное достояние и кооперативную — достояние народных кооперативов (ст. 8, п. 1). Государственной собственностью, сложившейся на основе национализации, являются недра земли и основные источники энергии; основной лесной фонд, воды и природные целебные источники; средства промышленного производства, массового транспорта и связи; финансовые и страховые учреждения; радиовещание и кино, а также важнейшие общественные учреждения, как-то: лечебные и санитарные учреждения, школы и научные институты (ст. 8, п. 2). Важное значение в жизни страны придается кооперативной собственности, существующей в подавляющей своей части в сельском хозяйстве и в очень незначительном объеме в торговле и ремесле.

В Конституции 1960 года зафиксировано положение, что земля, объединенная для ведения совместного хозяйства, находится в общественном пользовании единых сельскохозяйственных кооперативов (ст. 8, п. 3) ²⁸.

В рамках социалистической системы хозяйства Конституция 1960 года

²⁷ П. Ц о л о т к а отмечает в этой связи: «Новая конституция... не фиксирует как основной закон те отношения, которые существуют лишь как остаточное явление предшествующих форм собственности. Эти отношения собственности потеряли свое прежнее значение, и совершенно очевидно, что они в экономическом и идеологическом развитии общества будут все больше отходить на задний план, пока, наконец, совсем не растворятся в других видах отношений собственности». См. П. Ц о л о т к а. Отношение собственности по новой социалистической конституции Чехословацкой Социалистической Республики. В кн. «Конституция социалистической Чехословакии». М., 1963, стр. 53. К тому же, отсутствие в Конституции 1960 года положения о частной собственности не означает, что она вообще не подлежит правовому регулированию. Подобное регулирование существует в постановлениях Гражданского и Уголовного кодексов.

²⁸ Более детально вопросы общественного пользования землей регулируются законом о единых сельскохозяйственных кооперативах («Sbírka zákonů», 1959, № 49) и Примерным уставом ЕСХК, принятым V съездом ЕСХК (Ibid., 1961, № 49).

допускает мелкое частное хозяйство, основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда (ст. 9). Это постановление, относящееся практически к очень незначительной части населения, имеет вместе с тем важное значение, поскольку подчеркивает добровольный характер политики производственного кооперирования как в городе, так и в деревне.

Конституция 1960 года развила и дополнила принцип народнохозяйственного планирования, который был закреплен еще Конституцией 1948 года. Этот принцип также представляет собой важный элемент всего механизма демократии, ибо Конституция 1960 года, в отличие от прежней, устанавливает, что план разрабатывается и выполняется при самом широком участии трудящихся (ст. 12, п. 1).

Ныне действующая Конституция отличается еще одним важным признаком: она констатирует принадлежность Чехословакии к мировой социалистической системе и формулирует основы проводимой республикой политики мирного сосуществования, установления дружеских отношений со всеми народами (ст. 1, п. 3). Тем самым Конституция 1960 года способствует развитию идей и принципов социалистического интернационализма, укреплению мира на земле.

Конституция 1960 года особое значение придает укреплению сотрудничества между Чехословакией и СССР и другими странами мировой социалистической системы. Это сотрудничество, основанное на товарищеской взаимопомощи и международном социалистическом разделении труда, систематически развивается и укрепляется Чехословацкой Социалистической Республикой (ст. 14, п. 2).

Конституция 1960 года рассматривает права и обязанности граждан как один из наиболее важных, принципиальных государственно-правовых институтов, определяющих глубоко демократическую сущность политических организаций социалистического общества. Ряд прав и обязанностей, имеющих первостепенное значение для определения общественного устройства, излагается в первой же главе (избирательное право, право на объединение в добровольные общественные организации, право личной собственности и т. п.) Подробно права и обязанности граждан рассматриваются во второй главе, специально посвященной этим вопросам. Тем самым в Конституции подчеркивается, что в центре ее внимания находится гражданин социалистического общества.

По сравнению с Конституцией 1948 года, ныне действующая конституция внесла в характеристику прав и обязанностей ряд существенных дополнений и изменений. Это касается прежде всего социально-экономических прав, гарантии которых получили, в результате успешного социалистического строительства, дальнейшее развитие. В Конституцию включен также ряд новых постановлений, в частности право убежища (ст. 33).

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что Конституция 1960 года определяет основы организации и деятельности не только государства, но и всего общества. Если Конституция 1948 года не переступала в основном традиционные рамки буржуазной конституции, то в Конституции 1960 года эти рамки были отброшены и она регулирует не только систему государственных органов, положение личности в государстве и тому подобные элементы традиционного конституционного права, но и основы всей общественной жизни. В этом отношении Конституция 1960 года развивает и углубляет социалистическую конституционную практику, для которой свойственно регулирование общественного устройства, решение вопросов, связанных с социально-экономическими преобразованиями, законодательное закрепление ведущей и руководящей роли коммунистической партии.

В Конституции 1960 года (ст. 4) регулируется деятельность массовых общественных организаций (ст. 5), особо подчеркивается роль Национального фронта, олицетворяющего союз трудящихся городов и деревни под руководством КПЧ. Необходимо также отметить, что в Конституции прямо говорится о том, что к общественным организациям постепенно переходят некоторые функции государственных органов.

Продолжая и развивая ленинские традиции, Конституция 1960 года не только закрепляет результаты, достигнутые в ходе построения социализма, но и содержит программные положения, определяющие цели развития общества, а также основные пути и средства достижения этих целей.

Чехословацкое государство и после принятия Конституции 1960 года сохранило ряд признаков, свойственных народно-демократической государственной форме (Национальный фронт, своеобразие в построении государственных органов и т. п.). Однако вместе с тем нельзя не отметить, что термин «народная демократия» употребляется в Конституции только применительно к прошлому, когда в декларации подводятся итоги пройденного пути. «Народная демократия, — говорится в Декларации, — как путь к социализму полностью оправдала себя, она привела нас к его победе». В результате построения социалистического общества перед трудящимися Чехословакии открываются возможности для постепенного перехода к коммунизму в рамках мировой социалистической системы.

Опыт конституционного развития Чехословакии весьма поучителен. Он свидетельствует прежде всего о том, что в конкретно-исторических условиях каждой страны, вступающей на путь социализма, действуют закономерности общественного развития, впервые проявившиеся в ходе Советского государственного строительства. Эти закономерности отразились прежде всего в замене старых конституционных положений новыми, в создании конституционного права нового, высшего, социалистического типа. Вместе с тем упразднение старых и создание новых конституционных норм носило постепенный, поэтапный характер. В обстановке, когда переход к социализму осуществляется, как правило, в мирных формах, в республике создались возможности для довольно продолжительного использования некоторых старых конституционно-правовых институтов, отличавшихся известным внутренним демократизмом и своего рода резервом для углубления этого демократизма.

Конституционное развитие Чехословакии после утверждения социалистических производственных отношений явилось свидетельством общности государственного строя республики с государственным строем СССР, других социалистических стран, что прежде всего нашло выражение в общности ведущих конституционных принципов. Опыт Чехословакии показал, что в современных условиях, при наличии исключительно благоприятных внешних и внутренних факторов, развитие демократизма в социалистических странах разворачивается все более широко, порождая разнообразие в подходе к решению ряда конституционных проблем. Изучение опыта братских стран позволяет нам обогатить, уточнить наши представления о развитии социалистического государства, его конституционных основ.

Б. МАРКОВ

О ГРАММАТИЧЕСКОМ РОДЕ «ЕВРОПЕИЗМОВ» В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

«Европеизмы» — существительные, обозначающие предметы и понятия из области современной европейской культуры. Такие существительные обычно переходили из одного языка в другие, в том числе и славянские. Значительная часть таких существительных, однако, происходит из латинского или греческого языков, поэтому понятие «европеизм» может быть принято в нашей работе только условно. Названные существительные выражают как конкретные, так и отвлеченные понятия, для которых славянские языки в большинстве случаев своих слов не имели. Среди «европеизмов» имеется значительное количество научных, технических, философских, политических, музыкальных, спортивных и других терминов.

Как и другие заимствования, «европеизмы», естественно, должны были получить в славянских языках свой грамматический род, который, как это будет показано в дальнейшем, чаще всего не совпадает с родом соответствующих существительных в языке-первоисточнике или в языке, из которого они заимствованы. Установление рода у таких существительных в том или ином славянском языке находится в прямой зависимости от культурных влияний, которые оказывали на этот язык отдельные европейские народы, а в известной мере и от неодинаковых тенденций в оформлении рода в самих славянских языках. Некоторые из них ориентировались на произношение «европеизмов» в языке-первоисточнике или в языке, из которого пришли существительные; другие ориентировались иногда и на род существительного в языке-источнике. Говоря о культурном влиянии, следует прежде всего подчеркнуть тот факт, что в зависимости от восточной или западной ориентации в области культуры одни славянские народы приняли часть рассматриваемых существительных непосредственно из латинского (чешск. *gymnasium*, *museum*, словц. *gymnázium*, *múzeum*, польск. *gimnazjum*, *muzeum*), а другие из греческого (русск. *система*, *программа*, *кризис*). Однако гораздо чаще они, особенно южнославянские народы, заимствовали существительные не прямо из классических, а из современных (живых) европейских языков, главным образом из французского и немецкого, значительно реже из английского, итальянского и др. Это можно объяснить тем, что в прошлом, а в какой-то мере и ныне, влияние первых двух языков на славянские и особенно на южнославянские языки было доминирующим.

Вследствие различных культурных влияний и своеобразных внутренних тенденций в отдельных славянских языках возникли большие или меньшие различия в роде «европеизмов». Следует отметить, однако, что эти различия чаще всего связаны с определенными категориями существительных данного типа. Иными словами, несмотря на различные языковые

фильтры и местные тенденции, в утверждении рода таких существительных, как и в других областях лексики и грамматики, между славянскими языками наблюдается значительно больше сходства, чем различий. Так, если «европеизм» оканчивается на *-a*, он, как правило, женского рода (кроме примеров типа *paradigma, schema* в чешском и словацком), а если на согласный (в восточнославянских языках — чаще всего на твердый), он, за небольшими исключениями в чешском, словацком и польском, — мужского рода (ср. русск. *система* ж. р. — греч. τὸ σῖστημα ср. р.; с.-х. *колоквиум, музей* м. р., но чешск. *kolokvium, gymnasium*; словц. *kolokvium, gymnazium*, польск. *kolokvium, gimnazjum, muzeum* ср. р.; средний род сохранен по аналогии с латинским или под влиянием немецкого языка; (ср. *Paradigma, Gymnazium* ср. р.). Установление рода «европеизмов» по окончанию (исходу) особенно характерно для южнославянских языков, в которых существительные, на твердый или мягкий согласный, как правило, мужского рода в отличие от русского языка, где существительные на мягкий согласный могут быть как мужского, так и женского рода¹.

Уже на основании этих общих сопоставлений можно заключить, что южнославянские языки в отношении рода «европеизмов» имеют много общего и это вполне понятно, учитывая их взаимную близость и в других языковых сферах. Частные расхождения в выражении рода объясняются различным историческим развитием отдельных языков. Различные языковые фильтры, через которые проходили эти существительные, а также специфические особенности и тенденции отдельных языков обусловили появление у некоторых типов «европеизмов» разных окончаний, что в свою очередь чаще всего приводило к различиям в роде. Примером могут служить «европеизмы» которые в одном языке оканчиваются на *-a*, а в другом на согласный (ср. слов. *moralа, fakulteta* и с.-х., макед., болг. *морал, факултет*). Другой характерный случай расхождений — существительные на гласный (кроме *-a*), которые в одних языках мужского рода, а в других среднего или преимущественно среднего рода (*дефиле, експозе, кино, деби, интервју* и т. п.).

Все это показывает, что расхождения в роде «европеизмов» имеют различный характер в отдельных южнославянских языках. Здесь находит подтверждение факт, что различия между двумя соседними (родственными) языками обычно менее значительны, чем между территориально удаленными языками. Так, например, словенский язык в отношении рода «европеизмов», как, впрочем, и других явлений, ближе всего к своему соседу — сербско-хорватскому и больше всего отличается от македонского и особенно болгарского литературного языка. Это и закономерно, так как словенский и болгарский географически наиболее удалены друг от друга, а, кроме того, в процессе своего развития испытали разное культурное влияние и никогда не находились в пределах одного государства. Сходство словенского и сербско-хорватского языков в отношении рода «европеизмов» объясняется главным образом одинаковыми или близкими внутренними тенденциями и языковыми фильтрами, через которые проходили рассматриваемые слова. Правда, в усвоении некоторых из них сыграло известную роль влияние на словенский язык хорватского литературного центра (Загреб), в котором, в частности, многие словенцы по-

¹ Ср. русск. *инвентарь, -я, профиль, -я, но модель, -и, мораль, -и, филигрань, -и, шаль, -и* и др. и с.-х. *инвентар, -а, профил, -а, модел, -а, морал, -а, филигран, -а, шал, -а, циљ, -а*, макед. *инвентар(от), профил(от), модел(от), морал(от), филигран(от), шал(от)*, но *цел(та)*. Последнее отступление объясняется тем, что существительное *цел* вошло в македонский через посредство болгарского литературного языка, в который, в свою очередь, оно проникло из русского языка.

лучали образование (это в какой-то мере имеет место и в наши дни). Подобное явление наблюдается в современном македонском литературном языке, который в этом и в иных отношениях находится под довольно сильным влиянием белградского литературного центра. Влияние загребского литературного центра на словенский язык и белградского центра на македонский язык несомненно сильно способствовало тому, что эти три литературных языка очень близки друг к другу в отношении рода «европеизмов».

Однако при многих совпадениях и сходствах этих языков каждый из них обладает и некоторыми специфическими особенностями, которые чаще всего свойственны только ему или характерны только для него или преимущественно для него. Следует также сказать, что некоторые особенности, свойственные, например, словенскому языку, присущи в какой-то степени и одному из остальных южнославянских литературных языков. Это показывает, что, поскольку нередко существуют отступления и исключения, могут проводиться лишь параллели общего порядка.

Различия в выражении рода «европеизмов» в южнославянских языках могут касаться: а) самого рода таких существительных, б) несколько иного оформления того же рода и в) ударения или орфографии. Ударение в этих языках имеет различный характер, но оно не оказывает влияния на род рассматриваемых существительных, и мы оставляем его в стороне. Что касается различий первого и второго типов, то нас, естественно, прежде всего интересуют тенденции и специфические особенности в установлении рода «европеизмов», нашедшие большее или меньшее отражение в отдельных южнославянских языках в их современном состоянии (утверждение рода «европеизмов» в историческом плане интересует нас лишь постольку, поскольку оно помогает объяснить то или иное явление). Перейдем теперь к конкретному анализу данной проблемы в южнославянских языках.

Словенский язык. В отношении «европеизмов» он отличается от других южнославянских языков прежде всего существительными, которые оканчиваются в нем на *-a* и в соответствии с этим являются словами женского рода. В других языках соответствующие «европеизмы» оканчиваются согласным, т. е. они мужского рода. Сюда относятся «европеизмы», которые в словенском имеют суффикс *-teta*, а в остальных южнославянских, также в польском и в восточнославянских языках, суффикс *-tet (-mem)*. Чаще всего это существительные с абстрактным значением, означающие свойство или особенность. По своему значению и функции указанный суффикс соответствует, следовательно, славянским суффиксам *-ост*, *-ство*, *-ина* и др. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: *afiniteta* (с.-х. *afinunem*, макед. и болг. *афинунем*), *avtoriteta* (с.-х. *ауторупем*), *ekstremiteta*, *fakulteta*, *humaniteta*, *imuniteta*, *kapaciteta*, *kvaliteta*, *kvantiteta*, *mentaliteta*, *noviteta*, *pariteta*, *pieteta*, *prioriteta*, *puberteta*, *rariteta*, *saniteta* (—*sanacija*), *specialiteta*, *urbaniteta* и др. Окончание *-a* и следовательно женский род существительных этого типа имеют в чешском и словацком языках, например, чешск. *afinita*, *fakulta*, *imunita*, *kapacita*, *kvalita*, *mentalita*, *pieta*, *specialita*² и др. Большая часть существительных этого типа заимствована из латинского. По их образцу позднее могли возникнуть существительные типа *anuita*, *mentalita* и под., объединяемые с адекватными примерами французского происхождения (ср. франц. *anuité*, *mentalité*). В то время как окончание *-a* (resp. суффикс *-ita*, *-eta*) заимствовано чешским из латинского вместе с большинством существительных этого типа, в словенском и других славянских языках оно появилось под влиянием суффикса *-tät* весьма многочисленных в немецком языке существительных на *-tät* (ср.

² F. T r á v n í ě k. Slovník jazyka českého. Praha, 1952.

die Affinität и под.). Последние обычно имеют соответствия во французском языке (ср. *affinité* f.), которые чаще всего восходят к латинскому языку.

Различия в роде существительных рассматриваемого типа между словенским языком и остальными славянскими языками (за исключением чешского и словацкого) связаны с окончанием *-a*, которое в последних не встречается. Как и в словенском языке, существительные этого типа появились в них в основном из немецкого языка. Поскольку в немецком соответствующие существительные оканчиваются согласным, то по аналогии с собственно славянскими образованиями на согласный в этих языках они присоединились к существительным мужского рода. Появление окончания *-a* в словенском языке вызвано, судя по всему, родом слов, заимствуемых из немецкого, в котором все они женского рода: сохраняя у них женский род, словенцы должны были воспользоваться и соответствующим окончанием женского рода — *-a*, т. е. *die Affinität* > слов. *afiniteta*. Сравнительно сильное влияние немецкого языка на словенский в этом и других случаях понятно и вызвано, в частности, тем, что формирование современного словенского литературного языка происходило в XIX в., когда Словения находилась в составе Австро-Венгрии и словенский язык испытывал сильное влияние государственного — немецкого — языка, которым многие словенцы владели как вторым родным языком. В остальных славянских языках, как сказано выше, «европеизмы» этого типа оканчиваются на согласный и характеризуются мужским родом. Исключение представляют только *електрицитета*, *квалитета*, *квантитета* в сербско-хорватском языке, рядом с которыми в орфографическом словаре («Правопис», 1960 г.) даны и *електрицитет*, *квалитет*, *квантитет*. «Европеизмы» рассматриваемого типа в южнославянских языках довольно распространены, хотя некоторые слова встречаются не во всех языках.

Следует отметить, что суффикс *-teta* или *-tet* остается принадлежностью заимствованных слов, т. е. он не присоединяется к славянским основам. Исключения составляют редкие примеры типа слов. *noviteta*, с.-х. и макед. *новитет*. Непродуктивность этого суффикса объясняется главным образом тем, что есть продуктивные славянские суффиксы *-ост*, *-ство* и др., имеющие такое же значение. В некоторых случаях они присоединяются и к заимствованным основам (ср. *интензивност*, *die Intensivität*, *солидарност*, *die Solidarität* и др.).

Кроме рассмотренных существительных, окончание *-a* и женский род свойственны и некоторым другим «европеизмам» словенского языка, которые в остальных южнославянских языках оканчиваются, как правило, на согласный, т. е. характеризуются мужским родом. И здесь не без оснований можно констатировать, что окончание *-a* и женский род большинства таких существительных обусловлены родом слов языка-источника. Сюда относятся, например, следующие «европеизмы»:

- restavracija* (*Restauration* f.), с.-х. и макед. *ресторан*, болг. *ресторант*;
korala (*Koralle* f.) — с.-х., макед. и болг. *корал*;
morala (*Moral* f.) — с.-х., макед. и болг. *морал*;
molekula (*Molekel* f., *Molekül* n.) — с.-х. и макед. *молекула*, но болг. *молекула* (ср. русск. *молекула*);
pištola (*Pistole* f.) — с.-х. *пиштоль*, макед. *пиштол*, болг. *пистолет*;
folklor (*Folklore* f.) — с.-х., макед. и болг. *фолклор*;
platana (*Platane* f.) — с.-х., макед. и болг. *платан*;
serpentina (*Serpentine* f.) — с.-х., макед. и болг. *серпентин*;
revanša (*Revansche* f.) — с.-х., макед. и болг. *реваниш*;
pasaža (*Passage* f.) — с.-х., макед. и болг. *пасаж*;
korajža (*Courage* f.) — с.-х., макед. и болг. *кураж*;
recidiva (*Rezidiv* n.) — с.-х., макед. и болг. *рецидив*;

parafa (*Paraphe* f. и m.) — с.-х., макед. и болг. *параф*;
minuta (*Minute* f.) — с.-х. и макед. *минут*, но болг. *минута* (русск. *минута*);

revolta (*Revolte* f.) — с.-х., макед. и болг. *револт*;
univerza (чешск. *universita*, лат. *universitas*) — серб. и макед. *универзитет*
(хорв. *sveučilište*), болг. *университет*³ (*Universität* f.);
по *karfijola* (*Karfjol* m.) — с.-х., макед. и болг. *карфиол*.

Наряду с «европеизмами» этого типа привлекают к себе внимание некоторые словенские существительные с окончанием *-a*, которым соответствуют в сербско-хорватском образовании без *-a*, ср. слов. *poteza*, *poveza*, *prtljaga* и под. и с.-х. *потез*, *повез*, *пртлаг*, макед. *потез*, *повез*. К рассматриваемым «европеизмам» следовало бы также присоединить те, которым в сербско-хорватском соответствуют дублиеты, т. е. слова с окончанием *-a* или без окончания, а в македонском и болгарском языках — существительные на согласный, т. е. слова мужского рода. У этих существительных окончание *-a*, указывающее на женский род, обусловлено этим же родом соответствующих немецких слов. Сербско-хорватские слова на *-a*, однако, не всегда обусловлены такой зависимостью, хотя они, принадлежа западному литературному центру, подобно словенским существительным, легче всего связываются с соответствующими немецкими словами женского рода. Что касается рода этих «европеизмов» в болгарском и македонском литературных языках, то он был определен, как, впрочем, и у других существительных, их консонантным исходом, благодаря которому они оказались среди существительных мужского рода. Сюда относятся, например:

trofeja (*Trophae* f.) — с.-х. *трофеја* и *трофеј*; макед. *трофеј*, болг. *трофей*;
akropola (*Akropolis* f.) — с.-х. *акропола* и *акропол*, макед. и болг. *акропол*;
tona (*Tonne* f.) — с.-х. *тона* и *тон*, макед. и болг. *тон*;
fazona (*Fasson* f.): — с.-х. *фазона* и *фазон*, макед. *фазон*, болг. *фасон*;
šablona (*Schablone* f.) — с.-х. *шаблона* и *шаблон*, макед. и болг. *шаблон*;
majoneza (*Mayonnaise* f.) — с.-х. *мајонеза* и *мајонез*, макед. *мајонез*, но болг. *майонеза*;

bagaza (*Bagage* f.) — с.-х. *багажа* и *багаж*, макед. и болг. *багаж*;
bandaža (*Bandage* n.) — с.-х. *бандажа* и *бандаж*, макед. и болг. *бандаж*;
furaža (*Furage* f.) — с.-х. *фуража* и *фураж*, макед. и болг. *фураж*;
tiraža (франц. *Tirage* m.) — с.-х. *тиража* и *тираж*, макед. и болг. *тираж*;

maneža (*Manege* f.) — с.-х. *манежа* и *манеж*, макед. и болг. *манеж*;
perioda (*Periode* f.) — с.-х. *периода* и *период* (часто с дифференциацией значения), макед. и болг. *период*;

dubleta (*Dublette* f.) — с.-х. *дублета* и *дублет*, макед. и болг. *дублет*;
fronta (*Front* f.) — с.-х. *фронта* и *фронт*, макед. и болг. *фронт*;

kazemata (*Kasematte* f.) — с.-х. *каземата* и *каземат*, макед. и болг. *каземат*;
tapeta (франц. *Tapet* n.) — с.-х. *тапета* и *тапет*, макед. и болг. *тапет*;

gripa (*Grippe* f.) — с.-х. *грипа* и *грип*, макед. и болг. *грип*;
однако *amfibija* (*Amphibie* f.) — с.-х. *амфибија* и *амфибиј*, макед. *~a*, болг. *амфибия*;

afrikata (*Affrikate* f.) — с.-х. *африката* и *африкат*, макед. и болг. *~a*.

Помимо «европеизмов» на *-a*, словенский язык отличается от других южнославянских языков в отношении рода также и «европеизмами», которые в нем оканчиваются на согласный, а в других языках — обычно на

³ К «европеизмам» этого типа не относятся примеры *angažma*, *apartma*, *departma*, *rafinma*, *regleta* и под., у которых сочетанием *-ma* передается французский носовой. Так и в других южнославянских языках, где такие слова оканчиваются согласным, эти — ва в словенском мужского рода (ср. *apartma*, род. п. *apartmaja*).

-а. Существительные этого типа встречаются, однако, значительно реже, чем первые, причем и тут род (мужской) обусловлен — по крайней мере в ряде примеров — мужским или средним родом слов немецкого языка, откуда они заимствованы. Для сербско-хорватского языка характерно то, что у некоторых существительных возможны дублиеты, допускаемые орфографическим кодексом. К этой группе «европеизмов» принадлежат например,

fotelj (нем. *Fauteuil m.*, франц. *fauteuil m.*) — с.-х. *фотела*, макед. *фотелја*;

puder (франц. *poudre f.*) — с.-х. *пудер*, макед. и болг. *пудра* (ср. русск. *пудра*);

poem (Роем п.) — с.-х., макед. и болг. *поема*;

ciklaman (*Zyklamen n.*) — с.-х. *циклама*, макед. и болг. $\sim a$;

komet (*Komet m.*) — с.-х., макед. и болг. *комета*;

fascikel (*Faszikel m.*) — с.-х. *фасцикула*(а), макед. *фасцикла*;

šrapnel (*Schrapnell n.*) — с.-х. *шрапнел* и $\sim a$, макед. и болг. $\sim л$;

diadem (*Diadem n.*) — с.-х. *диадем* и $\sim a$, макед. $\sim a$, болг. *диадема*;

eksem (*Ekzem n.*) — с.-х. *екзем* (*егзем*) и $\sim a$, макед. *егзема* и болг. *екзема*;

bonbon (*Bonbon m.*) — с.-х. *бомбон* и $\sim a$, макед. и болг. *бонбон*;

bajonet (*Bajonett n.*) — с.-х. *бајонет* и $\sim a$, макед. *бајонет* (наряду со *штик*);

klarinet (*Klarinette f.*) — с.-х. *кларинет* и $\sim a$, макед. $\sim т$, болг. *кларнет*;

tun (*Thunfisch m.*) — с.-х. *туна*, макед. и болг. *тун*;

beneficij (*Benefizium n.*) — с.-х. *бенефициј* и $\sim a$, макед. $\sim a$, болг. *бенефис*;

decenij (*Dezennium n.*) — с.-х. *децениј* и $\sim a$, макед. $\sim a$;

misterij (*Mysterium n.*) — с.-х. *мистериј* ($\sim ијум$) и $\sim a$, макед. $\sim a$, болг. *мистерия*;

privilegij (*Privilegium n.*) — с.-х. *привилегиј* и $\sim a$, макед. $\sim a$, болг. *привилегија*;

auditorij (*Auditorium n.*) — с.-х. *аудиториј*, $\sim ијум$ и $\sim a$, макед. $\sim a$, болг. *аудитория*;

konservatorij (*Konservatorium n.*) — с.-х. *консерваториј*, $\sim ијум$ и $\sim a$, макед. $\sim a$, болг. *консерватория*;

konzistorij (*Konsistorium n.*) — с.-х. *конзисториј* и $\sim a$, макед. $\sim a$, болг. *конзистория*;

laboratorij (*Laboratorium n.*) — с.-х. *лабораториј*, $\sim ијум$ и $\sim a$, макед. $\sim a$, болг. *лаборатория*;

teritorij (*Territorium n.*) — с.-х. *териториј*, $\sim ијум$ и $\sim a$, макед. $\sim a$, болг. *територия*.

То, что соответствующие слова в немецком языке обычно мужского или среднего рода, не играет роли для выбора рода в словенском языке, так как и те и другие существительные оканчиваются согласными и автоматически включаются в класс существительных мужского рода.

Сербско-хорватский язык. В отношении «европеизмов» сербско-хорватский язык отличается от словенского языка не столько их родом, сколько иным оформлением рода, иначе говоря, иными суффиксами и окончаниями, которые, в сущности, являются причиной различий. Для этого языка, кроме того, характерны многочисленные дублиеты, некоторые из них упомянуты выше. Многочисленность дублиетов в значительной степени обусловлена существованием двух литературных центров — загребского и белградского.

Каждый вариант или дублет (с окончанием на согласный или на -а) обычно присущ или белградскому или загребскому литературному центру, хотя нередко бывает и так, что оба варианта (дублиеты) существуют в

одном или даже в обоих литературных центрах. Не всегда легко сказать, который из вариантов принадлежит только восточному центру или преимущественно ему, а который — западному центру. Поэтому обобщения, касающиеся употребления вариантов «европеизмов» в двух литературных центрах и не опирающиеся на конкретный материал, могут оказаться поверхностными или произвольными. Это, разумеется, не означает, что некоторые общие разграничения невозможны или невыполнимы. Поскольку, однако, действующий орфографический кодекс допускает оба варианта того или иного «европеизма», принадлежность одного из них загребскому или белградскому центру не имеет для нас существенного значения.

Следует сказать также, что иной суффикс (окончание) у дублетов чаще всего не изменяет их рода, т. е. род обычно остается тем же (мужским или женским). Относительно склонения существительных надо отметить следующее: если один из дублетов оканчивается на согласный, а другой на *-a*, то они, имея один и тот же род, склоняются по-разному (ср. *бюрократ*, род. п. *-a* и *бюрократа*, род. п. *-e*). Если оба варианта оканчиваются согласным (ср. *магнезиј*, *-a* и *магнезиум*, *-a*) или гласным *-a* (*асистенткиња*, *-e* и *асистенткица*, *-e*), они склоняются одинаково. В связи с этим и наглядности ради мы распределим их по трем группам.

а) Дублеты, оканчивающиеся согласным или гласным *-a*. Эти в равной мере допустимые слова одного рода и разного склонения, означающие лиц, происходят из латинского языка, где они оканчиваются на *-at*, *-et*, *-it*, *-ot*, *-ist*, *-ast*, например: *аристократ* и *аристократа*, *дипломат* и *дипломата*, *аскет* и *аскета*, *атлет* и *атлета*, *космополит* и *космополита*, *патриот* и *патриота*, *энтузиаст* и *энтузиаста*, *коммунист* и *коммуниста* (но только *апсолвент*, *асистент* и др.).

В сербско-хорватском литературном языке, как и в других южнославянских языках, подобные дублеты многочисленны. Среди них больше всего образований с суффиксом *-ист(a)*, который, однако, не стал продуктивным; он не только не присоединяется к славянским основам, но, напротив, в некоторых случаях вытесняется более продуктивным суффиксом (ср. *спортист* и *спорташ*).

Факультативное окончание *-a* характерно преимущественно для белградского литературного центра, хотя оно не совсем чуждо и загребскому центру⁴. Кроме сербско-хорватского языка, окончание *-a* у «европеизмов» распространено в западнославянских языках (исключая серболужицкий), воспринявших его, несомненно, из латинского языка. Что касается сербско-хорватского языка, окончание *-a* могло быть, помимо латинского, заимствовано им и из западнославянских языков, особенно из чешского, сильное влияние которого преимущественно на западный центр имело место в период иллиризма. Речь идет, разумеется, не столько о прямом влиянии, сколько о побудительной силе и примере чешского языка в процессе утверждения «европеизмов» в сербско-хорватском языке. Однако окончание *-a* могло возникнуть также на местной почве. В пользу этого говорят, видимо, многочисленные существительные на *-a* типа *бата*, *тата*, *деда*, *теча*, *чика*, *зеца*, *лала*, *Гера*, *Гоша Јова*, *Миша*, *Риста*, *Стева*, *Света*, *Драгиша*, *Радиша*, *Синиша* и др. Такие примеры (некоторые из них в говорах оканчиваются на *-o*: *Божо*, *Стево* и др.), по-видимому, могли также влиять на установление окончания *-a* у «европеизмов».

б) Дублеты, оканчивающиеся согласным (тип *магнезиј* и *магнезијум*). В этом случае суффикс *-иј* или *-ијум* не вызывает колебаний в грамматическом роде и склонении. Суффикс *-иј* оформился на славянской почве

⁴ Ср. *komunist* и *komunista*, *turist* и *turista*, но *aristokrat*, *atlet*, *asket*, *patriot* и под. (J. Benešić. Hrvatsko-poljski rječnik. Zagreb, 1949).

и оттеснил первичный суффикс *-iut*. Слова на *-iut* в латинском языке среднего рода, что нашло отражение в западнославянских языках (см. стр. 69), тогда как в сербско-хорватском, по аналогии с прочими существительными на согласный, они стали характеризоваться мужским родом. Оба дублета равно допускаются орфографическим кодексом, но образования на *-iuj* в большинстве своем связаны с загребским, а образования на *-iujm* с белградским литературным центром. Что касается других южнославянских языков, то в каждом из них обобщается один из двух суффиксов: в словенском языке *-ij*, в болгарском — также в основном *-ий*, между тем как македонский усвоил *-иум*, т. е. вариант белградского литературного центра, например: слов. *aluminij, iridij, gerundij, klimaktorij, stadij*; болг. *алуминий, иридий, герундий, климакторий, стадиј*; с.-х. *алуминиј и алуминијум, иридиј и иридијум, герундиј и герундијум, климакториј и климакторијум, стадиј и стадијум*; макед. *алуминиум, иридиум, герундиум, климакторуим, стадиум*.

Суффикс *-iut* неизвестен словенскому языку. Вместо него употребляется *-ij* (*konsilij, konsorcij, opij* и др.). Суффикс *-иум* очень редок в болгарском языке (*консилиум, консорциум, но опий* и др.).

в) Дублеты, оканчивающиеся на гласный *-а* суффиксов *-киња* и *-ица*. Различие в суффиксах не вызывает колебаний в роде и склонении. Оба суффикса распространились из славянских образований на существительные с заимствованной основой, т. е. на «европеизмы» (ср. *активист — киња, активист — ица*). В славянских существительных обычно не происходит взаимозамена или параллельное употребление этих суффиксов, из которых *-киња* несколько моложе, чем *-ица*. Суффикс *-киња* возник в сербско-хорватском языке в результате контаминации *-ка* и *-иња* (< *уни*). В других славянских языках он встречается в сочетании с незаимствованными основами (ср. слов. *srbkinja*, болг. *рускиња, срѣбкиња*). Суффикс *-ица* (< *-ика*), который в той же функции при славянских основах распространен и в других южнославянских языках, в «европеизмах» значительно менее продуктивен, чем *-киња*. Он характерен лишь для загребского литературного центра; белградский центр его, кажется, не знает. В орфографическом словаре (1960 г.) «европеизмы» на *-ица* малочисленны. Они сопровождаются, как правило, образованиями на *-киња* в качестве равноправного варианта. Например: *аполоненткиња и аполонентица, германисткиња и германистица, дентисткиња и дентистица, пијанисткиња и пијанистица, слависткиња и славистица, телефонисткиња и телефонистица, трактористкиња и трактористица* и др.

В отличие от остальных южнославянских и других славянских языков, для которых характерен суффикс женского рода *-ка*, в сербско-хорватском языке, таким образом, преимущественно употребляются суффиксы *-киња* и *ица*⁵; ср. с.-х. *дактилограф-киња* — макед. и болг. *~ка*, слов. *daktilograf-ka*; -ант: с.-х. *демонстрант-киња* — макед. и болг. *~ка*, слов. *demonstrant-ka*; -ент: с.-х. *абитуријент-ица* и *абитуријент-киња* — макед. и болг. *абитуриент-ка*, слов. *abiturient-ka*; -аст: с.-х. *ентузијаст-киња* — макед. *ентузијаст-ка*, болг. *ентузиаст-ка*, слов. *entuziast-ka*; ат-: с.-х. *акробат-киња* — макед. и болг. *~ка*, слов. *akrobat-ka*; -от: с.-х. *патриот-киња* — макед. и болг. *патриот-ка*, слов. *patriot-ka*; -ит: с.-х. *космополит-киња* — макед. и болг. *~ка*, слов. *kosmopolit-ka*; -ист: с.-х. *алпинист-киња* — макед. и болг. *~ка*, слов. *alpinist-ka*; с.-х. *антагонист-киња* — макед. и болг. *~ка*, слов. *antagonist-ka*; с.-х. *егоист-*

⁵ Правда, суффикс *-ка* известен и сербско-хорватскому языку, но он представлен только в собственно сербско-хорватской лексике и чаще всего в словах, соотносимых с существительными мужского рода на *-ац*, например, *Босанац — Босанка, Србијанац — Србијанка, Словенац — Словенка*, и чужд «европеизмам».

киња — макед. и болг. \sim ка, слов. *egoist-ka*; с.-х. *шахист-киња* — макед. и болг. \sim ка, слов. *šahist-ka* и др. или с.-х. *алтист-киња* и \sim ица — макед. и болг. \sim ка, слов. *altist-ka*; с.-х. *активист-киња* и \sim ица — макед. и болг. *активист-ка*, слов. *aktivist-ka*; с.-х. *солист-киња* и \sim ица — макед. и болг. *солист-ка*, слов. *solist-ka* и др.

Македонский язык. Македонский язык, очень близкий в отношении рода «европеизмов» к сербско-хорватскому, обнаруживает существенные отличия главным образом в роде слов на *-o*, *-e*, *-и*, *-у* (*купе*, *кино*, *мени*, *рагу* и др.). В то время как «европеизмы» этого типа в словенском и сербско-хорватском языках, как правило, мужского рода, в македонском они обычно, а в болгарском всегда среднего рода. Различия в роде этих существительных между словенским и сербско-хорватским литературными языками, с одной стороны, и македонским и болгарским, с другой, обусловлены главным образом тем, что первые два языка заимствовали эти «европеизмы» вместе с их родом в языке-источнике, а вторые два языка присоединили их к классу своих существительных на *-o*, *-e*, т. е. к существительным среднего рода.

В пользу такого объяснения мужского рода названных «европеизмов» в сербско-хорватском и словенском языках говорит и тот факт, что эти слова в большинстве своем заимствованы из французского или немецкого (который заимствовал их чаще всего из французского) языков, где они обычно характеризуются мужским родом (ср. франц. *coupé m.*, *niveau m.*, *debit m.* и др.). Таким образом, связь с родом слов языка-источника возобладала в них над окончаниями *-o*, *-e* (*selo*, *polje*). Надо указать и на то, что многие «европеизмы» этого типа принадлежат лексике, которая свойственна главным образом речи образованных слоев населения, и ныне обычно пользующихся названными языками (ср. *експозе*, *реноме*, *ембарго*, *торзо*, *деби* и др.). Что касается «европеизмов» на *-и* и *-у*, то они, обладая необычным для славянских языков окончанием, присоединились к словам на *-e* и *-o* и получили их род, в одних языках — мужской, в других — средний.

В сербско-хорватском языке колебания в роде имеют в основном «европеизмы» типа *кино*, которые в литературном языке мужского, а в просторечии, как и в большинстве говоров, среднего рода. Колебания мужского и среднего рода у «европеизмов» этого типа гораздо более характерны для современного македонского литературного языка, особенно в первые годы его формирования (ср. *аташе*, *експозе*, *интермецо*, *интервју* и др.), причем различия в роде связаны в некоторых случаях с дифференциацией значения (ср. *клише* — *клишиња*, ср. р. и *клише* — *клишеи*, м. р.). Колебания в роде обусловлены здесь в большой мере влиянием сербско-хорватского литературного языка.

С родом «европеизмов» этого типа непосредственно связано образование их форм именительного падежа множественного числа, в чем южнославянские языки обнаруживают большие различия. Имея одно и то же окончание *-и* (и, в виде исключения, *-а*, тип *кино* — *кина*) сербско-хорватский и словенский языки и здесь выступают вместе, тогда как в македонском литературном языке используются три окончания: *-и* (*клише*, *-и*), *-иња* (*клишиња*) и *-а* (*нива*), хотя преобладают последние два. Наконец, для болгарского языка типичны окончания *-ета* (*купета*) и *-а* (*кина*). Многие «европеизмы» не имеют форм множественного числа (*ембарго*, *индиго*, *фиаско* и др.).

Из довольно многочисленных существительных рассматриваемого типа можно привести, например, следующие:

-e: слов. *ataše*, с.-х. и макед. *аташе* м. р. — болг. *аташе* ср. р.; слов. *atelje* и с.-х. *ателе* м. р. — макед. *ателје* и болг. *ателие* ср. р.; слов.

defile и с.-х. *дефиле* м. р. — макед. и болг. *дефиле* ср. р.; слов. *variete* и с.-х. *вариете*, -*еа*, м. р. — макед. *вариете* м. и ср. р. — болг. *вариете* ср. р.; слов. *ekspoze*, с.-х. *екпозеј* и *екпозе* м. р. — макед. и болг. *екпозе* ср. р.; слов. *faksimile*, с.-х. *факсимил* м. р. — макед. и болг. *факсимиле* ср. р.; слов. *kominike*, с.-х. *коминике(ј)* м. р. — макед. *коминике* и болг. *комюнике* ср. р.; слов. *kipe* и с.-х. *купе* м. р. — макед. и болг. *купе* ср. р.; слов. *rezime* и с.-х. *резиме* м. р. — макед. *резиме*, болг. *резюме* ср. р.; слов. *kanape*, с.-х. *канабе* м. р. — макед. и болг. *канабе* ср. р.;

-*и*: слов. *debut* (произносится «деби»), с.-х. *деби* м. р. — макед. *деби* ср. р.; слов. *jury*, с.-х. *жири*, -*ија*, макед. *жири* м. р. — болг. *жури* ср. р.; слов. *kolibri*, с.-х. и макед. *колибри* м. р. — болг. *колибри* ср. р.; слов. *meni*, -*ја*, с.-х. *мени*, -*ја* м. р. — макед. *мени*, болг. *меню* ср. р.; слов. *remi*, с.-х. *реми* м. р. — макед. *реми* ср. и м. р. — болг. *реми* ср. р.

-*о*: слов. *gabro*, с.-х. *габро* м. р. — макед. и болг. *габро* ср. р.; слов. *embargo*, с.-х. *ембарго* м. р. — макед. и болг. *ембарго* ср. р.; слов. *embrio*, с.-х. *ембрио* м. р. — макед. *ембрио* ср. р. — болг. *ембрион* м. р.; слов. *intermezzo*, с.-х. *интермецо* м. р. — макед. *интермецо* м. и ср. р. — болг. *интермецо* ср. р.; слов. *kino* и с.-х. *кино* м. р. (но мн. ч. *кина*), макед. и болг. *кино* ср. р.; слов. *kaкао*, с.-х. *какао* м. р. — макед. и болг. *какао* ср. р.; слов. *nivo*, -*ја*, с.-х. *ниво*, -*а* м. р. — макед. и болг. *ниво* ср. р.; слов. *sako*, -*ја*, с.-х. *сако*, -*оа* м. р. — макед. и болг. *сако* ср. р.; слов. *saldo* и с.-х. *салдо* м. р. — макед. и болг. *салдо* ср. р.; слов. *salto* и с.-х. *салто* м. р. — макед. *салто* ср. р.; слов. *tango*, с.-х. *танго*, м. р., — макед. и болг. *танго* ср. р.; слов. *torzo*, с.-х. *торзо* м. р. — макед. *торзо*, болг. *торсо* ср. р. и болг. *торс* м. р.; слов. *triko*, *ја*, с.-х. *трико*, -*оа* (мн. ч. -*ои*) м. р. — макед. и болг. *трико* ср. р.; слов. *trimo*, -*ја*, с.-х. *тримо*, -*оа* (мн. ч. -*ои*) м. р. — макед. и болг. *тримо* ср. р.; слов. *trio*, с.-х. *трио* (мн. ч. *трији*) м. р. — макед. и болг. *трио* ср. р.; слов. *fiasko*, с.-х. *фијаско* м. р. — макед. *фијаско* и болг. *фиаско* ср. р.;

-*у*: слов. *kaкaду*, -*ја*, с.-х. *какаду*, -*уа*, макед. *какаду* м. р. — болг. *какаду* ср. р.; слов. *intervju*, -*ја* м. р., с.-х. *интервју*, -*уа*, макед. *интервју* м. р. — болг. *интервју* ср. р.; слов. *ragu*, -*ја*, с.-х. *рагу*, -*уа* м. р. — макед. и болг. *рагу* ср. р. и т. д.

Большая часть приведенных македонских существительных имеет средний род; соответствующие существительные в словенском и сербско-хорватском языках, как правило, мужского рода, а в болгарском — среднего рода. В македонском литературном языке мужской род имеют главным образом существительные, обозначающие лиц мужского пола (*аташе*, *денди*, *кули*), существительные типа *клише*, мн. ч. *клишеи* и *клише*, мн. ч. *клишиња*, а также *колибри*, *какаду*, *интервју*, *дерби*. Некоторые слова этого типа имеют и мужской и средний род: *вариете*, *реми*, *интермецо*, но количество таких существительных невелико по сравнению с существительными среднего рода.

Из других характерных особенностей «европеизмов» в македонском языке заслуживают упоминания следующие. Дублеты в нем — редкое явление. Этим македонский язык существенно отличается от сербско-хорватского, для которого они очень характерны. Среди существительных-дублетов можно назвать *аксиом* и *аксиома*, *локомобил* и *локомобила*, *карантин* и *карантина*, *програ* и *програма*, *копија* и *копие* и др. Такие дублеты, как и колебания рода существительных на -*е*, -*о* и -*у*, в значительной мере обусловлены влиянием сербско-хорватского и болгарского языков. Кроме указанных различий в роде «европеизмов» сербско-хорватского и македонского литературных языков, следует отметить и немногочисленные слова с разными окончаниями, обуславливающими различия в роде. Примером могут служить существительные: с.-х. *карабин* и макед. *кара-*

бинка, с.-х. *пудер* и макед. *пудра*, с.-х. *мармелада* и макед. *мармалад* или *мармелад*, с.-х. *чоколада* и макед. *чоколадо* (разг.), с.-х. *кава* или *кафа* и макед. *кафе*, с.-х. *фида* и макед. *фиде* и др. В македонском языке средний род часто имеют и другие существительные, заимствованные или местные, например, *кадифе*, *маало*, *театро* (нар.), *коледе*, *луле*, *кадо* (нар.), *цименто* вм. лпт. *цемент* и др.; ср. с.-х. *кадифа*, *махала*, *коледа*, *лула* и др.

О других примерах этого типа мы говорили выше (стр. 71—73), анализируя данные словенского литературного языка.

Б о л г а р с к и й я з ы к. Некоторые особенности и отличия этого языка в отношении рода «европеизмов» уже упоминались выше. На основании сказанного можно сделать вывод, что болгарский язык занимает среди южнославянских языков особое место. Различия между болгарским, с одной стороны, и остальными южнославянскими языками, с другой стороны, довольно значительны в целом ряде случаев, так что болгарский язык в некоторой мере противостоит им или заметно отличается от них.

Это объясняется тем, что болгарский язык довольно долго развивался под сильным влиянием русского литературного языка, которого не испытывали в столь сильной степени другие южнославянские языки.

Помимо различий в роде «европеизмов», указанных выше, следует рассмотреть те «европеизмы», которые проникли в болгарский язык и утвердились в нем чаще всего под влиянием русского литературного языка. Это нетрудно доказать, так как «европеизмы» с данным суффиксом и соответственно с данным родом встречаются обычно в русском языке или характерны для него. Как известно, род «европеизмов» в русском языке устанавливался не по роду слова в языке-источнике, а по морфологическому виду слова, т. е. по окончанию существительного. Этот же принцип установления рода «европеизмов» присущ в известной мере и сербско-хорватскому языку, однако в этом отношении между ним и русским языком существуют значительные различия, объясняемые главным образом языковыми фильтрами, через которые проходили эти существительные. Если русский язык воспринимал часть «европеизмов» непосредственно из греческого, то сербско-хорватский заимствовал их обычно из французского или немецкого языка (ср. русск. *система*, *генезис*, греч. τὸ σύστημα, ἡ γένεσις и с.-х. *систем*, франц. *système m.*, но *генеза*, франц. *genèse f.*).

Родовые различия подобных «европеизмов» в болгарском, с одной стороны, и в остальных южнославянских языках, с другой, обусловлены, следовательно, в значительной мере тем, что болгарский язык усваивал эти «европеизмы» чаще всего не прямо из французского или немецкого, а преимущественно из русского языка. В результате этого современный болгарский литературный язык в отношении рода «европеизмов» в ряде случаев ближе к русскому языку, чем к южнославянским языкам. Следует отметить, однако, что речь идет лишь о его несколько большей близости к русскому языку, а не о тождестве с ним. Это, впрочем, лучше всего подтверждается фактом, что названные выше тенденции в установлении рода «европеизмов» в южнославянских языках распространяются и на болгарский язык, т. е. существительные на согласный характеризуются в нем, как правило, мужским родом. Иными словами, различия в роде «европеизмов» между болгарским и другими южнославянскими языками наблюдаются в словах с разными суффиксами и окончаниями (исключение составляют слова на *-о*, *-е*, *-и*, *-у*), что не всегда соответствует роду «европеизмов» в русском языке. Например, болг. *дуел(ът)*, *модел(ът)*, *морал(ът)*, *шрапнел(ът)*, *паралел(ът)* *ретуш(ът)* — слова мужского рода, а русск. *дуэль*, *модель*, *мораль*, *шрапнель*, *параллель*, *ретушь* — слова женского рода. Примеры типа болг. *мебел(та)*, *цел(та)* и русск. *мебель*, *цель* — исключение.

Из сказанного следует, что болгарский язык в отношении рода «европеизмов» отличается от других южнославянских языков главным образом словами, имеющими соответствие в русском языке. Поэтому создается впечатление, что он занимает промежуточное положение между русским и южнославянскими языками.

Следует, разумеется, отметить и различия, обусловленные некоторыми характерными особенностями самого болгарского языка. Большинство их уже упомянуто выше. Для сравнения и получения более полного представления о том, что общего и близкого имеет болгарский с русским и что с другими южнославянскими языками, приведем следующие «европеизмы», оканчивающиеся на согласные *-б*, *-п*: *гардероб*, *этап* (русск. *этап*), но *суна* (русск. *сун*); *-в*, *-ф*: *кооператив*, *локомотив*, *резерв* и *резерва*, *шарф*; *-д*: *авангард*, *арьергард* (русск. *арьергард*), *анод*, *эпизод* (русск. *эпизод*), *этюд* (русск. *этюд*), *миллиард* (русск. *миллиард*), *шоколад*, но *лимонада*, *фасада* (русск. *лимонад*, *фасад*); *-т*: *анекдот*, *вариант* и *варианта* (с дифференцированным значением), *бюст*, *дебют*, *нефт* (русск. *нефть* ж.р.), *сорт*, *флот* и *флота*, но *банкнота*, *визита*, *салата*, *торта*; *-з*: *экстаз* (русск. *экстаз*), *анамнез* и *анамнеза*, *анализ*, *девиз*, *апотеоз* (русск. *апофеоз*), но *электролиза*, *гидролиза*, *синтеза*, *симбиоза*, *наркоза*, *прогноза*, *психоза*, *туберкулоза*, *хипноза* (русск. *гипноз*); *-с*: *адрес*, *клас* (русск. *класс*), *романс*, *шанс*, *базис* и *база*, *оазис*, *скепсис*, *тезис*, наряду с *теза*, *фазис*, наряду с *фаза*, но *елипса* (русск. *эллипс*), *криза*; *-ж*: *арбитраж*, *волтаж* (русск. *вольтаж*), *гараж*, *инструктаж*, *камуфлаж* (русск. *камуфляж*), *литраж*, *масаж* (русск. *массаж*), *монтаж*, *репортаж*, *саботаж*, *тонаж* (русск. *тоннаж*), *трикотаж*, *шпионаж* и др.; в других южнославянских языках эти слова оканчиваются на *-ажа*: *арбитража* и др.; *-л*: а) *интернационал*, *купол* и *купола*, *титул*, *финал*, но *зала*; б) *контрол* и *контрола* — с разным значением (русск. *контроль* м.р.), *капсул* и *капсула*, *шницел*, но *нула*, *парола*; в) *бандерол* (русск. *бандероль* ж.р.), *диагонал*, *карамель*, *паралел*, *шрапнел*, но *вертикала*, *магистрала*, *нормала*, *спирала*, *централа*; *-м*, *-н*: *диплом*, *сезон*, *химн* (русск. *гимн*) или *амалгама* (русск. *амальгама*), *емблема* (русск. *эмблема*), *диаграма* (русск. *диаграмма*), *эпиграма* (русск. *эпиграмма*), *стенограма*, *телеграма*, *проблема*, *система*, *климат*, *меценат*, *цикъл* (русск. *цикл*), *шифър* (русск. *шифр*), *цирк*; или *бронхит*, *гастрит*.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в болгарском языке обнаруживается много сходного с русским языком, хотя полного совпадения нет. К этому надо прибавить, что в ряде случаев наблюдается тождество фактов болгарского и других южнославянских языков; ср. болг. *банка* — русск. *банк*, *барака* — *барак*, *тарифа* — *тариф*, *рецепта* — *рецепт*, *барьера* — *барьер*, *маневра* — *маневр*, *контура* — *контур*, *лимузина* — *лимузин*; болг. *темно* — русск. *темн*; болг. *афиш* — русск. *афиша*, *бацил* — *бацилла*, *монопол* — *монополия*, *маниер* — *манера*, *цитат* — *цитата*.

Говоря о различиях, надо, наконец, упомянуть и те «европеизмы», которые в русском обычно не встречаются, например, *амбалаж* (русск. *упаковка*), *конфитюр* (русск. *варенье*), *толеранс* (русск. *допустимый предел*), *финес* (русск. *изысканность*, *изящность*, *утонченность*), а также слова отличающиеся написанием и произношением, например, болг. *бюфет*, русск. *буфет*, *тротоар* — *тротуар*, *пастет* — *паштет* и др.

В заключение следует подчеркнуть, что главная цель нашего анализа материала и сравнения отдельных южнославянских языков между собой состояла в том, чтобы показать в общих чертах тенденции в оформлении рода «европеизмов». Более детальное и глубокое изучение этой проблемы, на наш взгляд, выходит за рамки нашей работы и касается главным образом обозначения грамматического рода в отдельных славянских языках.

Н. ПРОКОФЬЕВА

КАРЕЛ ПУРКИНЕ И ЕГО МЕСТО В ЧЕШСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ XIX ВЕКА

В последнее время искусствоведческая критика Чехословакии обратила особое внимание на творческое наследие выдающегося художника К. Пуркине, сыгравшего значительную роль в формировании прогрессивного реалистического направления в изобразительном искусстве Чехии середины XIX в. и определившего пути его дальнейшего развития. В 1962 г. в Вальдштейнском манеже была открыта выставка работ художника. К этому событию был приурочен выпуск каталога его работ, составленного О. Мацковой. Издана монография В. Волавки «К. Пуркине». В периодической печати появляется ряд статей¹, посвященных анализу творчества Пуркине.

В 1960 г. в советской печати была издана книга-альбом «Карел Пуркине» со вступительной статьей И. Эренбурга, в которой говорится, в частности, о том, как живо волнует наших современников творчество чешского художника: «...получив звание классика чешской живописи, Пуркине не стал представителем классического направления: он как бы вмешивается в художественные споры наших дней. На выставках живописи можно услышать все те суждения, те же насмешливо-нисходительные похвалы, которые слышал Пуркине в 1860 году»².

Не признанный при жизни, Пуркине удостоился сочувственного внимания своих соотечественников лишь через 30 лет после смерти: в 1898 г. была организована первая выставка его работ. К этому же времени относится и появление первой статьи о его творчестве (автор — Р. Тыршева). Несколько позднее, в начале XX в., в печати публикуется ряд статей о Пуркине чешских историков искусства: Мадла, Печирки, Дранека, Бартоша, Эдгара и др. Первая монографическая работа о мастерстве К. Пуркине была написана Ф. Иржицом и опубликована только в 1925 г. В 1942 г. была издана монография В. Волавки, где автор наиболее полно охарактеризовал творческий путь и профессиональное мастерство этого художника и его эстетические принципы. Однако с некоторыми положениями, высказанными автором, трудно согласиться.

Касаясь вопроса эстетических воззрений художника, Волавка противопоставляет взгляды К. Пуркине и Я. Неруды, говоря о том, что искусство К. Пуркине «не могло отвечать романтически окрашенному пониманию народности и идеалистически-реалистическим требованиям эстетики, что было двумя основными моментами критической деятельности, например, Яна Неруды»³.

По-видимому, это обстоятельство дает иногда лишний повод говорить о творческой изолированности Пуркине, о его одиночестве и о том, что его искусство «противоречило всей национальной эстетической концепции того времени в целом»⁴. Известно к тому же, что один из крупнейших создателей этой национальной эстетической кон-

¹ V. V. S t e c h. Realismus Karla Purkyně.— «Umění», 1962, № 6; L. N o v á k. Glosy k osobnosti a dílu Karla Purkyně.— «Umění», 1963, № 1.

² «Карел Пуркине». — «Искусство», 1960, стр. 4.

³ V. V o l a v k a. Karel Purkyně. Praha, 1942, s. 31.

⁴ Ibid.

цепции Я. Неруда выступал с резкой критикой «небрежной манеры», в которой написаны произведения Пуркине. Но можно ли на основании этих фактов решительно противопоставлять Пуркине Неруде и шире — всему направлению, представителем которого был Неруда?

На наш взгляд, произведения Пуркине не получили достойного признания современников не потому, что они по своему идейно-эстетическому содержанию были чужды передовым художественным течениям 60-х годов, а в силу еще недостаточной подготовки зрителя к восприятию непривычной художественной манеры Пуркине. Именно эта, чисто субъективная оценка нового вида живописи выражена в словах Неруды о «небрежной манере». Кстати, слова эти отнюдь не свидетельствуют о том, что Неруда отрицательно относился ко всему творчеству Пуркине. В силу своих эстетических убеждений он не мог отрицать тот качественно новый вид искусства, который открывали картины Пуркине. Неруда на протяжении всей своей деятельности отстаивал тезис о новой эпохе, рождающей «новый вкус, новое искусство, которое должно быть созвучно со своим временем и создавать свои новые художественные формы»⁵.

Эстетические нормы, предъявляемые к изобразительному творчеству Карелом Пуркине, во многом близки принципам развития национальной культуры и искусства сформулированным Нерудой и его единомышленниками. Сопоставление их взглядов говорит об идентичности понимания ими ряда основополагающих вопросов эстетики. И, конечно, это не случайные совпадения: взгляды Пуркине складывались под влиянием радикальных демократов. Особенно близки ему были маевцы — патристически настроенные писатели, ставшие в 60-х годах «типичными представителями складывающегося, утверждающегося реалистического направления»⁶.

Пуркине воспринял прогрессивные требования маевцев — сделать искусство достоянием широких масс, поставить его на службу национальным интересам. В этих вопросах молодой художник разделял взгляды Яна Евангелисты Пуркине-старшего, своего отца, по эстетическим и общественно-политическим позициям близкого кружку маевцев.

Ян Пуркине призывал литераторов — членов «Умелецкой беседы» к созданию национальной теории искусства и эстетики, к выработке национально-самобытных черт художественной выразительности. В 60-е годы он борется за то, чтобы искусство было тесно связано с социальной проблематикой, выдвигает тезис о сближении науки и искусства, предлагая представителям всех областей искусства и науки решать сообща проблемы эстетики. Полнота выразительности художественного творчества, по мнению Яна Пуркине, зависит от того, насколько писатель, музыкант, поэт или художник знаком с основами науки, в какой-то мере соприкасающейся с избранным им видом искусства.

Этим принципам следует Карел Пуркине. Избрав профессию художника, он в то же время интересуется вопросами физиологии и природоведения. Его занимают те же проблемы, которые волновали его отца, но в другом аспекте: не в научно-философском, а в художественно-эстетическом. Материалистические воззрения Пуркине-старшего оказывают свое влияние на художественное творчество его сына, пытавшегося показать сущность природы, ее материальность художественными средствами. Несомненно, например, связь между теоретической работой Яна Пуркине, посвященной исследованию человеческого зрения, как синтетического явления, субъективного восприятия окружающей действительности, и соотношением объективного и субъективного момента в картинах Карела Пуркине.

Воспринимая философские и эстетические принципы Яна Пуркине, молодой художник вместе с тем разделяет и его прогрессивные общественно-политические позиции. Подобно многим другим деятелям культуры эпохи национального Возрождения,

⁵ J. N e r u d a. Sebrané spisy 1859.— «O umění», 1950, s. 44.

⁶ А. П. С о л о вьев а. Борьба Неруды за реалистическую эстетику в чешской литературе 60-х годов XIX века. В сб. «Критический реализм в литературах западных и южных славян». «Наука», 1965, стр. 15.

которые не ограничивались узкопрофессиональной сферой деятельности, были борцами за утверждение идей социального преобразования, Карел Пуркине стремится найти свое место в общественной жизни. Его волнует проблема эстетического воспитания, повышения общего интеллектуального уровня чешского народа.

С 1862 по 1868 г. К. Пуркине сотрудничает в «Народных в листех» и «Политике», а также принимает участие в художественном редактировании журнала «Кветы». За это время им было написано много теоретических работ, и в оценке современников он был не столько художником, сколько теоретиком и критиком. Его критика, как отмечает в своей монографии В. Волавка, исходила из комплексного взгляда на общественную функцию искусства, положение художника в обществе, его профессиональную подготовку и художественное мастерство, его отношение к национальным традициям. Он резко критиковал и высмеивал тех, кто пытался творческое бессилие художника прикрыть грубой тенденциозностью и псевдодемократической направленностью произведений. Он отрицал натурализм как направление изобразительного искусства, справедливо указывая при этом на прогресс фотографии. От художника он требовал, чтобы искусство было целенаправленным, а не создавалось для анонимного заказчика. Особое значение придавал он созданию национальной художественной галереи, этому источнику популяризации и пропаганды искусства, живому хранителю традиций отечественной художественной культуры. Очень современно звучит сейчас его тезис о необходимости объединения творческих усилий художников, работающих в различных жанрах искусства, таких как архитектура, скульптура, живопись.

Творческая деятельность Пуркине протекает в эпоху, когда общий подъем общественно-политической и культурной жизни страны ставит перед прогрессивными деятелями национальной культуры задачу сохранения и развития лучших национальных традиций. Художники демократического направления, такие как Й. Манес, Г. Манес, Й. Навратил, Я. Чермак, К. Пуркине, В. Барвицус и др., обращаются к народной тематике, к фольклору. Широкое отражение в их произведениях получает тема борьбы за национальное освобождение, тема национального патриотизма. Другое дело, что в трактовке разрабатываемых ими тем и образов сказалась некоторая ограниченность, что было обусловлено самой общественно-политической обстановкой и философскими воззрениями того времени. В произведениях литературы и изобразительного искусства отразилось несколько идеализированное представление о чешском народе как о единой нации. Отсюда — черты идеализации, условности и ложного романтизма, от которых, например, не свободно творчество крупнейшего художника того времени Й. Манеса. «Художник видел в народе прежде всего носителя лучших особенностей национального характера, но не активного борца. С этим связаны черты созерцательности и некоторой идеализации патриархального крестьянского быта. Художник передал поэзию, внутреннюю красоту души и жизни, связав это с народной музыкой, сказкой, легендой. Возвышенно-романтической системе Й. Манеса присущи черты абстрактного монументализма, напыщенной патетики, отдельные черты аллегоризма...»⁷

В это же время работает другой замечательный чешский художник Ярослав Чермак (1830—1878), в творчестве которого сказался интерес к национальной истории. Чермак создает образы реальных героических личностей, в противоположность легендарным или мифическим сюжетам, которыми изобиловала историческая живопись того времени. Картины художника написаны на темы народно-освободительных гуситских войн и как бы передают революционный пафос дней 1848 года. Творчество Чермака выросло на той же национальной основе, что и искусство Й. Манеса, но раскрывало другое направление чешского изобразительного искусства, а именно национально-патриотическую проблематику.

Особое место в изобразительном искусстве Чехии XIX в. занимает творчество Й. Навратила, представителя романтического направления. Чешские буржуаз-

⁷ Л. А. Ж а д о в а. Развитие реализма в чешской живописи в 50—60-е годы XIX века. Дис. М., 1954, стр. 153. ¶

ные искусствоведы оценивают Й. Навратила как величайшего основоположника «искусства для искусства». Для его работ характерны красочное богатство и изысканный декоративизм. В пейзажах ощущается некоторая декоративная искусственность, полуфантастическая нереальность, что позволяет буржуазным апологетам «нового искусства» считать его провозвестником формализма XX в. Истинные страсти и переживания художник ищет не в жизни, а в театре. Здесь он находит свои идеалы возвышенного. В небольших, но удивительных по силе воздействия полотнах этого мастера звучит гуманистическая мечта художника о прекрасном человеческом мире, о подлинных идеалах красоты, о большом искусстве, а также протест против суровой и трудной действительности, носящий, однако, артистически-богемный характер.

Автопортрет с палитрой и кистью

Характеристика этих трех художников может дать общее представление о том фоне художественной жизни Чехии, на котором появилась столь своеобразная фигура К. Пуркине. Он был основоположником реалистического портрета в чешском искусстве XIX в. Созданные им портретные характеристики выразительны и глубоки по содержанию. Все средства живописи, используемые художником, служат единой цели — выявить самое характерное в лице человека, выразить его внутренний мир. И этим работы Пуркине отличаются от салонных произведений его современников.

В первых портретных произведениях Пуркине еще сильно сказывается влияние старых мастеров национальной школы живописи. О духовной и творческой близости К. Пуркине с П. Брандлом и К. Шкретой свидетельствуют автопортреты, написанные во время его пребывания в Мюнхене: «Овальный автопортрет» (1855) «Портрет художника с палитрой и кистью» (1856).

Первое произведение представляет собой портрет молодого художника. Его поза и весь характер произведения напоминают нам портреты чешских мастеров П. Брандла и К. Шкреты. Тот же общий темно-коричневый колорит, тот же темный фон, из которого резко выступает освещенное бледное лицо. Пуркине в этом произведении стремился найти наиболее эффективный способ выражения объемности форм. Резкий свето-теневой контраст помогает художнику передать пластичность объемов.

Портрет художника с палитрой и кистью выполнен приблизительно в той же манере. Чувствуется стремление автора учесть национальные традиции чешского барокко. Этот портрет решен в традиционном стиле Брандла, который всегда подчеркивал принадлежность портретируемого к определенному социальному кругу. С помощью мелких атрибутивных дополнений указывалось на род его занятий и звание. В данной работе художник стремился показать свою приверженность к миру искусства, о чем свидетельствуют палитра и кисть. Психологическая сущность человеческого характера раскрыта глубже по сравнению с «Овальным автопортретом». Здесь уже нет той робкой наивности, которая отличает предыдущую работу. В отношении профессионального мастерства это произведение продолжает тенденции, наметившиеся в первом портрете. Здесь художник стремится передать пластичность объемных форм

не только средствами световых контрастов, но и цветовых соотношений, в чем достигает большой художественной выразительности.

«Автопортрет с бородкой» (1857), написанный в Париже, очень своеобразен, выполнен в манере, отличающейся от мюнхенской школы. Стремясь как можно выразительнее передать пластику объемов, художник применяет новую технику живописи. Он заменяет мелкотертые краски пастой, особенно густым слоем накладывая ее там, где по замыслу художника должна быть передана округлость форм. Объемность формы, помимо фактуры живописи, художник стремится подчеркнуть темными линиями контуров.

Найденная форма, новая техника живописи, впервые применяемая К. Пуркине, открывают широкие перспективы для дальнейшего развития чешской живописи. Его произведения действительно самобытны и новы, но в то же время тесно связаны с традициями национального изобразительного искусства.

Бережное отношение к национальным традициям было одним из основных требований прогрессивного крыла чешской интеллигенции 60-х годов. Многие видные деятели чешской культуры, такие как Неруда, Галек и др., выступают в это время за сохранение национального своеобразия и отражение специфики чешской действительности в художественных произведениях независимо от видов и жанров. Отстаивая национальные основы развития чешской культуры, Неруда и другие члены кружка маевцев одновременно выступают против узкой национальной ограниченности, против псевдопатриотической направленности национальной культуры и искусства.

По мнению Неруды и его единомышленников, только общий прогресс общественной мысли, не замкнутой национальными рамками, должен был стать основой для развития отечественной культуры. Неруда стоял за расширение проблематики чешского искусства, за изучение новых направлений, определяющих развитие искусства других народов, которые могли бы содействовать прогрессу чешской художественной культуры.¹

Эти позиции Неруды созвучны творческим поискам К. Пуркине, всегда стремившегося расширить рамки национальной художественной культуры и с этой целью внимательно и глубоко изучавшего мировые достижения прошлого и настоящего в области изобразительного искусства.

В поисках эстетического кредо К. Пуркине обращался к различным художественным направлениям, изучал живопись великих художников Италии, Франции, Германии. При этом следует отметить, что освоение наследия не привело его к эклектическому собиранию разнородных элементов живописи. В творчестве художника они, трансформируясь, сливаются воедино с национальными традициями чешской живописи.

В конце 50-х — начале 60-х годов художник создает большое количество произведений портретного жанра. Это портреты: Эммы и Леопольда Кршикавовых (1858), доктора Станька (1858), Бетты Рейтмаеровой (1858), Барбары и Карла Веснер (1858), портреты семьи Салантай (1858) и семьи резчика Ворлички (1860), портрет жены художника Марии Пуркине (1860) и др. В этих работах еще нет глубокого психологического анализа, но уже чувствуется стремление автора запечатлеть самые общие, наиболее характерные черты человеческой индивидуальности. Образы портретируемых обладают некоторой статичностью, их духовный мир раскрывается художником посредством аксессуарно-объяснительных деталей, указывающих на самый общий характер их интересов. Конкретизация индивидуальных черт образа идет лишь по линии объективно-точной передачи черт лица. Большое внимание в этих произведениях художник уделяет задачам профессионального мастерства, решению композиционных, колористических, цветовых и световых проблем. Здесь сказалась излишняя увлеченность художника творчеством великих мастеров прошлого, что нашло свое выражение в некоторой стилизации, а иногда и непосредственном заимствовании отдельных приемов. Для многих произведений Пуркине периода конца 50-х — начала 60-х годов характерна излишняя затененность фона, некоторая надуманность и пестрота костюмов, напоминающих наряды XVI — XVII вв., излишняя нарочитость и напряженность

поз. Примерами подобной стилизации могут служить портрет Бетты Рейтмаеровой и портрет Марии Пуркине, композиционное решение которых напоминает женские портреты эпохи Ренессанса. Черты стилизации и влияния старых мастеров на творчество К. Пуркине можно отметить и в других его произведениях, таких как семейные портреты Яна Салантая и резчика Ворлички, где ощущается зависимость автора от итальянских мастеров эпохи Ренессанса. Стремясь передать семейную идиллию молодых, богатых и красивых людей, художник, рисуя семейство Салантай, для большей выразительности обращается к традиционным композициям Святого семейства, созданным итальянскими мастерами эпохи Возрождения.

Портрет жены художника

Семейный портрет резчика Ворлички интересен строгостью и четкостью композиционного построения. Одна из основных задач, которую ставит перед собой художник в этом произведении, — решение живописно-профессиональных проблем. А именно, он стремится как можно эффективнее и красочнее передать в живописи разнообразие фактур: блеск шелка, мягкость бархата, тонкость кружева, для чего он одевает портретируемых в условные костюмы XVI — XVII вв. Однако, помимо чисто живописных задач, в этих групповых портретах К. Пуркине стремится разрешить и этически значимые проблемы. По мнению художника, показ человека в кругу семьи помогает глубже раскрыть его личные специфические черты характера. Пуркине считал, что знание психологической сущности изображаемых им людей позволяет ему более верно и правдиво передать индивидуальность человеческого личности в живописи. Поэтому моделью для своих портретных произведений он выбирает родственно-близких или хорошо знакомых ему людей, или обращается к жанру автопортрета.

Пуркине не только психолог. Портрет кузнеца Еха (1861) доказывает способность художника давать не только психологическую или семейно-бытовую, но и социальную характеристику человека. Это монументальное произведение — прежде всего по заключенному в нем идейному содержанию. Художник показал человека нового типа, создал обобщенный образ представителя чешской демократической среды 60-х годов. Чувство острой злободневности отличает портрет Еха от других произведений К. Пуркине. В нем сказалось стремление автора передать исторически-конкретный характер.

Хотя по первоначальному замыслу художника это должен был быть просто семейный портрет, он, независимо от воли художника, становится произведением обобщенного характера. О социальной направленности этого произведения говорит уже само название, данное картине, — «Кузнец, занимающийся политикой». В этом произведении Пуркине поднимается до понимания нерудовского принципа социальной насыщенности искусства и принципа типического обобщения, выдвинутого Нерудой в 50—60-х годах. «Если мы выбираем из класса определенную личность в качестве героя романа или новеллы, то мы должны ее так охарактеризовать, чтобы она, воплощая особенности своего класса, вместе с тем представляла собой нечто индивидуальное, обусловленное особенностями характера и обстоятельств»⁸.

Однако нельзя ставить знака равенства между принципами, высказанными Нерудой, и идейно-эстетическим содержанием творчества К. Пуркине. В данном случае

⁸ J. N e r u d a. Andrej Černyšev (1875). В кн. «Literatura», t. II, s. 209.

нельзя говорить о какой-то преемственности или влиянии. Та общность взглядов и творческих принципов, которую можно наблюдать в творчестве К. Пуркине и высказываниях Неруды, была продиктована самой жизнью, исторической обстановкой Чехии тех лет, что приводило к единому пониманию целей и задач, стоящих перед искусством и художественным творчеством.

Особое место в творчестве художника занимают шесть эскизных полотен, в которых Пуркине запечатлел шествие героев шекспировских пьес. Следует отметить, что в 60-е годы в Чехии постановка и издание шекспировских пьес получают особенно широкое распространение. Их драматизм, пафос борьбы против бездны мирового зла, борьбы за идеалы справедливости, свободы и высшего человеческого совершенства становятся особенно близкими революционно настроенной чешской интеллигенции. Поэтому с особым подъемом в 1864 г. отмечается 300-летний юбилей английского драматурга. Шествие героев Шекспира, организованное обществом «Умелая беседа» в пражском Временном театре, было общественной манифестацией, сыгравшей определенную положительную роль в развитии и формировании национальной художественной культуры Чехии в 60—70-х годах.

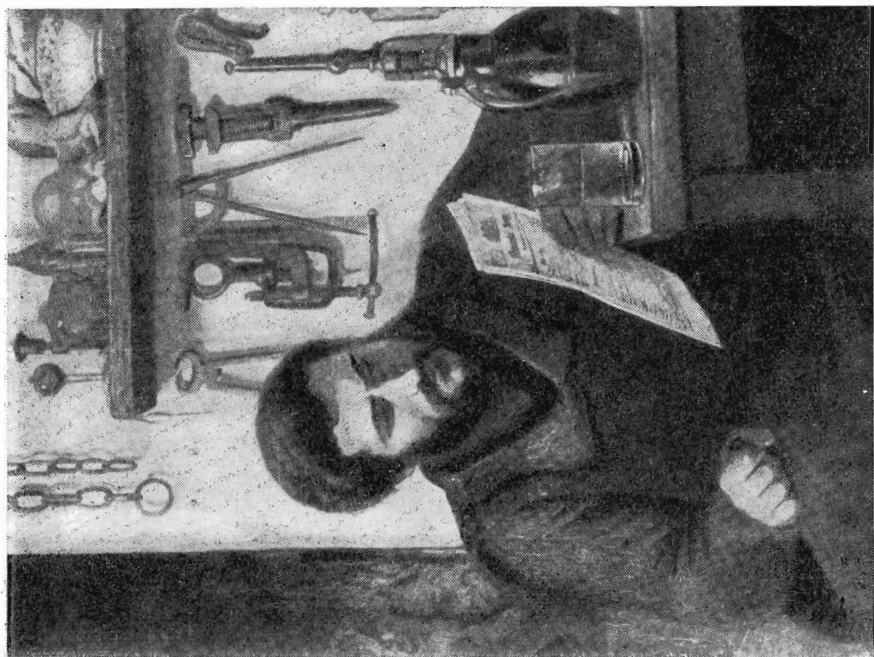
К. Пуркине деятельно участвует в праздновании юбилея. Он создает эскизы отдельных театральных костюмов и красочные композиции процессии шекспировских героев. В этих произведениях художника заключены основные тенденции его творчества: активный интерес к общественной и культурной жизни страны, стремление в художественных образах воплотить наиболее интересные и яркие в психологическом отношении человеческие характеры и решить профессиональные задачи художественного мастерства. Обращение к шекспировским образам не случайно: помимо самодевушеческого интереса к ним, здесь сказалось стремление Пуркине подчеркнуть глубину и значимость человеческой личности, что в эпоху чешского национального Возрождения приобретало особенно актуальное звучание. Поэтому трудно согласиться с мнением В. Волавки, что работа художника над шекспировскими образами — «это уход из действительности в мир сказки, литературы, театра»⁹.

В последние годы жизни (1863—1868) К. Пуркине создает ряд значительных портретов: актрисы Эмлии Бубенчиковой (1865), Иозефа Вензига (1867), групповой портрет детей художника (1867—1868), и последняя незаконченная работа — автопортрет К. Пуркине (1868), написанный незадолго до смерти. Все эти произведения отличаются глубиной содержания и совершенством художественного мастерства. В них художнику удалось значительно тоньше, богаче и разнообразнее передать психологическую характеристику изображаемых лиц по сравнению с портретными произведениями предшествующего периода. Пуркине уже не интересуют внешние живописные эффекты и колористические задачи. Портреты, написанные в этот период, не так пестры и ярки по цвету, как произведения того же жанра, написанные в конце 50-х — начале 60-х годов; они отличаются необыкновенной зрелостью и продуманностью трактовки образов и тщательностью исполнения. Интересен и значителен портрет Иозефа Вензига¹⁰ — первого председателя общества «Умелая беседа». Портрет несет в себе черты монументальности. Он прост по композиции, строг по выразительным средствам, лишен мелкой детализации. Художнику удалось создать собирательный образ мыслителя и национального общественного деятеля.

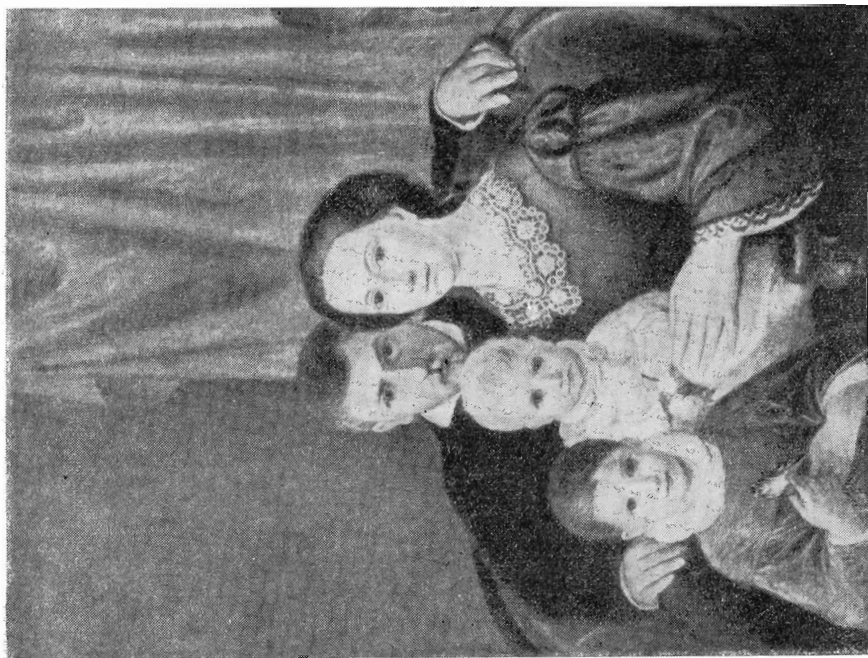
Интересен портрет актрисы Бубенчиковой. В этом произведении зритель уже не найдет той красочной фантастичной стилизации, которая отличает женские портреты этого мастера, написанные в предшествующие годы. Все внимание художник сосредоточивает на раскрытии духовного мира актрисы. Портрет женщины дан в профиль, что позволяет художнику показать наиболее характерные, внешне не обладающие эффектной красотой черты. Ее чуть запавшие, слегка затененные глаза передают глубину и незаурядность натуры, много переживавшей и пережившей. Спокойная естественная поза, простота костюма, сдержанная гамма красок — все это подчинено еди-

⁹ V. V o l a v k a. K. Purkyně. Praha, 1942, s. 91.

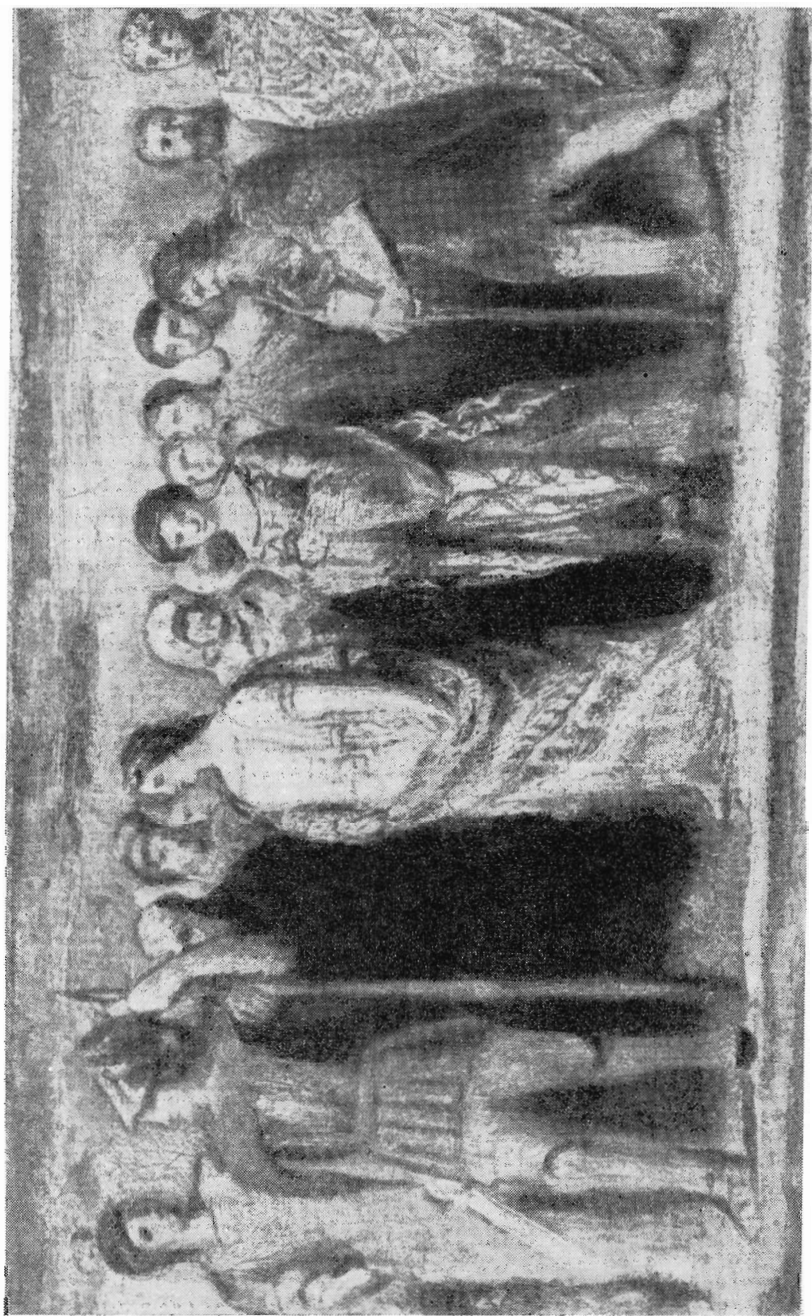
¹⁰ Автор либретто оперы Б. Сметаны «Далибор».

Портрет кузнеца Еха

Портрет резчика Ворачки и его жены

Шестие герои шекспировских пьес (деталь)

Портрет актрисы Э. Бубенчиковой

Портрет Иозефа Бензига

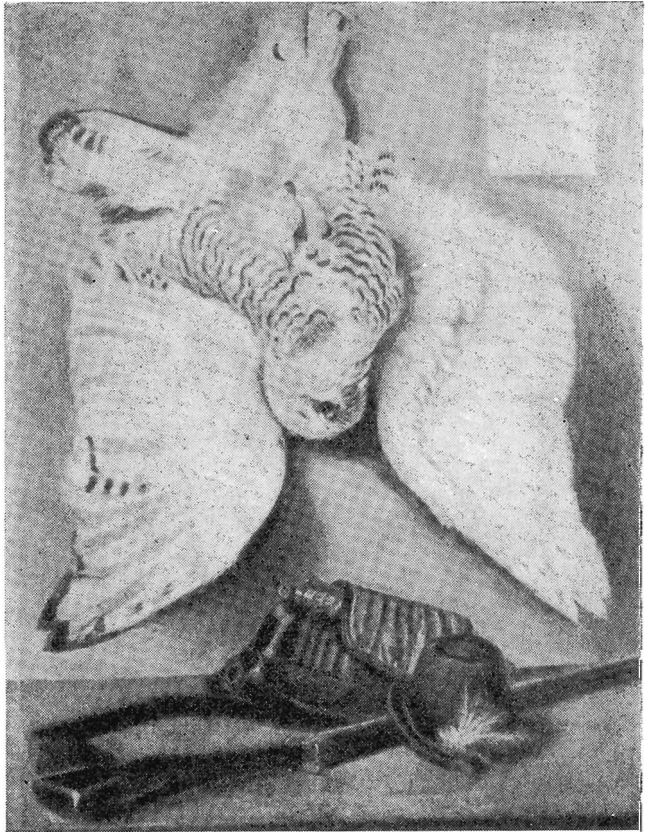
*Портрет детей
художника*

ному стремлению художника — показать главное, акцентировать внимание на лице актрисы, на выражении ее глаз, раскрыть глубину ее характера.

С особой силой талант художника нашел свое выражение в последней автобиографической работе К. Пуркине, в групповом портрете его детей. Картина незакончена, но по силе выразительности, глубокому мастерству она занимает одно из центральных мест в изобразительном творчестве художника. Портрет написан в мягкой светлой гамме розовых полутонов, что необыкновенно гармонично сочетается с удивительно милыми, грустно-красивыми лицами детей. Всю силу психологической выразительности художник сосредоточил в глазах, в которых зритель прочтет немой вопрос, невысказанные раздумья и какую-то обреченность. Наивная красота лиц и совсем недетское их выражение придают картине настроение трагической напряженности.

Особое место в творчестве художника занимает его последняя предсмертная работа — автопортрет, где автор, как справедливо указывает Л. Жадова, вплотную подошел к проблеме раскрытия психологического мира человека в его внутренних противоречиях. Все внимание художник сосредоточивает на лице. Плечи лишь слегка намечены и исчезают в темном глубоком пространстве фона. Само пространство портрета перестает быть нейтральным фоном и становится важным компонентом эмоционально-психологического портретного образа. Перед зрителем возникает благородный образ человека, познавшего горечь утрат и разочарований.

Особо следует сказать о натюрмортах Пуркине, где впервые в отличие от своих современников и предшественников, предпочитавших вымышленную красоту полной красоте жизни, он стремился передать богатство и многообразие природы. В произведениях «Фазаны», «Натюрморт с луком», «Снежная сова» и др. автор стремится показать живую красоту вещей и явлений, их естественную сущность. Прозорливый взгляд художника для их выражения ищет наиболее эффективные художественные средства. Его натюрморты просты по композиции, лишены показной декоратив-

Натюрморт «Снежная сова»

ности и не привлекают внимания богатством и яркостью красок — чувство сдержанности и лаконизма отличают произведения этого жанра. Спокойная неяркая гамма цветов и только один или два предмета, изображенные на картине. Но этих скудных средств художнику вполне достаточно, чтобы создать высокохудожественное произведение. В своих натюрмортах он выступает как смелый экспериментатор, смешивая, казалось бы, взаимоисключающие друг друга манеры письма, а именно тонкую, гладкую технику старых мастеров и новую рельефную живопись, что позволяет ему акцентировать внимание на тех моментах картины, которые он считает наиболее значимыми.

В том, как художник показывает окружающие его жизненные явления, выражено его отношение и к жизни, и к искусству. Прекрасное для него — это сама жизнь, во всех ее сложных и многообразных проявлениях. Большие и малые приметы новой жизни стали для Пуркине повседневным материалом, питающим его искусство.

До Пуркине такие жанры, как портрет и натюрморт, считались в Чехии искусством неполноценным, искусством второго сорта. Художник сумел дать новое направление этим видам искусства. Его портретные произведения — это не просто реликвия почитания предков, но художественные произведения, раскрывающие психологическую сущность человека. Портреты, созданные кистью этого мастера, — энциклопедия человеческих характеров. Он сумел показать в частном — общее, типическое, так же как в натюрмортах показал материальную сущность природы.

Все эти черты свидетельствуют о формировании художника нового типа, который в своем творчестве выразил новое понимание задач искусства, показав глубину психологической трактовки человеческого характера. Этим сегодня определяется значение художественного наследия К. Пуркине.

В. Д. КОРОЛЮК

Е. Н. ГОЛЯХОВСКИЙ — ИЛЛЮСТРАТОР ЧЕШСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Известный мастер советской книжной и станковой графики Евгений Николаевич Голяховский обратился к чешской и словацкой литературе в пору своей творческой зрелости, будучи уже широко признанным и популярным художником книги. В 1960 г., когда вышел в свет иллюстрированный им сборник избранных произведений К. Г. Махи¹, ему было уже 58 лет. Давно уже прошли годы беспокойных творческих поисков, мимолетного увлечения аналитическим искусством В. А. Фаворского и покоряющего влияния эмоционально насыщенной романтической ксилографии А. И. Кравченко. Полученные в мастерской Кравченко сильные творческие импульсы, успешно гармонирующие с темпераментом и образным строем мышления самого Евгения Николаевича, помогли ему выработать в дальнейшем свой самостоятельный творческий почерк, свой метод художественного осмысления действительности. Слова А. А. Сидорова, «что Е. Н. Голяховского ни к какой уже известной „школе“ причислить нельзя и что именно в этом заключается его главная особенность»², сказанные в 1965 г., вполне отвечают творческому облику художника и в конце 50-х годов.

По счастливому совпадению обстоятельств обращению художника к произведениям чешской и словацкой литературы предшествовала его поездка в Чехословакию, из которой он вынес массу ярких зрительных впечатлений, частично отразившихся в многочисленных зарисовках карандашом и тушью. В Чехословакии внимание Е. Н. Голяховского как художника привлекала не только старинная городская и замковая архитектура, своеобразный, поэтический мир узких улочек с нависающими над ними островерхими зданиями. Кстати говоря, по мотивам пражских улочек был им выполнен великолепный книжный знак для одного из старейших чешских графиков Я. Водражки (рис. 1). Столь же сильное впечатление произвел на художника и холмистый чешский пейзаж,³ и величавый пейзаж горной Словакии.

Чрезвычайно показателен и интересен метод иллюстрирования художественных произведений, примененный Е. Н. Голяховским при работе над сочинениями К. Г. Махи. Художник вовсе не стремится к тому, чтобы нарезанные им гравюры прямо объясняли изобразительными средствами те или иные ситуации, описываемые в иллюстрируемом сборнике. Он ставит перед собой совершенно иную задачу.

Сборник произведений К. Г. Махи открывается великолепно выполненным портретом поэта (рис. 2). Романтически беспокойный, пылкий характер поэта подчеркивается не только экспрессией порою артистически небрежно брошенных, плотных и тонких черных штрихов, моделирующих образ, но и изображением месяца и звезды, помещенных в черном углу гравюры.

¹ К. Г. Маха. Избранное. Пер. с чешского. М., 1960.

² А. А. Сидорова. Мастер гравюры Евгений Голяховский. В кн. «Евгений Голяховский. Гравюра, книжное оформление, графика, эстамп, акварель. Каталог выставки». 1965, стр. 6.

Рис. 1

Все остальные гравюры сборника, предваряющие его части, играют как бы роль эпитафий к ним или символизируют кульминационные по интонации строки произведения.

Далек мой путь....
И тщетно я зову!

Такой эпитафия поместил перед поэмой «Май» Маха. Построенная на остром сопоставлении белого и черного, гравюра Е. Н. Голяховского выполняет роль как бы образного эпитафия к поэме (рис. 3). Романтическая взволнованность образа достигается здесь контрастом намеченной только беглым штрихом головы девушки и черной громады замка в холмах. Полная луна и лунная дорожка на воде усиливают контрастную напряженность композиции.

С помощью того же контраста черных и белых масс в сочетании с беспокойным, как бы мятущимся, черным штрихом решена и другая гравюра сборника (рис. 4), изображающая воздевшего меч к небу поэта. Эта гравюра, помещенная перед разделом «Разные стихотворения», играет роль изобразительного символа к патристическому возгласу Махи:

Арфа — прочь! Сожму в руке я
только меч стальной разящий!
Исцелим, друзья, скорее
раны родины скорбящей!

Аналогичную роль своеобразного изобразительного эпитафия играет и гравюра, помещенная в сборнике перед «Возвращением» (рис. 5). Общей взволнованной интонацией сборника, романтистическому, порою даже лиристическому с известным налетом сентиментализма образному строю произведений К. Г. Махи удачно вторит превосход-

Рис. 2

Рис. 6

ная гравюра с сидящей в кресле женской фигурой (рис. 6), к сожалению не вошедшая в рассматриваемый сборник.

В отличие от увлеченного Байроном и ранними польскими романтиками, творившего под впечатлением революционных событий 1830 г. в преддверии «Весны народов» Карла Гинека Махи (1810—1836), Павол Орсак (1849—1921), писавший под псевдонимом Гведослава, был представителем словацкой реалистической литературы. Поэзия Гведослава, борца за национальное освобождение своего народа, проникнута не только патриотическими, но и публицистическими острыми социальными мотивами. Ей свойствен высокий гражданский пафос.

Прикнижные ксилографии, выполненные Е. Н. Голяховским к сборнику стихов Гведослава³, нарезаны с тем же большим искусством (за исключением несколько заваленного портрета Гведослава), что и гравюры к «Избранному» Махи. Более того, можно сказать, что они выполнены в том же романтическом или даже лирическом ключе. Именно поэтому, очевидно, гравюры к стихам Гведослава посвящены прежде всего словацкому пейзажу. Поэтому же они чаще характеризуют место действия, чем общую идейную нагрузку поэзии Гведослава, ее гражданский пафос. Исключение составляет, пожалуй, образ словацкой деревни, которую обступили со всех сторон могучие горы (рис. 7), образ, предваряющий раздел сборника «Поэтические первоцветы» (1868) и прекрасно гармонирующий со следующими кульминационными поэтическими строками раздела:

В яркой долине деревня моя
синих утесов короной объята.

Столь же удачно гармонирует с общим настроением раздела и гравюра к «Весенним прогулкам» (рис. 8).

Зато выполненная с подлинным артистизмом великолепная гравюра к «Кровавым сонетам» (1914), где главным символом войны является искалеченное артиллерийским огнем старое сучковатое дерево, с помощью идеально выбранных белых штрихов, полос и пятен очень красиво моделированное на черном фоне, с маленькими фигур-

³ П. О. Гведослав. Стихи. Пер. со словацкого. М., 1961.

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

ками бегущих солдат вдали (рис. 9), несмотря на все свои художественные удачи, как и ряд других гравюр сборника, относительно слабо увязана с главной темой — с гневными, обличительными стихами поэта, обращенными к власти имущим, к духовенству:

В тебе нет христианства ни на грош,
в тебе — все фальшь. Какие там сравненья:
что там вандалов, гуннов прегрешенья,—
ты всех убийц в злодействе превзойдешь!

Или с его страстным призывом к миру:

Приди, приди на землю мир желанный,
оливковую веткою своей
кровавое безумие развей,
стань силой нашей, разумом, охраной.

Итак, сравнение творческого подхода Е. Н. Голяховского к оформлению произведений К. Г. Махи и Гвездослава свидетельствует, что гравюры к «Избранному» Махи при равном для обоих циклов техническом мастерстве более точно соответствуют общему характеру, общему интонационному строю иллюстрируемого издания, полнее отражают его идейный и поэтический накал. И это, по-видимому, не является случайностью. Романтическое, с сильными байроническими мотивами, лирически взволнованное творчество Махи ближе, роднее темпераменту и образному видению советского художника.

И. САВИЦКИЙ

НОВАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ В ПРАГЕ

(О СУДЬБЕ КНИЖНОГО СОБРАНИЯ А. Ф. СМЕРДИНА)

«В 1929 году в ленинградской вечерней „Красной газете“ промелькнула заметка, сообщающая о нахождении в Латвии библиотеки Смирдина. По-видимому, речь шла о книгах, попавших в личное собрание Киммеля. Дальнейшая судьба их неизвестна. Так закончила свое существование славнейшая библиотека, начатая собирателем Василием Плавильщиковым...»¹

В этих словах все почти — недоразумение. Библиотека Смирдина попала в Ригу в 1879 г. Новый ее владелец — Киммель — предпринял необходимые шаги для выгодной ее распродажи в розницу: издал каталоги имеющихся у него книг из библиотеки Смирдина по литературе и гуманитарным наукам. Опытный книготорговец правильно рассчитал, что книги по естественным наукам и технике, к тому времени уже безнадежно устаревшие, не найдут сбыта и не окупят затрат на составление и издание каталогов. Таким образом с выходом в свет Киммелевских каталогов библиотека Смирдина как бы распалась на две части: одна, представляющая значительный общеисторический и историко-литературный интерес, была активно брошена на рынок; вторая, которая могла заинтересовать только немногих специалистов по истории науки или книжного дела в целом, лежала, видимо, без движения в складах. Торговля шла бойко, и основная часть библиотеки была распродана. К 1929 г. представители фирмы решили, что надо разгрузить склады. Остаток библиотеки был предложен продаже как целое. Видимо, в связи с этим предложением и появилось сообщение в ленинградской газете.

Пражская Славянская библиотека заинтересовалась возможностью приобретения смирдинских фондов. После довольно продолжительных переговоров на помощь библиотеке пришел Славянский институт в Праге, ассигновавший на покупку дополнительно несколько десятков тысяч крон, — фонды были приобретены в 1932 г. и доставлены в Прагу. Об этом приобретении Славянская библиотека сообщала в двух своих годовых отчетах, за 1932 и 1933 гг., т. е. в год приобретения и в год окончания инвентаризации всего поступившего фонда. Отчеты были опубликованы в «Ежегоднике Славянского института» в 1935 г. Там была дана и общая характеристика поступления. Отмечая исключительную ценность библиотеки Смирдина, авторы отчета писали: «Часть книг была за истекшие годы потеряна, часть продана (рукописи, церковнославянские книги, первые издания классиков, библиографические редкости), но и в настоящем виде сохранявшаяся часть библиотеки является исключительно ценным собранием не только по количеству, исключительно за пределами России, но и по своему содержанию, позволяющему сделать обзор важного периода русской культуры... Из библиотеки Смирдина в основной фонд Славянской библиотеки вошло 11 262 единицы, в обменный выделена 5741 единица дублетов (в том числе 647 дефектных). Славянская библиотека старается улучшить это ценное собрание путем включения отсутствующих книг,

¹ Н. Смирнов-Сокольский. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 1957, стр. 55.

полученных ею уже ранее из других источников, а по возможности и новыми покупками и поступлениями от обмена»².

Полученные книги были расставлены по номерам печатного каталога Смирдина и четырех прибавлений и инвентаризованы. Но описаны они еще не были и у авторов отчета не было достаточно ясного представления о ценности фонда. К тому же было неясно, сколько книг из существующего фонда библиотеки можно будет включить в реконструируемую библиотеку Смирдина. Оказалось, что более 500 книг из этого собрания не входило в библиотеку Смирдина и не было учтено в печатных каталогах. Это были книги и брошюры 50 — 60-х годов, которые из разных источников позже попали к Киммелю и залежались у него. Среди книг библиотеки Смирдина попадались и книги из библиотек, иногда органически с фондами Смирдина не сливавшихся: Ольхина, Овсянникова, Черкесова. Из основной библиотеки Смирдина — Крашениникова поступило менее 10 тыс. единиц, тогда как печатные каталоги учитывали 18 364 номера. Итак, в Славянскую библиотеку поступило менее десятой части книжных богатств Смирдина и его продолжателей.

Нам кажется целесообразным раскрыть характер поступившего фонда путем сравнения первого печатного каталога Смирдина (1828 г.) с поступлением из Риги. Сравнение мы проведем по следующим отделам: История Российская, Медицина, Домоводство, Словесность, Периодические сочинения.

Из отдела русской истории поступило 140 названий — в печатном каталоге 605 названий. Сверх того, многотомные издания дошли в неполном виде. Например, из четырех частей «Истории» Татищева получены две части, из «Российской истории» Эмпиа одна часть из трех, из «Исторического описания российской коммерции...» Чулкова — пять частей из 21 и т. д. Переиздания в каталоге Смирдина давались под одним номером. За редчайшими исключениями в Славянскую библиотеку поступало только одно из изданий, как правило, последнее, иногда даже не попавшее уже в каталог Смирдина.

Совсем другая картина получается, когда мы рассматриваем отделы медицины и домоводства. В печатном каталоге 650 номеров, а в 1932 г. поступило 468 номеров. Несравненно лучше, по сравнению с историческим отделом, и комплектность поступивших трудов. Более того, именно в этих отделах находятся почти все работы, которые поступили в нескольких изданиях. Достаточно сказать, что на эти два отдела падает более 900 инвентаризованных единиц, или почти десятая часть поступления, тогда как по количеству номеров в печатных каталогах они составляют 3,5%. На этом можно было бы, пожалуй, и закончить. История поступившего фонда уже выявляется с полной наглядностью. Это остаток библиотеки Смирдина, который не удалось продать или из-за тематики книг, или из-за их состояния — разрозненные, иногда дефектные экземпляры. Все ценное, по крайней мере с точки зрения собирателей конца прошлого века, из нее уже извлечено. Для интереса рассмотрим еще словесность. Вот романы и повести оригинальные. В каталоге 122 номера — поступил 21 номер. Не лучше обстоит дело с поэзией: учтено 82 единицы, а получено 13. Среди авторов — Семен Бобров, Марья Болотникова, Николай Грамматин, Алексей де Лу, Державин (но издания 1834 и 1845 гг.), Дмитриев, Жуковский (опять более новые издания), Кугушев, Склабовский, Сушков, Федоров.

Очень бедно представлены «периодические сочинения»: отдельные номера «Журнала новостей на 1805» Лудовика фон Ронка, «Московского курьера» Львова, «Русского вестника» Глинки, «Улья» Анастасевича, «Демокрита» Крошотова, «Журнала имп. человеколюбивого общества», «Сибирского вестника» и «Трудов Вольного общества любителей российской словесности», и совсем уже разрозненные экземпляры московских и санкт-петербургских ведомостей, «Вестника Европы» и т. д.

Таков был характер фонда, приобретенного в 1932 г. Славянской библиотекой. Все эти книги вошли в фонд ее «См». В течение десятка лет библиотека прилагала

² «Ročenka Slovanského ústavu». Svazek V—VII za tříletí 1932—1934. Praha, 1935, s. 376.

все усилия для восстановления фондов первоначальной библиотеки Смирдина по печатному каталогу. Были достигнуты ощутимые результаты, особенно в пополнении отделов периодики и истории.

К сожалению, заметная часть поступлений из других источников дублирует поступления из Риги. Так как фонд не был еще описан, то дублиеты не выделялись. Поступило 12 названий русских романов и повестей, 12 собраний сочинений одного автора. Это несколько меньше, чем поступления из Киммелевских складов, но качество несравненно выше. Тут и Рылеев и Капнист, были приобретены и ранние издания Пушкина, по они вошли в собиравшийся в то время в библиотеке особый отдел «Пушкиниана». Зато, как и следовало ожидать, отделы медицины, домоводства и т. п. почти не пополнялись. В результате же после включения в фонд «См» всего, что уже раньше имелось в фондах Славянской библиотеки, и того, что было приобретено в довоенные годы, полнота фонда по количеству названий приблизилась к трети, ценность его, особенно в отношении литературы и общественных наук, возросла значительно. Но началась война, оккупация Чехословакии фашистами прервала нормальную работу библиотеки. К счастью, гитлеровцы не разбазарили созданных фондов, но о пополнении их не приходилось и думать. После войны работа библиотеки возобновилась, но из библиотеки министерства иностранных дел, которое обеспечивало возможность закупок на десятках зарубежных букинистических рынков, она на время превратилась в отделение Университетской библиотеки. Международные связи за истекшие годы были нарушены, валютные фонды ограничены.

Работа по восстановлению библиотеки Смирдина возобновилась только в 1966 г. и продолжается в настоящее время. Одновременно библиотека предприняла шаги для дальнейшей популяризации фонда «См».

Несколько слов в заключение. Библиотека Смирдина на девять десятых была распродана в розницу позднейшими владельцами, не понимавшими ценности полученного ими фонда как целого. Незначительный остаток библиотеки был куплен Славянской библиотекой в Праге. Энтузиасты русской книги, работавшие в этом крупнейшем чехословацком книгохранилище, с огромной энергией и настойчивостью при широкой поддержке МИД Чехословакии старались реконструировать ценный фонд. Это не удалось. Однако фонд «См» все же превратился в весомое, научно-значимое собрание русской книги XVIII — начала XIX в. и с 1935 г., после более чем полувекового перерыва, снова служит читателям — десяткам научных работников Чехословакии и ряда других стран, которые приезжают работать в Славянскую библиотеку.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ БОЛГАРИИ
В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ БОЛГАРСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
(1944—1966)

Социалистическая революция в Болгарии, начало которой положило победоносное народное восстание 9 сентября 1944 г., привела к коренным преобразованиям в социально-экономическом строе и общественно-политической жизни страны. Произошли огромные сдвиги также в духовном развитии болгарского народа. Марксистско-ленинская идеология одержала решительную победу над старой буржуазной идеологией, превратилась в идеологию всего народа. В этом неоценимую роль сыграли общественные науки, в том числе историческая наука.

За более чем двадцатилетний период в Народной Республике Болгарии выросли многочисленные кадры квалифицированных исследователей, которые пополнили ряды старых историков-марксистов. Подавляющее большинство тех ученых, которые ранее не стояли на позициях марксизма-ленинизма, сумело перестроиться в идейно-теоретическом отношении. В болгарской исторической науке полную победу одержала марксистско-ленинская методология.

В первые же годы своего существования народно-демократическая власть предприняла энергичные меры по организации и расширению научно-исследовательской работы в области истории. В 1950 г. в рамках Болгарской академии наук был создан Институт болгарской истории, с 1960 г. преобразованный в Институт истории. В 1953 г. возник Институт истории БКП при ЦК БКП. Значительно расширился историко-филологический факультет Софийского университета (позже преобразованный в философско-исторический). Исторические кафедры были созданы и в Высшей партийной школе им. Станке Димитрова. При Министерстве народной обороны, Центральном совете профессиональных союзов и ряде музеев возникли центры и группы по изучению отдельных исторических проблем. Наконец, в 1963 г. в системе Болгарской академии наук был основан Институт балканистики, перед которым поставлена

задача решения узловых проблем истории и культуры балканских народов, связей и совместной борьбы болгарского и других балканских народов.

Существенно расширилась источниковедческая база. В 1951 г. Совет Министров принял постановление о создании Государственного архивного фонда Народной Республики Болгарии. Большая работа была проделана по выявлению, систематизации и классификации, а также публикации исторических материалов. Особенно много таких материалов сосредоточено в созданных за последние 10—15 лет Центральном государственном историческом архиве, Центральном государственном архиве Народной Республики Болгарии, Центральном архиве ЦК БКП, Военно-историческом архиве, Архиве Министерства внутренних дел, Архиве Музея революционного движения в Софии, в окружных государственных и партийных архивах.

С каждым годом расширялась и укреплялась сеть периодических и непериодических исторических изданий. Уже в конце 1944 г. вышел первый номер журнала «Исторически преглед» (орган Болгарского исторического общества¹), вокруг которого сплотились виднейшие деятели болгарской марксистской исторической науки. В состав его редколлегии вошли Д. Косев, Ж. Натан, А. Бурмов, Т. Влахов, Х. Христов, Х. Гандев, В. Хаджиниколов и др. Начав свою деятельность как издание, занимавшееся преимущественно пропагандой исторических знаний, журнал постепенно превратился в ведущий орган болгарской марксистской исторической науки. В 1949 г. возобновилось издание исторической серии «Годишник на философско-историческия факултет при Софийския държавен университет», появились «Известия на института за история при БАН», «Известия на Института по история на БКП при ЦК на БКП», «Из-

¹ С 1953 г. журнал стал печатным органом Института истории БАН.

вестия на Висшата партийна школа „Станке Димитров“ при ЦК на БКП», «Военно-исторически сборник», периодические издания ряда других институтов и архивов. С 1964 г. выходит «Études balkaniques» — научный орган Института балканистики.

Большое значение для развития болгарской марксистской историографии нового и новейшего времени имеет богатое литературное наследие Г. Димитрова. В 1951—1955 гг. в Болгарии было издано 14-томное собрание трудов Г. Димитрова, включающее его основные речи, доклады и статьи². В 1962 г. появился сборник неопубликованных писем Г. Димитрова³. Огромный революционный опыт и широкий теоретический кругозор позволили Г. Димитрову творчески развить ряд положений марксистско-ленинской теории, осветить многие проблемы болгарской истории, истории международного рабочего движения. Работы Г. Димитрова представляют собой пример творческого применения марксистско-ленинизма в конкретных условиях классовой борьбы в Болгарии. Г. Димитров, в частности, обосновал тактику единого фронта, раскрыл классовую сущность фашизма. Большую ценность для историков представляют его произведения периода 1944—1949 гг., в которых нашла свое отражение борьба БКП за укрепление народно-демократического строя в Болгарии, за ее экономическое и культурное развитие по пути социализма. Документом выдающегося значения является доклад Г. Димитрова на V съезде БКП (декабрь 1948 г.), в котором был сделан глубокий теоретический анализ и обобщение героического пути, пройденного партией и болгарским народом в многолетней борьбе против капиталистической эксплуатации и фашистского гнета. В этом докладе были раскрыты сущность и характер народного восстания 9 сентября 1944 г., дана марксистско-ленинская характеристика режима народной демократии, оценка роли и перспектив развития народно-демократического государства.

Важное значение для болгарской марксистской историографии имеет также литературное наследие другого выдающегося деятеля болгарского и международного рабочего движения — В. Коларова. В 1954—1955 гг. в Софии были изданы его избранные произведения в трех томах⁴, включающие труды,

написанные с 1903 по 1950 г., в том числе по истории болгарского и международного рабочего движения и важнейшим проблемам новой и новейшей истории Болгарии. В трудах В. Коларова глубоко разработаны вопросы становления, развития и сущности болгарского капитализма, международного и болгарского рабочего и коммунистического движения, влияния Великой Октябрьской социалистической революции на Болгарию, вопросы союза рабочего класса и трудового крестьянства, сплочения демократических сил страны в борьбе против фашизма, проблемы общих закономерностей и специфических особенностей строительства социализма в стране. Особое значение имеют труды В. Коларова по аграрно-экономическим вопросам.

В развитии болгарской историографии новой и новейшей истории, так же как и в развитии всей болгарской исторической науки после 9 сентября 1944 г., можно выделить три основных этапа. Первый охватывает период утверждения и укрепления народно-демократической власти. В это время кадры историков-марксистов были сравнительно немногочисленны и их усилия были направлены на переосмысление с марксистских позиций традиционных тем предвоенной буржуазной историографии, вопросов происхождения болгарского народа, проблем социально-экономического развития и классовой борьбы в средневековой Болгарии, классовой борьбы и идейных течений в период Возрождения, а также отдельных сторон социально-экономического развития Болгарии в период капитализма. Проблемы же новейшей истории почти не разрабатывались.

Важную роль в определении основных направлений дальнейшего развития болгарской исторической науки сыграла дискуссия историков в 1948 г. В ходе ее выявилось отставание в разработке проблем новой и новейшей истории Болгарии, недостаточно наступательный характер борьбы прогрессивных болгарских историков за очищение болгарской историографии от фашистских и шовинистических извращений и фальсификаций, элементы буржуазного формализма и объективизма в трудах некоторых историков-марксистов. Примером живучести реакционных взглядов может служить книга Д. Казасова⁵, подвергнутая резкой критике в болгарских периодических изданиях⁶.

Октомврийската революция, Съветския съюз и българо-съветската дружба. София, 1949 и др.

⁵ Д. Казасов. Бурни години 1918—1944. София, 1949.

⁶ См., напр., рецензию Д. Косева в «Исторически преглед», 1950—1951,

² Г. Димитров. Съчинения, т. 1—14. София, 1951—1955.

³ Г. Димитров. Писма 1905—1949. София, 1962.

⁴ В. Коларов. Избрани произведения. Т. I—III. София, 1954—1955. См. также сборники: Е го ж е. Против хитлеризма и неговите български слуги. София, 1947; е го ж е. За

Определяющую роль в дальнейшем развитии болгарской исторической науки сыграл состоявшийся в декабре 1948 г. V съезд Болгарской коммунистической партии, который разработал генеральную линию построения экономических и культурных основ социализма в стране. Съезд привлек внимание болгарских историков к важнейшим вопросам исторического прошлого страны и к борьбе с буржуазным объективизмом и влиянием буржуазной идеологии в области исторической науки.

Второй этап в развитии исторической науки народно-демократической Болгарии определяется рамками десятилетия 1949—1958 гг., на протяжении которого были построены основы социализма в стране. В этот период болгарские историки сделали значительный шаг вперед в овладении марксистско-ленинской методологией, в расширении тематики научных исследований. Появился ряд серьезных исторических монографий, были созданы коллективные обобщающие труды⁷, учебники по истории для средних учебных заведений. Шире стали разрабатываться проблемы новой и новейшей истории, истории рабочего движения и БКП. Вместе с тем в этот период отрицательное воздействие на развитие исторической науки оказали ошибочные взгляды и методы, связанные с провозглашением непогрешимости высказываний И. В. Сталина, а затем и В. Червенкова, по любым идеологическим и историческим вопросам. Как отмечают болгарские историки, это сковывало творческую мысль ученых, вело к схематизму, и конъюнктурщине. Преодолению этих недостатков положили начало XX съезд КПСС и апрельский Пленум ЦК БКП (1956 г.), восстановившие ленинские нормы партийной жизни и государственной деятельности.

После апрельского Пленума ЦК и VII съезда БКП (июнь 1958 г.) начался новый, третий этап в развитии болгарской исторической науки. В научно-исследовательской работе болгарских историков наметился значительный подъем. Появились работы, раскрывающие существо марксистско-ленинского учения об историческом процессе и о роли народных масс в истории, труды по методологии и философии истории, исследования,

посвященные вопросам народно-демократической революции и социалистического строительства. Больше внимания болгарские историки стали уделять исследованию интернационалистских традиций болгарского рабочего класса, революционных и иных связей болгарского народа с народами СССР и других стран.

В январе 1964 г. в Софии было проведено национальное совещание болгарских историков. В докладе акад. Д. Косева о состоянии и задачах болгарской исторической науки⁸ и в выступлениях участников совещания были подведены итоги научных исследований за 20 лет народной власти и особенно за период после 1948 г. В центре внимания участников совещания стояли вопросы марксистско-ленинской идеологии и методологии исторической науки. Совещание обратило, в частности, серьезное внимание на вред, причиненный болгарской исторической науке культом личности.

Летом 1964 г. возобновилась деятельность Болгарского исторического общества. В окружных центрах страны были созданы его местные отделения, развернувшие активную деятельность. Уже к началу 1965 г. общество насчитывало 1900 членов. Болгарские историки участвовали в работе XII Международного конгресса историков в Вене, а также ряда других национальных и международных конгрессов, конференций и научных сессий (V Международного съезда славистов и I Международного конгресса балканистики в Софии; научной конференции по проблемам истории второй мировой войны; конференции, посвященной 100-летию I Интернационала, и научной конференции о международном значении Великой Октябрьской социалистической революции, проходивших в Москве; конференции по истории Австро-Венгрии, проходившей в Будапеште; съезда Германского исторического общества, состоявшегося в Берлине, и др.). В ноябре 1965 — феврале 1966 гг. болгарские историки провели научную дискуссию по вопросу о характере, сущности и этапах развития фашизма в Болгарии.

Намаловажным событием последних лет явилось опубликование второго, переработанного и дополненного издания «Истории Болгарии»⁹, охватывающего период до конца 1962 г. Началась также работа по созданию значительно более обширной многотомной научной исто-

№ 1; рецензию Ж. Натана в «Ново време», 1950, № 5.

⁷ «История на България». Т. I—II. София, 1954—1955; «Кратка история на България». София, 1958; «Материали по история на БКП. В помощ на изучаващите история на БКП». София, 1958 (Русск. перевод: «История Болгарской коммунистической партии. В помощь изучающим историю БКП». М., 1960).

⁸ См. Д. Косев. Състояние и задачи на българската историческа наука. — «Исторически преглед», 1964, № 4.

⁹ «История на България». Второ преработено издание в три тома. Т. I. София, 1961; т. II, София, 1962; т. III, София, 1964.

рии страны. Этот труд должен быть завершен к 100-летию годовщины освобождения Болгарии от турецкого ига¹⁰.

Говоря об основных направлениях болгарской историографии новой и новейшей истории в период после 9 сентября 1944 года, следует отметить, что болгарские историки-марксисты сосредоточили свое внимание на изучении узловых проблем классовой и национально-освободительной борьбы: вопросов национального Возрождения, истории революционного периода 1918—1923 гг., рабочего и коммунистического движения в Болгарии и борьбы против фашизма, развития Болгарии по пути социализма.

Тема болгарского национального Возрождения и освобождения страны от турецкого ига всегда была одной из центральных в болгарской историографии. Однако буржуазные историки обращали внимание преимущественно на культурно-просветительную и политическую историю Возрождения. В стороне оставалась социально-экономическая подоплека событий, смазывался кульминационный этап революционной борьбы в 60—70-х годах XIX в. Именно эти аспекты истории Возрождения привлекли внимание историков-марксистов¹¹. Была также критически пересмыслена и отброшена ошибочная концепция, выдвинутая В. Червенковым, о характере национально-освободительного движения в Болгарии. Эта концепция отождествляла задачи революционного движения в России и Болгарии, игнорируя тот факт, что задачи национального освобождения, игравшие важную роль в Болгарии, не стояли перед революционным движением России. Кроме того, вопреки историческим фактам, В. Червенков выдвигал тезис о враждебном отношении всей болгарской буржуазии к национально-освободительному движению.

Важную роль в изучении данного вопроса сыграл акад. Ж. Натан, выпустивший в 1947 г. переработанное и дополненное издание книги, в которой он рассмотрел основные линии развития социально-экономической жизни и на-

ционально-освободительной борьбы болгарского народа с конца XVIII в. до освобождения страны от турецкого ига¹². Ж. Натан характеризует болгарское Возрождение как процесс социально-экономических преобразований, направленных на освобождение страны от турецких феодалов и нашедших выражение в борьбе за национальное и культурное освобождение болгарского народа.

Существенный вклад в освещение ряда важных вопросов этого периода болгарской истории внес акад. Д. Косев, который разработал периодизацию болгарского национального Возрождения, дал анализ классовой борьбы и классового расслоения болгарского народа накануне Апрельского восстания 1876 г., показал героическую борьбу народных масс во время восстания и прогрессивную роль русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в истории болгарского народа¹³. Д. Косев много сделал также в области изучения деятельности В. Левского до 1871 г., истории возникновения Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК), вопросов социального состава и работы революционных комитетов в болгарских городах и селах, связей между деятелями болгарского национально-освободительного движения и революционными демократами других стран¹⁴.

Одним из лучших знатоков истории народно-освободительной борьбы болгарского народа второй половины XIX в. являлся акад. М. Димитров (1881—1966). На основе материалов, собранных в советских, болгарских, румынских и венгерских архивах, он дал наиболее полную и подробную картину жизненного пути, политической и публицистической деятельности великого болгарского революционера Л. Каравелова¹⁵. Он написал также подробную биографию Х. Ботева¹⁶.

Чл.-корр. А. Бурмов (1911—1965) посвятил свои труды истории БРЦК и национально-освободительного движения болгарского народа. Он исследовал также вопросы создания тайной революционной организации в Болгарии под руководством В. Левского, деятельность

¹⁰ Подробно об этом см. Х. Христов, В. Божинов, Ц. Тодорова. За написане на многотомна история на България.— «Исторически преглед», 1966, № 6.

¹¹ Подробнее об изучении болгарскими историками этой проблемы см. С. И. Сидельников. Национально-освободительное движение болгарского народа в 60-х — начале 70-х годов XIX в. в исторической литературе Народной Республики Болгарии.— «Советское славяноведение», 1966, № 2.

¹² Ж. Натан. Българското възрождение. София, 1947 (русс. перевод: «Болгарское возрождение». М., 1949).

¹³ Д. Косев. Лекции по нова българска история. София, 1951 (русс. перевод: «Новая история Болгарии». Курс лекций. М., 1952).

¹⁴ Е го же. Към историята на революционното движение в България 1867—1871. София, 1958.

¹⁵ М. Димитров. Любен Каравелов. Биография. София, 1959.

¹⁶ Е го же. Христо Ботев. Биография. София, 1948.

Л. Каравелова и Х. Ботева, историю Апрельского восстания 1876 г.¹⁷

Вопросами аграрных отношений и проникновения капиталистических элементов в турецкую феодальную систему в эпоху Возрождения, политических идей и революционной деятельности В. Левского, истории Апрельского восстания успешно занимался также проф. Х. Гандев¹⁸.

Важному вопросу истории Болгарии в период непосредственно после ее освобождения от турецкого ига посвящена монография Г. Тодорова, который показал роль Временного русского управления в экономических и политических событиях, происходивших в стране, в борьбе болгарского народа против решений Берлинского конгресса и в организации болгарского буржуазного государства¹⁹.

В связи с разработкой проблематики освобождения Болгарии от турецкого господства большое значение имело издание документов об Апрельском восстании 1876 г., о положении болгарского народа под игом Турции²⁰ и др. Особый интерес представляет совместная советско-болгарская публикация документов, посвященная освобождению Болгарии от турецкого ига²¹. В ней содержатся материалы, характеризующие экономическое и политическое положение болгарского народа под игом турецких феодалов, отношение различных слоев русского народа к освободительной борьбе балканских народов, помощь России в создании независимого болгарского государства.

¹⁷ А. Б у р м о в. Български революционен централен комитет (1868—1877). София, 1950; его же. Към историята на руско-българските връзки през 1876 г. София, 1951; его же. Тасн Централен български комитет. София, 1960.

¹⁸ Х. Г а н д е в. Васил Левски. Политически идеи и революционна дейност. София, 1946; его же. Апрельското въстание. Исторически очерк. София, 1956.

¹⁹ Г. Т о д о р о в. Временното руско управление в България през 1877—1879. София, 1958.

²⁰ «Априлското въстание. Сборник от турски документи». Т. I—III. София, 1954—1956; «Положението на българския народ под турско иго. Сборник от документи и материали». Ред. Н. Тодоров. София, 1953.

²¹ «Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы». В трех томах. Т. I, «Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875—1877» М., 1961; т. II, «Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны 1877—1878», М., 1964; т. III, «Россия и создание Болгарского государства» — подготовлен к печати.

Политике империалистических держав, и в частности Германии и Австро-Венгрии, по отношению к Болгарии в период 1908—1918 гг. посвящены работы чл.-корр. Т. Влахова и Ц. Тодоровой²².

Историки народно-демократической Болгарии много сделали в исследовании послевоенного революционного кризиса 1918—1919 гг. и Сентябрьского восстания 1923 г. Большую научную ценность представляет работа чл.-корр. Х. Христова об экономическом и социально-политическом развитии страны в 1918—1919 гг.²³. В книге широко освещены вопросы влияния Великой Октябрьской социалистической революции на Болгарию и показано назревание революционной обстановки на фронте и в тылу, Владийское восстание болгарских солдат в сентябре 1918 г. и послевоенный революционный кризис в стране, прослеживается рост влияния марксистской партии — БРСДП (тесных социалистов) и начало ее большевизации.

В фундаментальном, написанном на большом архивном материале труде акад. Д. Косева, посвященном истории Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г.²⁴, исследуются вопросы революционного кризиса 1918—1919 гг., возникшего в Болгарии под непосредственным влиянием Октябрьской революции, вскрыто существо фашистского переворота 9 июня 1923 г., показан героизм народных масс, стихийно выступивших против организаторов переворота. С особой тщательностью автором разработана история подготовки и проведения под руководством БКП Сентябрьского восстания. Сравнительно недавно Д. Косев опубликовал работу, в которой исследовал международное значение восстания болгарских трудящихся в сентябре 1923 г.²⁵ Изучением указанной проблемы плодотворно занимался также проф. Й. Митрев²⁶.

В последнее десятилетие ученые НРБ приступили к систематическому исследованию истории болгарского рабочего

²² Т. В л а х о в. Отношения между България и Централните сили по време на войните 1912—1918 г. София, 1957; Ц. Т о д о р о в а. Обявяване независимостта на България през 1908 г. и политиката на империалистическите сили. София, 1960.

²³ Х. Х р и с т о в. Революционната криза в България през 1918—1919 г. София, 1957.

²⁴ Д. К о с е в. Септемврийското въстание 1923 г. София, 1954.

²⁵ Е г о ж е. Международното значение на Септемврийското въстание през 1923 г. София, 1964.

²⁶ Й. М и т р е в. Фашистският преврат на девети юни 1923 година и юнското антифашистско въстание. София, 1956; его же. Исторически студии. София, 1963.

движения и Болгарской коммунистической партии. Большое внимание привлечена тема интернационалистических традиций партии болгарских тесных социалистов, а затем коммунистов. Основные черты и особенности интернационализма БКП вскрываются в работах В. Хаджиниколова²⁷. Особое внимание уделяется в них проблеме интернациональных связей БКП, разнообразным проявлением интернациональной солидарности и помощи БКП революционному движению в других странах, проблемам, связанным с борьбой партии против буржуазного национализма и шовинизма; В. Хаджиников раскрывает исторические корни и значение болгаро-советской дружбы, которую он характеризует как высокое проявление пролетарского интернационализма.

О революционных связях русского и болгарского народов с момента возникновения марксистских течений в обеих странах и до Великой Октябрьской социалистической революции говорится в книге А. Векова²⁸. Автор рассматривает деятельность русской революционной эмиграции в Болгарии, совместные выступления русских и болгарских марксистов на международной арене, участие болгар в русском революционном движении. Проблемой интернациональной солидарности БКП занимались и другие болгарские историки²⁹.

Видное место в трудах болгарских исследователей заняло также изучение истории революционного профсоюзного движения и стачечной борьбы рабочего класса³⁰, деятельности БКП после

подавления Сентябрьского восстания 1923 г. и в период временной и частичной стабилизации капитализма (1925—1929 гг.), ее борьбы за создание народного фронта в 1935—1939 гг. и Отечественного фронта в период второй мировой войны, истории подготовки и проведения народного восстания 9 сентября 1944 г., борьбы за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в условиях строительства социализма и др.³¹.

и профсоюзного движение в Болгария 1878—1891 г. София, 1960; е го ж е. Положението на работническата класа в България от Освобождението до началото на XX век (1878—1904). София, 1954; е го ж е. Работническото и професионалното движение в България 1891—1903. София, 1966; М. И с у с о в. Революционното профсъюзно движение в България (1903—1912). София, 1962; В. Х а д ж и н и к о л о в, Д. М л а д е н о в, М. И с у с о в, А. Г е о р г и е в, В. В а с и л е в. Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960; А. Ц п л е в. Профсъюзното движение в България през периода на следвоенната революционна криза (1919—1924). София, 1962; Д. М и ч е в. НРПС. Създаване и дейност. 1925—1936. София, 1965 и др. В 1962 г. Кабинет истории профсоюзного движения Болгарии при Централном совете болгарских профсоюзов приступил к изданию ежегодника «Профсъюзни летописи». В уже вышедших пяти томах издания были опубликованы многочисленные научно-исследовательские статьи по различным вопросам истории рабочего и профсоюзного движения страны. Наряду с этим еще в 1953—1955 гг. были изданы три тома документов о борьбе болгарского рабочего класса — «Работническото движение в България, 1878—1904, материали». Съст. Д. К о д ж е й к о в, К. Л а м б р е в. Т. I, София, 1953; т. II, София, 1954; т. III, София, 1955.

²⁷ В. Х а д ж и н и к о л о в. Интернационалистическите традиции на Болгарската комунистическа партия. София, 1962; е го ж е. Отражение на първата руска революция в България. София, 1956.

²⁸ А. В е к о в. Болгаро-руски революционни връзки 1885—1917. София 1965.

²⁹ Д. М и т е в. Към въпроса за пролетарския интернационализъм на БРСДП (т. с.). София, 1957; К. Й о т о в. Интернационалисти на дело. София, 1960; К. В а с и л е в. Характерни черти на нашия социалистически патриотизъм. София, 1953; А. Т о д о р о в. Историческото място на БРСДП (т. с.) в международната социалдемократия 1914—1917. София, 1962; П. П а н а й о т о в. Приносът на българи за победата на Октомврийската революция (1917—1920). София, 1967.

³⁰ См., напр., Д. К о д ж е й к о в, В. Х а д ж и н и к о л о в, Я. Й о ц о в. Революционното профсъюзно движение в България. София, 1957 (русс. перевод: «Рабочее и профсоюзное движение в Болгарии». М., 1959); К. Л а м б р е в. Наченки на работническото

³¹ С. Д и м и т р о в а. Борбата на БКП за свързване с масите (септември 1923 — април 1925). София, 1963; Л. П а н а й о т о в. Борбата на БКП срещу ликвидаторството и десноопортунистическите отклонения (1923—1934). София, 1962; Б. Г р и г о р о в. БКП през периода на временната и частична стабилизация на капитализма 1925—1929. София, 1961; С. К о л е в. Борбата на БКП за народен фронт 1935—1939. София, 1959; Д. С и р к о в. Болгарската работническа партия в защита на националната независимост на България (1 септември 1939 — 1 март 1941). — «Известия на Института по история на БКП при ЦК на БКП», т. 14, София, 1965; Д. Ш а р л а н о в. Създаване и дейност на Отечественния фронт (юли 1942 — септември 1944 г.). София,

Конкретные исследования по историко-партийным вопросам дали возможность приступить к созданию обобщающего труда по истории Болгарской коммунистической партии. В середине 1964 г. в Софии состоялось широкое обсуждение макета учебника истории БКП, подготовленного Институтом истории Болгарской коммунистической партии при ЦК БКП. Дискуссия способствовала уточнению концепции авторов по ряду важных вопросов истории партии и новейшей истории Болгарии. В том же году вышла вторая часть курса истории БКП³² (первая часть, охватывающая период 1885—1925 гг. и выпущенная отдельным изданием в 1965 г., содержит первые девять глав упоминавшегося выше курса истории БКП издания 1958 г.). Наряду с этим была проведена большая работа по публикации партийных документов и материалов³³.

Важным направлением болгарской исторической науки является разработка проблемы движения Сопротивления болгарского народа в период 1941—1944 гг. Наряду с систематизацией фактического материала и изданием ряда документальных сборников³⁴ по этой

1966; П. Костов. Борбата на Българската комунистическа партия за утвърждаване на народнодемократичната власт, за сключаване на мирен договор и възстановяване на народното стопанство. София, 1958; Б. Боев. Дейността на БКП за укрепване и развитие на съюза на работническата класа и селяните в условията на строителството на социализма (1944—1956). София, 1964; М. Димитров. Борбата на БКП за развитие на социалистическата промишленост в годините на първата петилетка (1949—1952). София, 1964; Д. Русев. Борбата на БКП за социалистическа индустриализация на Н. Р. България (1949—1953). София, 1964 и др. См. также: «История на БКП 1885—1944. Библиография. Материали, публикувани след 9 септември 1944 г.» София, 1965.

³² «Материали по история на Българската комунистическа партия. 1925—1962. В помощ на изучаващите историята на БКП». София, 1964.

³³ В 1957—1965 гг. в Софии вышел вторым изданием сборник «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК» (в пяти томах), охватывающий период 1891—1962 гг. См. также: «Нелегални позиви на БКП». София, 1954; «Работническата партия в България 1927—1938. Сборник от документи и материали». София, 1966 и др.

³⁴ См., напр., «Въоръжената борба на българския народ против фашизма 1941—1944. Документи». София, 1962; «В бой с фашизма 1941—1944. Доку-

ментите» было выпущено несколько серьезных монографических исследований.

В 1958 г. вышла книга Н. Горненского, в которой на основе тщательного анализа разнообразных документов автор исследовал зарождение и развитие народно-освободительной борьбы³⁵.

Проблеме политического кризиса в Болгарии в 1943—1944 гг. посвящено исследование В. Божинова³⁶, в котором дается анализ международного положения Болгарии и внешней политики ее правящих кругов в последний год существования монархо-фашистской диктатуры. В. Божинов вскрывает основные причины кризиса, охватившего в этот период все стороны государственной, общественно-политической и хозяйственной жизни страны.

Назревание в мае — сентябре 1944 г. в Болгарии революционной ситуации, а также подготовка и проведение вооруженного восстания были проанализированы в работе С. Петровой³⁷.

Болгарские историки исследовали самые различные проблемы борьбы против фашизма и гитлеровской оккупации и в ряде других работ³⁸.

Нельзя не упомянуть также о богатой мемуарной литературе участников движения Сопротивления и народно-освободительной борьбы болгарского народа в годы второй мировой войны, насчитывающей уже десятки книг³⁹. Различ-

менти, статьи и спомени из борбата на софийските трудеци сел. София 1960; «Работата на БКП в армията 1941—1944. Документи и материали». София, 1959 и др. В первые годы после 9 сентября 1944 г. важную роль в этом отношении сыграла составленная О. Василевым книга очерков и документов: «Въоръжената съпротива срещу фашизма в България 1923—1944». София, 1946.

³⁵ Н. Горненски. Въоръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристката окупация и монархо-фашистката диктатура (1941—1944). София, 1958.

³⁶ В. Божинов. Политическата криза в България през 1943—1944 г. София, 1957.

³⁷ С. Петрова. Борбата на БКП за установяване на народнодемократическата власт. Май — септември 1944. София, 1964.

³⁸ См., напр., «Социалистическата революция в България». Исторически студии. София, 1965.

³⁹ Некоторые были переведены на русский язык. См., напр., И. Зурлов. Они были не одни. М., 1961; А. Семеев-Джидев. Родопские партизаны. М., 1965; К. Видински. Подводники. М., 1965.

ные по форме повествования и охватываемому материалу, эти книги правдиво освещают борьбу болгарского народа против фашизма, на конкретных фактах показывают массовый характер этой борьбы, неразрывное единство партии и трудового народа, органическую связь роста партизанского движения в Болгарии и победы народного восстания 9 сентября 1944 г. с успехами Красной Армии. Сравнительно слабее освещена в них массово-политическая работа партии по подготовке народа к вооруженной борьбе и деятельность антифашистов, находившихся на легальном положении. Появились и специальные библиографии по исследованию этой литературы⁴⁰.

Немало научных исследований болгарские ученые посвятили истории Отечественной войны против гитлеровской Германии в период 1944—1945 гг. Наиболее значительной из этих работ является трехтомный коллективный труд, подготовленный Военно-историческим отделом Министерства народной обороны НРБ⁴¹. В нем последовательно рассматриваются вопросы подготовки Болгарии к участию в Отечественной войне и создания болгарской Народной армии, боевые действия армии в первый (с 8 октября до конца ноября 1944 г.) и второй (по май 1945 г.) периоды войны⁴².

К этому же кругу работ примыкает и

⁴⁰ См., напр., К. Генов. Нашата мемоарна литература за партизанското движение. София, 1958; И. Дюлапчиева. Нашата мемоарна литература за партизанското движение. Анотирана библиография за книги, издадени през 1944—1961 г.— «Известия на Института по история на БКП», 1962, № 9.

⁴¹ «Отечествената война на България 1944—1945». Т. I, София, 1961; т. II, София, 1963; т. III, София, 1966.

⁴² Еще до появления этого труда, вышла «Кратка история на Отечествената война» (София, 1958), в которой большое место уделено показу организаторской и политико-воспитательной роли Болгарской рабочей партии (коммунистов) и анализу хода военных действий. Проблемы Отечественной войны широко освещались также на страницах журнала «Военно-исторически сборник».

монография В. Божинова⁴³, в которой рассматривается борьба народно-демократической Болгарии за укрепление национальной независимости в 1944—1947 гг. Особое внимание автор уделяет международному положению Болгарии, вопросам, связанным с заключением справедливого мирного договора.

В последнее время появились работы по истории народно-демократической Болгарии, показывающие развитие страны по пути социализма. В них рассматриваются индустриализация страны, социалистические преобразования в деревне, направляющая роль Болгарской коммунистической партии. Часть из этих работ была упомянута в связи с рассмотрением вопроса о разработке истории БКП. В 1964 г. вышел в свет коллективный труд, написанный видными болгарскими экономистами — К. Добревым, И. Стефановым, П. Спирковым, Е. Каменовым и др., в котором дан марксистско-ленинский анализ объективных закономерностей и конкретных путей развития Болгарии по пути социализма, раскрывается процесс создания материально-технической базы социализма и развития социалистических производственных отношений⁴⁴.

Как видно из приведенного обзора, болгарские историки-марксисты добились больших успехов в разработке отечественной истории. Созданы фундаментальные труды по наиболее важным, узловым проблемам. Значительно оживилось изучение новейшей истории страны, истории болгарского рабочего движения и БКП. Возрос интерес к социально-экономическим проблемам истории Болгарии. Расширилась источниковедческая база исторических трудов. Значительно повысились научно-теоретический уровень работ. Признание в июне 1966 г. группы историков Димитровских премий за создание трехтомной «Истории Болгарии» является заслуженным признанием этих успехов.

Л. Б. Валева

⁴³ В. Божинов. Защита на националната независимост на България 1944—1947. София, 1962.

⁴⁴ «Икономическо и социално развитие на НРБ (1944—1964)». София, 1964.

СВЯЗИ ЛЬВА ТОЛСТОГО С ПОЛЬШЕЙ

Польские исследователи создали уже немало ценных работ о русской литературе, в частности классической, — достаточно назвать хотя бы хорошо известные в нашей стране труды Марьяна Топорского о Пушкине, чьи произведения так блистательно перевел на польский

язык Юльян Тувим, редактировавший также довоенное польское издание собрания сочинений Л. Н. Толстого. Впрочем, нет никакой возможности дать в этой небольшой заметке хотя бы краткий обзор польских переводов русской литературы, включая и мемуарную. Следует,

правда, упомянуть, что почти одновременно с рецензируемой книгой Б. Бялокозовича¹ в Варшаве вышли из печати воспоминания Т. Кузьминской².

Б. Бялокозович внимательно изучил литературу о Толстом, особенно исследования последних лет, появившиеся в Советском Союзе и в Польше. Более того: автор не ограничился лишь печатными материалами (в том числе капитальными трудами В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшур), ознакомление с которыми было результатом просмотра 60 000 библиографических карточек, а прочитал также около 20 000 писем, изучил рукописные фонды Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве и других собраний, в том числе цитируемые в книге неопубликованные дневники и воспоминания. Кроме того, Бялокозович основательно ознакомился с личной библиотекой Толстого в Ясной Поляне. Таким образом, был создан обширный и надежный фундамент серьезного и ценного исследования, потребовавшего многих лет работ³.

Книга Бялокозовича состоит из четырех разделов. В первом собраны сведения о встречах Толстого с поляками и о некоторых персонажах «Севастопольских рассказов». Автор вполне обоснованно утверждает, что роль польского офицера в Крымской войне представлялась нередко в ложном свете. Обращаясь к многочисленным источникам, Бялокозович резко полемизирует с Ледницким, который «готов видеть чуть ли не в каждом поляке на территории России проsvетителя и „культуртрегера“, а каждый случай создания отрицательного польского персонажа в русской литературе склонен рассматривать как проявление национализма или даже шовинизма автора» (стр. 48).

Интересны страницы книги, посвященные поездке Толстого в Брюссель весной 1861 г. с целью встречи с Лелевелем. Именно после возвращения из поездки, ознаменовавшейся встречами с Герценом и Лелевелем⁴, Толстой завязал контакты с «польской колонией» в Туле, причем Бялокозович высказывает вполне допустимое предположение, что к числу знакомых писателя при-

надлежали семьи В. Смидовича (отца В. В. Вересаева) и Ф. Ходасевича (отца известного поэта).

Второй раздел книги посвящен «польскому вопросу» в аспекте религиозно-этической системы и в творческой эволюции Толстого. Особенно большое значение в этом разделе приобретает знаменитый рассказ «За что?». Бялокозович подчеркивает, что инициатива перевода этого рассказа на польский язык исходила от самого Толстого, справедливо считавшего, что его рассказ может способствовать развитию братских чувств дружбы русского и польского народов. Об этих чувствах, которые испытывали польские читатели, красноречиво свидетельствует помещенная на стр. 129 книги репродукция открытки, посланной Толстому К. Орлковским, томившимся тогда «во глубине сибирских руд».

Третий раздел книги, озаглавленный «Перешка Толстого с поляками», содержит обширный документальный материал, пересказывать который нет необходимости. Отметим лишь, что материал этот представляет собой ценнейшую главу в истории русско-польских отношений. В списке посетителей Ясной Поляны мы находим, между прочим, имя Эустахия Чекальского, который в наши годы привлек внимание советских читателей не раз переиздававшейся в русском переводе повестью о Венявском («Волшебная скрипка»). Быть может, на тех страницах повести, где с такой теплотой говорится о встречах Венявского с русскими музыкантами, запечатлелись какие-нибудь отзвуки бесед с Толстым...

И, наконец, в четвертом разделе книги — «Польская культура в восприятии Толстого» — собраны сведения о знакомстве Толстого с польской литературой и музыкой. Толстой читал произведения польских романтиков, даже интересовался мессанизмом, но резко отрицательно отзывался о Товьянском. Из произведений Сенкевича Лев Николаевич больше всего ценил «Без догмата» и «Семью Полавецких». К сожалению, сведения о знакомстве Толстого с творчеством Пруса, Реймонта, Жеромского и других польских писателей крайне отрывочны. Мы не знаем даже, читал ли Толстой «Фараона» и «Куклу». Известно зато, что на вопрос о Пшибышевском Толстой кратко ответил: «Просмотрел. Зачем это читать?» (стр. 261, цит. по машинописным «Яснополянским запискам» Душана Мавоцицкого).

Упомянутая о посещениях знаменитой клавеснисткой Вандой Ландовской Ясной Поляны (в 1907—1910 гг.), Бялокозович останавливается на музыкальных симпатиях Толстого и, ссылаясь на ряд источников, подчеркивает, что любимым его композитором был Шопен. Об этом же писал и А. В. Гольденвейзер. Не раз слушал и хвалил Толстой поло-

¹ B. Białokozowicz. Lwa Tołstoja związku z Polską. Warszawa, 1966, 398 s.

² T. Kuźmińska. Mój dom i Jasiona Polana. Wspomnienia. Tłum. Zofia i Stanisław Głowiakowic. Warszawa, 1966, 457 s.

³ Некоторые предварительные итоги своей работы автор опубликовал в «Литературном наследстве», т. 75, ч. 2, М., 1965.

⁴ О брюссельском периоде жизни Лелевеля см.: S. Kieniewicz. Samotnik brukselski. Warszawa, 1960.

незы, мазурки и легенду Генрика Венявского⁵, фортепианные полонезы Моношкю. Отметим одно недоразумение, вкравшееся в главу о музыке. На стр. 275 Бялокович пишет о произведении Шопена «Молитва во время грозы». Но это название принадлежит не Шопену; оно придумано издателями и поклонниками композитора, окрестившими таким образом прелюдию Шопена ре-минор.

В краткой рецензии трудно охватить

⁵ Многие произведения Венявского Толстой слушал в исполнении скрипача М. Г. Эрденко, игравшего ему также в своей обработке древнееврейский напев «Кол-Нидрей».

WIKTORIA ŚLIWOWSKA. *Mikołaj I i jego czasy (1825—1855)*. Warszawa, 1965

ВИКТОРИЯ СЛИВОВСКАЯ. *Николай I и его время*

Книга основывается на опубликованных источниках и имеющейся литературе, в основном советской¹. Автор привлекает разносторонний материал, передает оригинальные черты эпохи и характеры ее деятелей. Первая глава книги освещает внутреннюю политику России («Царь царствует, канцелярия правит»); затем описывается положение закрепощенных народных масс («Кому на Руси плохо живется»); об общественном движении автор говорит в двух главах: период до 1840 г. освещается в главе «Пути и бездорожья», а с 1840 г. — в главе «Заговор идей», в последней главе рассказано о внешней политике России («От триумфов до крушения»). Издание хорошо иллюстрировано, в том числе жанровой живописью и политической карикатурой.

Книга дает в целом соответствующую действительности и весьма впечатляющую картину. Думается, однако, что нельзя рассматривать реакционный режим в России второй четверти XIX в. через сто с лишним лет теми же глазами, какими видели его Герцен, Белинский, Бакунин в 40-х годах. Нужна определенная историческая перспектива. Изображая реакцию в крепостнической России — огромной крестьянской стране с очень слабой активностью трудящихся масс и перазвитым общественным движением

¹ Отметим, кстати, что польские специалисты внимательно следят за работой советских историков. На польский язык переведены книги А. С. Нифонтова «Россия в 1848 году», Е. В. Тарле «Крымская война», избранные сочинения В. Г. Белинского и Н. В. Гоголя, «Былое и думы» А. И. Герцена, «Литературные воспоминания» И. Панаева, «Пушкин в воспоминаниях современников» и др.

разнообразный и ценный материал, собранный и изученный Б. Бялоковичем, работа которого заслужила высокую оценку в Польше, где появилось о ней уже свыше двадцати статей⁶. Нельзя не признать, что польский ученый блестяще выполнил задачу, которую он поставил перед собой как автор рецензируемой книги.

Игорь Балаа

⁶ См., например, J. Zygmunt Jakubowski. *Lwa Tołstoja związki z Polską*. «Polonistyka», 1967, № 1, s. 49; W. Sadekowski. *Lwa Tołstoja związki z Polską*. «Trybuna Ludu», 24 września 1966.

стоило бы помнить об уже вступивших на капиталистический путь европейских странах, где расстреливали рабочих, не следует забывать и о тех все более и более ожесточенных и омерзительных формах, какие международная реакция принимала в дальнейшем вместе с ростом массового революционного движения.

В. Сливовская, подробно излагая попытки самодержавия усовершенствовать государственный аппарат, не останавливается ни на экономической политике самодержавия, отражавшей рост капиталистического уклада в России, ни на политике по отношению к помещичьим крепостным, в которой, как никак, выражалось представление царизма о необходимости постепенной ликвидации крепостного права. Ее внимание сосредоточивается в основном на отношении правительства к государственным крестьянам. Опираясь на капитальное исследование Н. М. Дружинина, автор описывает реформу Киселева как реформу бюрократической системы управления государственным имуществами, не коснувшуюся социально-экономических основ, а потому и бесплодную для преодоления кризиса сельского хозяйства.

Много места у Сливовской уделено политике царизма в области просвещения — сословной системе образования, «охранительным» мероприятиям во всех областях культурной жизни.

Рассказывая о гипертрофированном аппарате николаевской цензуры, служившей средством держать «медведя на цепи» (по выражению Дубельта), то есть глушить передовую литературу, В. Сливовская отмечает период относительно свободной цензуры в 40-е годы и пытается объяснить причины этого явления. Она правильно указывает на укрепление позиций царизма на международной арене

и на внутренний мир после усмирительных репрессий 30-х годов, а также на известную дезориентацию цензуры во время подготовки нового цензурного устава. Вместе с тем автор связывает ослабление цензуры с такими явлениями, как отказ массы интеллигенции от активной борьбы в смысле заговоров и тайных обществ, распространение ею гегелевской формулы «все действительное разумно» на оценку николаевской действительности (Белинский, Бакунин).

Однако с этими соображениями нельзя согласиться. Во-первых, масса интеллигенции не «отказывалась» от активной борьбы — эту борьбу вели только узкие слои. Во-вторых, приятие действительности не было характерным для демократической интеллигенции, у Белинского оно оказалось лишь кратковременной натяжкой в его философских исканиях. Отказ от «заговоров» и широкое развитие публицистической, т. е. пропагандистской деятельности было не отступлением, а новой формой борьбы, новой активной тактикой, более соответствовавшей историческим условиям.

Общественное движение второй четверти XIX в. освещено В. Сливовской с достаточной полнотой. Она правильно подметила изменения, происшедшие по сравнению с началом века в университетской среде — демократизм студенческой общности, тягу студентов к самообразованию при низком уровне казенной науки, стремление университетского начальства не оглашать студенческих «преступлений» и т. п.

Интересны суждения В. Сливовской о корнях того необычайного для русских передовых мыслителей уважения к католицизму, которое проявилось у Печерина и Чаадаева. Они считали, что православная церковь виновна в утверждении крепостничества на Руси и выполняет полицейские функции в настоящем. Они идеализировали католицизм, видя в нем независимую от государства церковь, моральную силу, проявление социального характера современного христианства. Поэтому отказ от православия был для них формой протеста против русских порядков и официальной идеологии (стр. 126, 127, 131).

В противоположность обычной трактовке триединой формулы официальной народности, где «народность» трактуется лишь как расплывчатый довесок к началам самодержавия и православия, В. Сливовская отмечает большой практический смысл этого понятия для правящего сословия. Народность — это санкция крепостничества как естественного положения вещей, она включает послушание народа патриархальной власти, основанной якобы на любви, а не на завоевании, и поэтому «народной». Действительно, теория официальной народности была попыткой опереться на народ, используя его

темноту и стихийный монархизм. И очень верно наблюдение Сливовской, что демократическая Россия стремилась разоблачить антинародный характер самодержавия, что именно на борьбу с теорией официальной народности были нацелены силы демократического лагеря. Первым и острейшим протестом в этом смысле было «Философическое письмо» Чаадаева.

С начала 40-х годов общественная мысль пробуждается от апатии. Это выразилось в появлении славянофильского течения и в немедленно развернувшейся борьбе с ним, которая силачивала его противников в лагерь «западников». Славянофилы, указывает В. Сливовская, были в оппозиции к правительству, сознавая необходимость быстрого разрешения властью аграрного вопроса. Правильно отличая их от певцов официальной народности, автор все же изображает славянофилов довольно экзотически, как представителей фронды «старомосковских боярских родов», которых оттачивал «прусский бюрократизм» николаевской монархии. В борьбе со славянофилами, с их ложной исторической концепцией, идеализировавшей патриархальную допетровскую Русь, полагает В. Сливовская, западники по существу использовали возможность атаковать правительственную идеологию. Так ли это просто? Ведь западники не только через голову славянофилов боролись с правительственным лагерем, а всерьез боролись с ними самими, и привилегированные разногласия, как известно, довели противников до тяжелого личного разрыва. В тогдашних условиях практический реакционный смысл идей славянофилов перевешивал их оппозиционность.

Естественно, что автор отбирает свой материал с точки зрения истории русской общественной мысли. Она не скупились и на историко-литературные экскурсы, например, о «физиологических очерках» и пр. Но надо пожалеть, что В. Сливовская не дала польскому читателю хотя бы общего очерка о передовой литературе николаевского времени. Ведь именно тогда взойшло созвездие крупных талантов русской реалистической литературы, отразивших духовную жизнь народа, не взирая ни на какую реакцию и цензуру.

В главе «Заговор идей» рассказано и о революционных кружках 40-х годов. Непонятно, почему совершенно обойдено Кирилло-Мефодиевское общество 1846—1847 гг. Основное место отведено петрашевцам². Отмечу лишь несколько неточностей по данному вопросу. Автор цитирует статью «Аномалия», будто бы напечатанную в «Карманном сло-

² В. Сливовская недавно написала книгу «Дело петрашевцев». См. рецензию на нее в «Истории СССР», 1965, № 3.

варе иностранных слов» — однако этот текст находится лишь в черновых заметках В. Майкова (стр. 196). Не соответствует действительности утверждение автора о том, что петрашевцы не одобрили конец «Солдатской беседы» Н. Григорьева по той причине, что там крестьяне, вместо того, чтобы взбунтоваться, продолжают покорно сносить нужду и унижения (стр. 207). Неправильно также, что Спешнев истратил на устройство тайной типографии 20 тысяч руб. серебром (стр. 208), что во время казни петрашевцев у дворян были отобраны мушкетеры (стр. 214). Ошибкой является отождествление В. Перовского с его братом мини-

стром внутренних дел Л. Перовским (стр. 227).

Отметив имеющиеся неточности в месте книги В. Сливовской, которые представляются мне спорными, еще раз подчеркну, что речь идет лишь об очень немногочисленных и частных вопросах, а не об основных выводах и оценках. Николаевская Россия в целом воссоздана Сливовской правильно и настолько живо, что остается только позавидовать польскому читателю, получившему еще одну хорошую научно-популярную работу по истории нашей родины.

В. Р. Лейкина-Свирская

М. Д. БИЧВАРОВ, В. С. ГОРСЬКИЙ. Українсько-болгарські філософські зв'язки (друга половина ХІХ ст.). Київ, 1966, стор. 183

М. Д. БИЧВАРОВ, В. С. ГОРСКИЙ. Украинско-болгарские философские связи во второй половине ХІХ в.

В первой главе книги рассматриваются теоретические и исторические предпосылки исследования украинско-болгарских идейных связей. Причиной типологической тождественности явлений духовной культуры братских народов, формировавшихся в определенных социально-экономических и политических условиях, авторы считают общность происхождения, языковую родственность и близость исторической судьбы (стр. 12). Раскрывая особенности развития идейных взаимосвязей между прогрессивными мыслителями Украины и Болгарии во второй половине ХІХ в., исследователи подчеркивают, что общей чертой как болгарской, так и украинской прогрессивной философской мысли этой эпохи является глубокий демократизм и народность.

Во второй главе монографии, посвященной анализу связей украинской революционной демократии с передовыми деятелями Болгарии в 50—70-х годах ХІХ в. (Т. Шевченко и М. Вовчок), авторы отмечают, что творчество Т. Шевченко было своеобразным катализатором, способствовавшим развитию прогрессивных черт мировоззрения болгарских мыслителей (стр. 61). В книге подчеркивается, что в то время актуальными для двух братских народов были проблемы славянских взаимосвязей.

Значительно расширяются взаимосвязи между представителями прогрессивной мысли Украины и Болгарии в последней четверти ХІХ в., о чем говорится в третьей главе монографии. Это был период ускоренного развития капита-

лизма, возникновение и деятельности славянской когорты украинских революционер-демократов во главе с И. Франко. Революционеры-демократы внесли значительный вклад в культурное сближение украинского и болгарского народов, перевели много произведений болгарских писателей на украинский язык, познакомили трудящихся Украины с жизнью болгарского народа.

Для популяризации исторического прошлого Болгарии на Украине особенно много сделал И. Франко. Выдающийся революционер-демократ дал для своего времени правильную оценку характерных явлений в истории болгарской общественной мысли, обосновал необходимость тесных идейных взаимосвязей между Украиной и Болгарией.

Монография М. Д. Бичварова и В. С. Горского является ценным исследованием украинско-болгарских философских взаимосвязей второй половины ХІХ в. Правда, авторы книги рассматривают только прогрессивные связи, сузив этим самым проблему, лишив себя возможности раскрыть украинско-болгарские философские связи в острой идейной борьбе противоположных взглядов. Зато положительным является определение узловых проблем украинско-болгарских взаимосвязей в области общественно-философской мысли, показ эволюции этих взаимосвязей. Книга М. Д. Бичварова и В. С. Горского — яркое доказательство того, что дружба украинского и болгарского народов имеет определенные закономерности развития и базируется на глубоких традициях.

С. Н. Злупко

ПОЛЕЗНОЕ ИЗДАНИЕ

Едва ли нужно объяснять, какое значение для историка имеет такой источник, как законодательные акты и официальные постановления. Понятно, сколь ценными для исследователя оказываются справочники и указатели, дающие систематизированный перечень актов, помещаемого в официальных государственных изданиях, и являющиеся, таким образом, своеобразными путеводителями по этим изданиям.

Недавно в Югославии в белградском издательстве «Савремена администрация» М. Михайлович и М. Плазинич издали справочник, содержащий список всех официальных постановлений, которые опубликовал с 1945 до конца 1965 г. общесоюзный «Службени лист»¹, с указанием в каком именно номере был помещен каждый документ.

Материал сборника разбит на главы, в которых перечислены акты, относящиеся к определенной проблеме: государственному и общественному устройству, иму-

щественно-правовым,² трудовым, семейным отношениям, различным отраслям экономики, науки и культуры, здравоохранению и социальному обеспечению, народной обороне, правосудию, охране общественного порядка и т. д. В отдельную главу выделена документация о международных отношениях социалистической Югославии. Составители распределили материал по 22 главам, в свою очередь тематически разбив их на более мелкие разделы.

Заслуживает одобрения и то, что авторы справочника с помощью принятой ими условной системы знаков указывают, действует ли данный закон или постановление до сих пор или они в результате тех или иных обстоятельств утратили силу.

Вышедший сборник снабжен также и своеобразным предметным указателем юридических понятий и терминов с указанием актов, содержащих эти понятия и термины.

Новый справочник является изданием, серьезно помогающим при исследовании послевоенной истории Югославии.

Л. Я. Губианский

«ГЛАВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ» Г. МАРКЕВИЧА

Генрик Маркевич давно завоевал широкое признание своими работами, особенно по теории литературы. Недавно вышел в свет его капитальный труд «Главные проблемы литературоведения», выдержавший уже два издания¹.

Названная книга профессора Г. Маркевича, тяготеющая к трудам типа «Общего литературоведения» М. Верли, но написанная, разумеется, с иных методологических позиций, — уникальное явление среди марксистских работ. Стремясь к глубокому и всестороннему изучению важнейших литературоведческих проблем, в их синхронном и историческом разрезе, Г. Маркевич подходит к решению поставленной задачи преимущественно со стороны методики исследований. Поэтому «Главные проблемы литературоведения» не претендуют ни на строгую систематизацию выдвинутых автором обобщающих положений (теория), ни на обстоятельную разработку принципов их приложения (мето-

дология), хотя в работе рассматриваются прежде всего труды по теории и методологии литературных исследований. Этот характер рецензируемой книги обусловлен, несомненно, ее особыми задачами.

Польский ученый задался целью основательно разобраться в накопленных знаниях по литературоведению, в их состоянии, проследить их историю и таким путем подойти к описанию терминологического аппарата этой науки. Для решения такой задачи от исследователя требовалась незаурядная эрудиция, которая позволила бы ему ознакомить читателей, по крайней мере, с важнейшими достижениями, исканиями и блужданиями мировой литературоведческой мысли. В этом отношении книга Г. Маркевича, безусловно, заслуживает признания: в ней изложена суть почти всех значительных концепций, известных в Европе и Америке, причем, автор, естественно, обратил особое внимание на развитие литературоведения в Польше. Уже одно это характеризует работу Г. Маркевича как выдающийся труд. Но чтобы донести до читателя существо разнообразных концепций, складывавшихся в различных условиях развития нацио-

¹ H. Markiewicz. Główne problemy wiedzy o literaturze (Z prac Instytutu badań literackich PAN). Kraków, 1965, 382 s.; wydanie drugie, przejrzone i uzupełnione. Kraków, 1966, 398 s.

нальных литератур, необходимо было (и в этом состояла вторая огромная трудность) раскрыть за пестрым обозначением понятий их сходство или, наоборот, различие, скрытое под покровом сходной терминологии. И с этой задачей Г. Маркевич справился успешно, хотя, понятно, не без упрощений — в данном случае совершенно необходимых. Наконец, перед польским ученым стояла еще одна, самая большая трудность: выявить в работах, различных по методологии, те точки соприкосновения, которые восходят к общности предмета исследований и которые важны для достижения объективной истины. Ведь даже несостоятельные в целом концепции иногда могут содержать в себе отдельные элементы истины в достаточно полном и разработанном виде. Выделить и сопоставить эти «зерна истины» — прямая обязанность науки, и именно методика исследований оказывается тем нейтральным полем, где обнаруживается, так сказать, чисто профессиональный, общий подход к делу специалистов различных направлений. Если не ошибаюсь, эта возможность перевести спорные вопросы литературоведения в «нейтральный» план их рассмотрения и обусловил особый характер труда Г. Маркевича.

Блестящая эрудиция ученого и дар лапидарного реферирования даже самых сложных работ помогли польскому исследователю насытить свою книгу истинно огромным информационным материалом, подвергнуть его критическому анализу и высказать свою точку зрения по всем затронутым проблемам. Все это вместе взятое характеризует ее как талантливое, прекрасно выполненное исследование, к которому будут обращаться не только польские литературоведы.

Рецензируемый труд состоит из 10 разделов и хронологического обзора концептуальных литературоведческих работ за 1851—1965 гг., разбитого на четыре рубрики: «Сфера романских языков», «Сфера немецкого и иных германских языков», «Сфера английского языка», «Польша, Россия и иные славянские страны». 1851 год взят за исходный рубеж лишь потому, что подобная таблица за 1701—1850 гг. уже имеется в двухтомной «Истории современной критики» Р. Уэллека².

К наиболее удачным разделам книги, на мой взгляд, относятся: «I. Сфера и направления современных литературных исследований», «IV. Стиль литературного текста и его исследование», «VI. Литературные роды и виды», «VII. Направления и типы литературного творчества», «VIII. Реализм, натурализм, типичность»,

«IX. Научные законы в истории литературы» и, наконец, «X. Ценности и оценки в литературных исследованиях». Причем, если первый раздел вводит в суть теоретической проблематики, то последний связывает ее с живой практикой. Именно в оценке произведений, непосредственно затрагивающей интересы писателей, борьбу современных направлений и методов, литературная критика допускает особенно много досадных просчетов, грубых упрощений и лично-вкусовых характеристик, что, естественно, вызывает сомнение в возможности объективных оценочных суждений. В этой связи Г. Маркевич, по-моему, совершенно правильно указывает на то, что любая классификация произведений в сущности есть уже их известная оценка; что хотя гениальные произведения почти несравнимы по их эстетической ценности, однако вещи слабые мы легко отличаем от сильных; что, наконец, произведения прошлых эпох, удовлетворявшие различным потребностям и в этом отношении несоизмеримые, неодинаково важны, однако, с точки зрения своих достоинств для современного литературного развития. Оригинальны и поучительны рассуждения польского ученого об отношении понятий «литературный период» и «литературное направление», его наблюдения над развитием терминов «реализм», «натурализм», «типичность» и т. д. В небольшой рецензии невозможно вдаваться в терминологические тонкости автора, а без них нет смысла излагать его точку зрения по многим, а — главное — сложным и спорным проблемам. Поэтому мы рекомендуем читателю обратиться к тексту самой книги, где он кроме богатой фактической информации найдет много метких критических суждений и глубокомысленных конструктивных предложений. Среди последних есть, конечно, дискуссионные, заслуживающие разбора, которому и посвящена оставшаяся часть рецензии.

В первом разделе, воссоздающем обстоятельную картину направлений литературоведческой науки, Г. Маркевич походя высказывает мысль о том, что «марксистское литературоведение» вернее было бы называть «наукой о литературе, построенной на марксистских принципах» (стр. 36 второго издания). Стремление польского ученого отмежеваться от псевдомарксистских тенденций в литературоведении понятно и достойно поддержки, однако его аргументы в пользу такого уточнения общепринятого термина мне представляются совершенно необубедительными.

Раздел «II. Детерминанты литературы» посвящен проблеме ее специфики. К определяющим чертам литературы, или детерминантам (*wyznaczniki*), автор относит: вымысел, «дополнительное упоря-

² R. Weliek. History of Modern Criticism. T. 1—2. New Haven, 1955.

дочение» («urządowanie naddane») ³ и образность (стр. 61). Эти признаки, однако, явно недостаточны для того, чтобы провести разницу между художественной и нехудожественной литературой, и поэтому возникает вопрос: включает ли в себя понятие «литературности» (literackości), которым пользуется автор, эстетический признак красоты? Если да, то почему это не оговорено? Вообще надо заметить, что, кроме спорадических упоминаний об эстетической функции литературы, в книге нет никаких указаний на значение этой проблемы, и это я считаю самым серьезным ее недостатком. Каким бы запутанным и неопределенным ни казалось понятие красоты, но оно прочно вошло в научный обиход, и ему слишком много уделяли внимания представители различных литературных направлений, чтобы его можно было игнорировать. Если же «литературность» не включает в себя признак красоты, то это — слишком широкий термин, и можно заранее сказать, что попытка установить с его помощью какую-то грань между «литературой» и «нелитературой» ни к чему не приведет. Впрочем, и сам Г. Маркевич не питает тут больших надежд, хотя и по другой причине. Он полагает, что литература по природе своей гетерогенна (стр. 57) и вследствие этого вопрос о возможности определить ее специфику крайне проблематичен. В этой связи он ссылается на стирание границ «между литературой и философией, наукой, репортажем и публицистикой» (стр. 60). Но, верно схватывая одну сторону этого процесса, он, как мне кажется, упускает из виду его оборотную сторону — ту, что это «стирание границ» есть вместе с тем необходимым условием прогрессирующего размежевания художественной и нехудожественной литературы, их дальнейшей специализации. Если бы в настоящее время происходило только «стирание границ», то в ближайшем будущем мы вправе были бы ожидать полного слияния словесного искусства с наукой, а в действительности наблюдается нечто противоположное — такое разветвление познавательных функций, что даже специалисты одной и той же области иногда перестают понимать друг друга. Таким образом, мы вновь и вновь сталкиваемся с задачей уловить эту постоянно ускользающую от нас специфику художественной литературы. «В заключение, — говорит Г. Маркевич, — напрашивается вопрос: а может быть, все-таки удастся найти какой-то общий знаменатель для указанных трех черт „литературности“, который обособил бы объективное род-

ство произведений, считаемых литературными, а опосредованно — и относительное единство предмета литературных исследований?» (стр. 63). Думается, что такой «общий знаменатель» давно уже найден — это красота. Но какова ее природа — вот гвоздь вопроса.

Раздел «III. Способ существования и построение литературного произведения» пекорует свежесте и смелостью многих частных суждений, а также глубиной общей концепции. Суть ее сводится к мысли, согласно которой структура произведения образуется в сфере «высших смысловых единиц» («wyższych układow znaczeniowych»), опирающихся на синтаксическо-смысловую связь предложений в тексте и знаковую систему языка. Эта идея, прокладывая себе путь в литературоведение, общает привести, по всей вероятности, к весьма любопытным и плодотворным результатам. Но если в общей формулировке Г. Маркевича она не вызывает сомнений, то попытка конкретизировать ее спорна. Прежде всего неясно, на какую посылку опирается исследователь, рассуждая о структуре литературного произведения, если он — как это мы знаем из предыдущего раздела — усомнился даже в самой возможности определить специфику литературы. Ведь нельзя же конструировать особую структуру того, что неоднородно и что, согласно сделанному допущению, возможно и не имеет своего особого, специфического содержания! Во-вторых, что означает в понимании исследователя литературное произведение? В обычном значении «литературное произведение» (вообще) есть весьма тощая абстракция немногих существенных признаков, которыми беллетристическое сочинение отличается от всех других. Реально оно существует лишь в виде повторяющихся элементов, сторон и связей бесчисленного ряда отдельных сочинений самых различных жанровых разновидностей, видов и родов. Но конкретно оно не существует и потому возникает вопрос: можно ли говорить о структуре литературного произведения вообще, не гипостазировав ее? Эти сомнения еще более возрастают, когда убеждаешься, что предложенное Г. Маркевичем описание построения литературного произведения шире структуры отдельных вещей, например лирических. Последнее доказывает, что данная схема (или структурный реестр?) включает в себя, кроме общего, также и особенное, свойственное одной части произведений и не присущее другой, и уже в силу этого такая характеристика построения литературного произведения не может считаться безупречным обобщением. Эмпирическая традиция Аристотеля тут, по-видимому, была бы более уместной и плодотворной.

Немало любопытных авторских мы-

³ Этим термином автор обозначает наращивание смысла в тексте за счет языковых компонентов, например ритмизации высказывания.

слей и ценнейшую информацию о различных толкованиях роли художественного вымысла заключает в себе также раздел «V. Вымысел в литературном произведении и его познавательное содержание». Но если оставить в стороне общий материалистический подход к делу, то и здесь обозначится тот узкий дискуссионный аспект, в каком польский ученый пытается раскрыть познавательное значение вымысла.

Мы знаем, что, согласно Маркевичу, структура литературного произведения определяется в сфере «высших смысловых единиц». Отсюда, между прочим, следует, что отдельные предложения могут сохранять печать своей «литературности» лишь до тех пор, пока они являются органическими элементами этих «высших смысловых единиц», и необходимо должны терять свою «беллетристическую» определенность, если они вычлениются из них. Подобно тому, как по свойствам дерева, кирпича и железа, расписанным теорией сопротивления материалов, нельзя еще судить непосредственно о качестве, прочности, удобстве воздвигнутого сооружения, так и по свойству отдельных фраз нельзя умозаключить о качестве и истинности составленного из них произведения, будь то беллетристическое, философское или какое угодно другое. Вне особого контекста «высших смысловых единиц» любое предложение становится обычной формой суждения, которое как таковое — в сфере действия законов формальной логики — может рассматриваться, например, как ассерторическое на всех ступенях градации этого термина. В по-

исках ответа на вопрос, в чем заключается познавательное значение вымысла, Г. Маркевич обращается, в частности, к такому аспекту проблемы. И тут вновь возникает неясность: служат ли его рассуждения доказательству того, что на путях анализа отдельных предложений невозможно раскрыть познавательную природу вымысла, или, наоборот, являются попыткой переключить мостик между ассерторическим характером части суждений и правдивостью вымысла в литературном произведении.

Затронутые здесь вопросы, конечно, не исчерпывают всех дискуссионных моментов книги Г. Маркевича. Это должно быть ясно из самого ее характера: она вся нацелена на то, чтобы будить мысль, будить сомнения во всем том, что только кажется простым и решенным, а на деле не является таковым. Неумная жажда истины и стремление к научной точности — вот цель этих сомнений. Поэтому, полемизируя с автором, невольно вспоминаешь старое диалектическое изречение: в споре рождается истина. Кому удастся постигнуть ее, покажет будущее, а сейчас можно с полной уверенностью сказать только то, что в постановке таких дискуссионных вопросов, от решения которых зависит дальнейший прогресс научной мысли, Генрику Маркевичу принадлежит немалая заслуга, характеризующая его как одного из ведущих литературоведов-марксистов нашего времени.

И. К. Горский

1. MATUSKA. *Rudolf Jašík. Bratislava, 1964, 135 s.*

1. МАТУШКА. *Рудольф Яшик*

«...Каждый социалистический писатель и поэт, достойный этого звания, должен сам и запово, своим личным пережитым и познанным утверждать идеал, который он представляет; только так он обогатит и умножит его», — этим выводом заканчивает развернутое эссе о Рудольфе Яшике известный словацкий литературовед Александр Матушка. Аспект его исследования чрезвычайно актуален: Матушка стремится показать своеобразие творчества Яшика, он ищет эстетический яшиковскую тему во всех пяти опубликованных произведениях этого рапо умершего (1960), на редкость одаренного прозаика.

Верный своему замыслу, Матушка в первом разделе монографии («Мировоззрение») воссоздает образ Яшика — человека и гражданина. Причем собственно биографические сведения привлекаются

им в минимальном объеме, ибо, по мнению критика, «Яшик принадлежит к писателям, которые реализуют свою внутреннюю биографию в творчестве... Посредством творчества он формирует самого себя». В этой связи Матушка склонен видеть в произведениях Яшика этапы самопознания, продиктованные и обусловленные интересами познания объективно существующей реальности. Субъективное и объективное слито воедино, но регулятором единства остается субъективное, или лирическое, пользуясь терминологией Матушки. Вторжение лирической стихии в эпiku в общем отвечало задачам освобождения словацкой прозы от схематизма. Яшик решительно отказался от заданности кощениций; там, где другие, удовлетворившись социально-психологической характеристикой, готовы были ставить точку, Яшик лишь на-

чинал исследование души человеческой. «Удел человека, его судьба — вот собственная „тема“ Яшика с начала и до конца». Социальное, человеческое, вечное — аспекты рассмотрения этой темы.

Установив основные константы яшиковской системы видения мира, Матушка во втором разделе книги («Художник») прослеживает реализацию его творческих принципов в собственно художественной структуре конкретных произведений. Его анализ сводится к определению типа Яшика-художника. «База Яшика, — пишет Матушка, — детство, собственная жизнь, личный опыт и личная заинтересованность, прочувствованность и лиризм». В его произведениях всегда существуют два пласта изображения: действительность реальная, видимая, осязаемая и то, что привносится в нее индивидуальной человеческой фантазией, эмоциями, вечной неудовлетворенностью сущим. «Каждый человек — это мир для себя». — как бы случайно обронил Яшик уже в первом своем романе «На берегу прозрачной реки» (1957). Матушка совершенно прав, выделяя это и другие, подобные этому, суждения как наиболее адекватно отражающие художественное кредо писателя.

Действительность, как тонко показывает Матушка, не существует для Яшика вне конкретного человека. Его книги носят характер воспоминаний, в известном смысле их можно отнести к историческому жанру. Яшик чрезвычайно скрупулезно отфильтровывал детали быта и приметы соответствующего периода, будь то период буржуазной республики или так называемого Словацкого государства. Он старательно избегал «осовременивания» материала, не упрощая своим героям пути в будущее за счет собственного знания перспективы общественно-исторического развития. Может быть, поэтому в его книгах преобладают пасмурные, хмуроватые краски. Пасмурной, а передко безысходно трагической была действительность того времени. Ее отрицание у Яшика достигается особым способом: погружаясь в глубины человеческого духа, он обнаруживает там пласты подавляемого враждебной средой перестраченного тепла, любви, органической тяги к справедливости. И повествование о маленьком человеке, о неустрашенной судьбе, о калейдоскопе мелочей, затягивающих сердце тинной равнодушия или усталости, обретает новое измерение. По образному выражению Матушки, «Яшик возводит конкретный случай из категории часа в категорию Времени». Или иными словами: от точной детали стремится к символу, расширяющему гор-

изонты читательского восприятия, вводящему в рассказ о реальном элементе желаемого, должного.

Стихия Яшика — внутренний монолог. В этом смысле его последний роман — «Мертвые не поют» — образец подлинно полифонического произведения. В этом первом томе неоконченной трилогии Яшик-художник обнаружил новые грани своего таланта, оказался способным реализовать большой эпический замысел, причем реализовать по-своему, не прибегая к горизонтальным разрезам общественной жизни, а идя скорее по вертикали — стремясь к глубине и интензивности изображения, а не к максимально широкой панораме жизни. А. Матушка подмечает изменение творческой позиции писателя, его прямое обращение к узловым конфликтам эпохи в этом романе, но, на наш взгляд, как раз в анализе романа «Мертвые не поют» он в угоду своей общей концепции недооценивает значение этого произведения. Матушка по-прежнему ищет «лирика», гиперболизирует индивидуальные моменты стиля Яшика (острота сопереживания, стремление к метафоре и обобщенному символу и т. п.). Думается, что в этом случае гораздо плодотворнее судить роман по законам внутренней консолидации творчества писателя, от балладической прозы явственно продвигавшегося к прозрачной и глубоко реалистической эпике.

Впрочем, страстное, местами даже запальчивое эссеистское исследование А. Матушки отнюдь не претендует на открытие абсолютной истины. Его оригинальная концепция творчества Яшика сознательно заострена против узкого (в смысле канонической регламентации приемов) понимания реализма. Продолжая свою давнюю линию, Матушка отстаивает принцип «открытого реализма», точнее, принцип «открытого творчества». В Рудольфе Яшике он почувствовал художника, прокладывавшего собственную тропу в литературе, и весь нафос своего анализа обратил на выявление этого. Вполне вероятно, что будущие исследователи кое в чем не согласятся с Матушкой, внесут существенные поправки в его толкование творческой эволюции Яшика, отыщут больше связей у Яшика с предшественниками и современными писателями, тем не менее каждому из них придется считаться с этой интересной и яркой работой, впервые охарактеризовавшей в целом вклад Яшика в современную словацкую литературу, давшей ключ к пониманию его творческой индивидуальности.

Ю. Богданов

ЮГОСЛАВСКИЙ УЧЕНЫЙ О РОМАНАХ ПОЛЬСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Филологический факультет Белградского университета выпустил очередную книгу из серии «Монографии» — книгу профессора Стояна Суботина «Романы Теодора Томаша Ежа (Зыгмунта Милковско-го) о югославах»¹.

В польской критике так называемые славянские романы Т. Т. Ежа (1824—1915) единодушно признаны лучшей частью его исторической прозы и потому основательнее других изучены польскими исследователями (М. Островская, Е. Бомбала, С. Паперковский и др.). Они же пользовались особым вниманием и за рубежом, в частности обстоятельно рассматривались итальянской исследовательницей М. Берсано-Бежей² и современной болгарской филологической В. Смоховской-Петровой³. Наконец, появилось обширное исследование югославского ученого, проанализировавшего романы Ежа на сюжеты из жизни сербов и хорватов («Ускоки», «Невеста Гарам-паши», «Дахлевщина», «Славянский герцог» и др.).

Опираясь на обширную научно-критическую литературу о Еже и на мемуары самого писателя, С. Суботин широко освещает в своей книге те моменты, кото-

рые связаны с пребыванием польского романиста в Сербии и пробуждением его интереса к прошлому югославских народов. По мнению С. Суботина, польские литературоведы преувеличивали действительную осведомленность писателя в области истории южных славян и явно завышали познавательное значение его произведений. Обоснованию этой мысли в значительной мере и подчинен анализ «югославских» сюжетов, обнаруживающий во многих случаях разительное несоответствие исторических персонажей Ежа облику известных историй лиц. Автор объясняет это отчасти случайным выбором источников, отчасти недостаточным знанием обычаев и нравов Сербии, а также успешностью романиста в работе над произведениями, приводившей его к досадным вольностям в интерпретации исторических данных.

В заключительной главе книги С. Суботин останавливается на переводах славянских романов Ежа в Югославии и откликах о нем в печати. Собранный материал не подтверждает версию некоторых польских ученых о широкой известности Ежа в Югославии, хотя в Польше его славянские романы пользовались огромной популярностью. Сдержанно оценивает югославский ученый (в чем, кстати, он не одинок) также и художественные достижения Ежа. Вместе с тем он с уважением пишет о патриотическом пафосе и национальных чувствах польского беллетриста, о его стремлениях всемерно укреплять содружество славянских народов.

И. К. Горский, А. В. Каллош

«Literární archiv». Sborník Památníku národního písemnictví. Praha, 1966
«Литературный архив». Сборник Музея национальной письменности

Вышедший в 1966 г. сборник «Литературный архив» является первым номером ежегодника, который предполагает издавать Музей национальной письменности (Památník národního písemnictví) в Праге. Этот музей — богатейшее в стране собрание образцов национальной письменности, начиная с глубокой древности вплоть до наших дней. В 1964 г. к его фондам был присоединен литературный архив Национального музея.

Редакционный совет ежегодника возглавляет Ярослав Вацлавков, директор Музея, вдова известного чешского писателя Берджиха Вацлавка, погибшего от руки фашистских оккупантов. В совет входят: Франтишек Батьга, Антонин Богач, Яромир Лоужил, Эмануил Мацек, Ярмила Моуркова и др.

Задачи ежегодника «Литературный архив» редакционный совет сборника видит

в том, чтобы «публиковать литературно-исторический материал, как-то: неопубликованные рукописи, литературную корреспонденцию, иконографический материал, причем главным, но не единственным источником публикации являются богатые фонды архива Музея национальной письменности» (стр. 3). Все эти материалы облегчат исследование литературно-исторического процесса. При этом редакционный совет стремится создать современное, научное и интересное для читателей издание. Одна из важных задач сборника — рассмотрение актуальных проблем архивного дела, проблем литературоведческой документации. Ежегодник «Литературный архив» предполагает публиковать информацию об архивных фондах Музея национальной письменности, а также иных музеев, библиотек и архивов.

«Литературный архив» 1966 г. содержит

много ценного и разнообразного материала — «на все вкусы». Часть материалов носит характер чисто публикаторский, часть — является научно-исследовательскими статьями, есть рецензии (И. Цврчек, Я. Шула «Новотный в Добрушке»). Ежегодник завершается ценным библиографическим указателем архивных материалов, изданных Литературным архивом Музея национальной письменности (составитель — Я. Вагнер).

Сборник открывается публикацией, посвященной 400-летию со дня рождения Шекспира. Р. Гавел, М. Гержман и М. Отруба впервые публикуют по рукописи первые чешские переводы «Короля Лира», сделанные П. Шедивым, Й. Тылом (Рукопись перевода Тыла считалась утерянной, но была обнаружена 15 лет тому назад проф. М. Богачеком в замковой библиотеке в Рыхнове под Кнежной), а также те части перевода Л. Челаковского (сына Ф. Л. Челаковского), которые значительно отличаются от его книжного издания.

Индрижк Халупецкий подготовил публикацию фрагментов произведений поэта Галаса (1901—1948) «Потоп» и «Голод», рукописи которых были найдены после его смерти.

«Потоп» — это цикл из девяти стихотворений, символически соответствующих девяти волнам легендарного потопа. Он создан в военные годы. К этому циклу примыкают 6 стихотворений «Знамения потопа», созданные после войны.

«Голод» был задуман как поэма или поэтический цикл. План создания и первые наброски этого произведения относятся к концу 30-х годов, однако поэт работал над ними только после войны. Издатель публикует также наброски нескольких стихотворений и странички с авторскими пометками, которые были найдены вместе с фрагментами «Голода» и «Потопа».

И. Халупецкий уже публиковал данные материалы в журнале «Тварж» (№ 1, 1964 г.), однако тогда он не располагал еще всеми рукописями¹. В 1965 г. в г. Брно в издательстве «Блок» вышли в свет эти произведения Галаса в популярном издании, рассчитанном на широкого читателя. В связи с этим данная публикация рукописей имеет известное научное значение.

Зденек Гарса подготовил публикацию дневниковых записи одного из талантливых чешских поэтов-сатириков начала XX в. — Иржи Гауссмана «Какой я есть». Запись скорее всего относится к началу творческих поисков поэта (он умер от туберкулеза в 1923 г., 24 лет от роду) и ярко раскрывает его внутренний мир, страст-

ные поиски смысла жизни, путей достижения справедливости и добра, стремление к самопознанию. Эта небольшая по объему публикация имеет большой научный смысл, помогает лучше и глубже понять духовный облик одного из ярких и своеобразных чешских поэтов.

Значительное место в «Литературном архиве» посвящено личности и творчеству Франца Кафки: статьи Ф. Каутмана «Франц Кафка и Чехия» и Е. Штиковой «Произведения изобразительного искусства, инспирированные творчеством Ф. Кафки».

Используя дневники и письма писателя, Ф. Каутман доказывает, что Кафка хорошо говорил и писал по-чешски, внимательно следил за чешской культурной жизнью. Критик пишет о возможности установления, хоть отдаленной, но родственной близости Кафки с творчеством некоторых чешских писателей рубежа XIX—XX вв. и его современников (например, Ю. Зейера, Ф. Галаса, В. Грубина и др.). Ф. Каутман останавливается также на истории первых переводов произведений Кафки на чешский язык и приводит отклики чешской прессы на его смерть. Основные выводы автора этой статьи сводятся к тому положению, что Кафка стал достоянием чешской культурной общественности не после XX съезда КПСС, не после разоблачения культа личности, но уже в 30—40-е годы, когда творчество писателя стало частью чешской литературной жизни.

Интересная статья «Отношения Антонина Хитусси с Августой и Зденкой Браунер» В. Гельмут-Браунера построена на исследовании малоизвестной корреспонденции талантливого чешского художника-пейзажиста и его близких друзей Августы Браунер и ее дочери Зденки, письма которой ошибочно считались утерянными. Эта корреспонденция может много дать исследователю творчества одного из выдающихся чешских художников прежде всего потому, что наиболее оживленная переписка шла в годы его пребывания в Париже, когда складывался, формировался творческий облик художника, настойчиво искавшего свой стиль. Письма дают богатейший материал, характеризующий отношение художника к различным направлениям и школам в искусстве, его творческие устремления, мучительные поиски собственного своеобразного почерка в живописи, впечатления о французских художниках, отчеты о собственных выставках и т. д.

Настоящий том «Литературного архива» содержит также ряд небольших заметок, носящих более узкий, частный характер (см., например, Е. Урбанкова «Несколько заметок к чешскому изданию „Institute“ Кальвина», М. Гержман «Школьная цензура двух сказок Б. Немцовой» и др.).

¹ О месте данных произведений в творчестве Галаса Ф. Халуцкий писал как в указанном номере журнала «Тварж», так и журнале «Пламен», № 10 за 1964 г. («Путь Ф. Галаса»).

Нам кажется, что новое издание, принятое Музеем национальной письменности в Праге, если судить по первому тому «Литературного архива», встретит ин-

терес и доброжелательный отклик у всех, занимающихся чешской литературой, и принесет ощутимую пользу науке.

А. П. Соловьева

RYSZARD ŁUŻNY. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska (Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich XVII—XVIII w.). Kraków, 1966

РЫШАРД ЛУЖНЫЙ. Писатели круга Киево-Могилянской академии и польская литература (Из истории польско-восточнославянских культурных связей XVII—XVIII вв.)

В истории культурного общения Польши с восточными славянами особое место занимает Киево-Могилянская академия. Можно даже сказать, что Академия в XVII — начале XVIII в. была центром этого общения. И не только потому, что она широко использовала различные польские сочинения и в значительной мере вела преподавание на польском языке, но еще и потому, что многие выпускники Академии, попав в Россию, пропагандировали польскую культуру. Само по себе это наблюдение не является чем-то новым, но трудов, посвященных специально данной проблеме, мы до сих пор не имеем. Дело обычно сводилось к указанию отдельных фактов, а еще чаще к простому постулированию этого положения. Сочинения же на польском языке, написанные выпускниками Академии, среди которых было немало выдающихся деятелей украинской, белорусской и русской культуры, не рассматривались даже и в самом общем плане. Существеннейшим восполнением этих недостатков и служит книга Р. Лужного. Монография состоит из трех частей: 1) Язык и польская литература в среде Академии; 2) Обучение поэтике и риторике; 3) Польское творчество писателей из круга Академии.

Особенно ценным разделом книги является второй. На богатейшем рукописном материале, почти неизвестном до сих пор, с исключительной обстоятельностью Р. Лужный показал сам процесс освоения польской культуры в Академии, пути и средства ее проникновения. И поэтому совершенно закономерно было обращение автора к учебникам риторики и поэтики. Р. Лужный выявил, проанализировал 14 таких рукописных учебников, очень сложных по своему содержанию. Им были отысканы польские источники или аналогии этих учебников, рассмотрены те литературные примеры и цитаты, которыми изобилуют риторика и поэтика. Совершенно справедливо и достаточно аргументированно Р. Лужный пишет о том, что в Академии поразительно быстро узнавали о новых польских произведениях и широко использовали их в процессе преподавания (стр. 45). Это является важным фактором, показывающим отнюдь не про-

винциальный уровень киевской школы. Более того: в учебниках можно найти примеры даже критического отношения к некоторым польским сочинениям. Интересно, что стихи Квяткевича уже в начале XVIII в. были подвергнуты критике в Академии, тогда как в самой Польше они были критически рассмотрены лишь в начале XX в. Впрочем, такой критический подход мы находим в учебниках лишь с начала XVIII в. Особое внимание Р. Лужный уделил отношению киевских ученых к польской традиции, постепенно ее изменению в сторону большей критичности и самостоятельности.

В киевских учебниках начиная с конца XVIII в. мы все чаще находим примеры собственного литературного творчества их авторов, стремящихся не ограничиваться цитированием или простым подражанием произведениям польской литературы. Интересны отмечаемые Р. Лужным случаи воспроизведения в учебниках документальных материалов и писем государственных деятелей. К сожалению, автор не указывает, известны ли эти материалы по другим рукописям, каково их содержание и чем вызван интерес к ним с литературной точки зрения.

Р. Лужный справедливо отмечает и еще одну важную черту, которую можно рассмотреть как показатель развитости риторики и поэтики в киевской школе, — литературные примеры на украинском или русском языках. В 1737 г. Довгалевский уже целиком строит свою Поэтику на русском материале¹.

Однако Р. Лужный недооценил оригинальность самого метода преподавания в Академии, не сопоставил во всей полноте киевских учебников с польскими. При этом он неоднократно повторяет положение о том, что никакой собственной традиции риторики и проповеднической, да вообще литературной деятельности на родном языке на Украине XVII в. не имело (стр. 26 и 72). «Преподавание рето-

¹ Здесь хотелось бы отметить, что слово «украинский» почти не употребляется в монографии, так что понятие русский может вообще обозначать «восточнославянский».

рики вследствие отсутствия собственной традиции опиралось исключительно на чужие латинские образцы... обращались к польско-латинским примерам, старались согласовать общие основы риторического искусства с потребностями церковно-славянского языка».

С этим высказыванием Р. Лужного нельзя согласиться. XVI и особенно XVII в. — это эпоха подъема украинской и белорусской литературы. Такие выдающиеся писатели, как Иван Вишенский, Мелетий Смотрицкий, Захарий Копыстенский, Иоанн Голытовский, писали не только на польском, но и очень часто на родном языке (сознательное использование ими церковно-славянских архаизмов в данном случае ничего не доказывает). Этот факт не подлежит сомнению и давно признан историками украинской литературы. Что же касается употребления на Украине и Белоруссии XVII в. церковно-славянского языка наряду с родным, то это объясняется не слабой развитостью украинского или белорусского языков, а желанием возродить великие культурные традиции Киевской Руси. При этом именно ораторскому искусству Киевской Руси уделялось большое внимание. В рукописные сборники XVII в. все чаще включаются проповеди митрополита Иллариона, Кирилла Туровского. Киевский митрополит Петр Могила даже поднимает вопрос о необходимости издания сочинений Кирилла Туровского. И что особенно существенно — памятники ораторского искусства Киевской Руси не только просто воспроизводятся, но и служат образцом, используются при создании новых произведений (см., например, «Учительное евангелие» Кирилла Транквилиона²).

² М. Возняк. История украинской литературы. Т. I. Львів, 1920, стр. 444.

R. LÖTZSCH. *Einheit und Gliederung des Sorbischen*. Berlin, 1965, 30 S+2 карты («Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst», Jahrgang, 1965, № 7)

Р. ЛЕЧ. Единство и членение серболужицкого языка

В работе Р. Леча уделяется главное внимание доказательству того, что язык, на котором говорят лужичане, представляет собой единый серболужицкий язык, а термины «верхнелужицкий» и «нижнелужицкий» характеризуют лишь диалекты этого единого языка. Доказательство построено логично и убедительно и опирается на следующие положения.

Общепризнано, что при разграничении понятий «язык» и «диалект» структурные соображения не могут быть решающими. Языковедам известны много-

численные факты, когда диалекты какого-либо языка заключают в себе больше структурных различий, чем бесспорно разные языки. Р. Леч принимает тезис о том, что территориальные границы между близко родственными языками совпадают с национальными границами. Действительно, опираясь только на собственно лингвистические данные, невозможно, например, обнаружить границу между диалектами русского и белорусского языков в западной части территории РСФСР. Диалекты, распространенные в Смолен-

Все историки русской и украинской литературы XVII — начала XVIII в. несомненно с большим интересом встретят III часть исследования Р. Лужного, посвященную «польскому творчеству» писателей из круга Академии. В этой связи автор говорит о таких писателях, как Симеон Полоцкий, Лазарь Баранович, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович. Анализ польских произведений Феофана Прокоповича позволил исследователю сделать вывод, что его «язык... свободен, местами богатый и смелый, всюду совершенно правильный, свободный от склонности к мажорнизам и преувеличениям в духе эпохи подражания античности, выдержан с этой точки зрения на уровне лучших образцов польской литературы XVII в.» (стр. 138).

Автор поступил совершенно правильно, объединив вопрос об освоении польской культуры в Киевской академии с проблемой «польского творчества» выходцев из нее. Благодаря этому удалось особенно четко и убедительно показать ту неразрывную связь, которая существовала между литературами Польши и восточных славян в XVII в. По-видимому, дальнейшее исследование позволит с еще большей полнотой раскрыть историю культурного общения славянских народов, прекрасным специалистом в области которой зарекомендовал себя автор рецензируемой книги.

А. И. Рогов

Более подробно о традициях литературы Киевской Руси на Украине и Белоруссии см.: Н. К. Гудзий. Традиции литературы Киевской Руси в старых украинской и белорусской литературах. В сб.: «Славянские литературы». Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 14—46.

ской и Брянской областях, имеют все признаки, которые обычно рассматриваются как структурные признаки белорусского языка в его противопоставлении русскому, а их накопление идет постепенно в направлении с востока на запад. Однако носители этих диалектов считают себя русскими, язык свой называют русским, и это сознание своей национальной принадлежности может быть в данном случае единственным критерием.

Р. Леч убедительно показывает, что авторы работ, в которых так или иначе затрагивается вопрос об отношениях между верхнелужицким и нижнелужицким, обычно не обращаются к национальному самосознанию лужичан и вообще оставляют в стороне вопрос об этнических отношениях. Положение о существовании двух (или даже трех) самостоятельных серболужицких языков опирается на наличие двух литературных языков: верхнелужицкого и нижнелужицкого. По мнению автора, при использовании этого критерия необоснованно переносят характеристику, типичную для развитой нации, на народ, в истории которого консолидация в буржуазную нацию только намечалась, но в силу исторических условий не была завершена. Таким образом, вопрос об одном или двух серболужицких языках лужно решать, предварительно рассмотрев взаимоотношение языка и диалекта применительно к донациональному периоду развития. Автор замечает, что большинство современных наций сложилось на базе средневековых народностей. Если исключить образование единого национального рынка, появившегося только с победой капитализма, то все другие черты, характерные для наций, отличающей уже и народности, существовавшие в эпоху феодализма. К числу этих черт относится и единство языка, которое в период существования народности вполне создавалось независимо от степени развития и состояния языка письменного и от того, какой диалект лежал в основе формирующегося литературного языка и был ли этот формирующийся литературный язык единым. Сознание языкового единства, возникающее как следствие консолидации народности, внешне выражается в появлении специального наименования языка, которое производно от этнонима, называющего образовавшееся этническое единство.

Автор останавливается на возникновении словацкой и словенской народностей, считая историю их формирования поучительной для решения поставленных вопросов. Во-первых, образование этих народностей показывает, что для консолидации в донациональный период не обязательно существование самостоятельного государства. Во-вторых, известные структурные особенности словацкого языка, противопоставляющие его чешскому и

сближающие с южнославянскими языками, свидетельствуют о том, что в консолидации принимали участие элементы, весьма разнородные в языковом отношении. То же самое можно сказать применительно к словенцам, в языке которых наблюдаются западнославянские черты.

У лужичан консолидация в единую народность завершилась, по мнению Р. Леча, к тому времени, когда этнонимы средневековых источников *Milzeni* и *Lusici* были заменены этнонимом *Serb*, но сам этот процесс невозможно проследить в деталях. Уже начиная с самых ранних серболужицких письменных памятников (XVI в.) речь идет о едином языке (*serbska řeč*, *serbska řeč*), хотя памятники эти отражают значительные структурные различия соответствующих диалектов. Немецкие источники, постоянно использующие этноним *Wende* и прилагательное *wendisch* для обозначения языка лужичан, не могут быть в данном случае доказательством, поскольку эти термины применяются по отношению ко всем славянам, жившим на территории Германской империи; зато в устах лужичанина те же слова бесспорно соответствуют лужицким *serb* и *serbski*. Термины *oberlausitzisch* и *niederlausitzisch* (и соответствующие лужицкие эквиваленты) начинают разграничиваться лишь на рубеже XVII—XVIII вв. в связи с формированием двух литературных языков, причем авторы все-таки продолжают говорить о едином языке (или подразумевать единый язык), как видно из различных прямых и косвенных свидетельств, приводимых Р. Лечем. Такая же картина открывается при рассмотрении истории грамматической литературы и словарей.

Вывод, к которому приходит Р. Леч, заключается в том, что лужичане представляют этническое единство, пользующееся единым серболужицким языком, а противопоставление верхнелужицкого и нижнелужицкого как самостоятельных языков, возникшее лишь в XX в. и отраженное в ряде работ, ошибочно.

Признавая рассмотренные положения вполне обоснованными, нужно все-таки отметить, что многие современные исследователи, привлекающие показания серболужицкого языка, используют их для решения вопросов сравнительной грамматики славянских языков. Употребляя термины «язык» и «диалект», эти исследователи не стремятся к строгой дифференциации указанных терминов просто потому, что с точки зрения задач сравнительной грамматики между современными языками и диалектами принципиальной разницы нет.

Последние страницы работы Р. Леча посвящены уточнению диалектологической карты серболужицкого языка, причем автор привлекает данные новейших диалектологических исследований. Вопрос

этот тесно связан с вопросом о единстве серболужицкого языка, поскольку в истории серболужицкой диалектологии имели место попытки определить каждый диалект однозначно как относящийся к верхнелужицкому или нижнелужицкому языку. Наиболее ценной здесь представляется морфологическая характеристика переходных говоров, которая показывает,

что классификация Эд. Штибера, основанная только на фонетических фактах, недостаточна. По мнению Р. Леча, переходные говоры с самого начала существования серболужицкой народности имели смешанный характер.

М. А. Михайлов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ. ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1966—1967 гг. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения братских стран и партий, внешняя политика

Гомулка В. Крепить мир и безопасность народов. (Выступление на воеводской конференции ПОРП в Катовицах 9 февр. 1967 г.) — «Правда», 1967, 10 февр.

Колобков В. В. Світова система социалізму і основні проблеми її розвитку. Укр. істор. журнал, 1967, № 1, с. 55—62.

Кюльовский И. Новые процессы на Балканах. (О политическом и экономическом сотрудничестве социалистических балканских стран). — «Новое время», 1967, № 8, с. 11—13.

Сергеева Н., Трофимова И. Люди и проблемы. Корреспонденция из Югославии. — «Новое время», 1967, № 4, с. 8—10.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

А. Л. Болгарские экономисты о хозяйственной реформе. (Обзор болгарских экономических журналов за 1966 г.). Вопр. экономики, 1967, № 2, с. 158—160.

Арсов П. Новая форма расчетов в Болгарии. — «Деньги и кредит», 1967, № 2, с. 78—85.

Благович Б., Круль В. Сущность и формы управления югославской экономикой. Советск. гос. и право, 1967, № 1, с. 106—113.

Блажейчик М. Правовые аспекты социалистического преобразования сельского хозяйства в Польше. Советск. гос. и право, 1967, № 2, с. 99—103.

Валевская В. Торговля Польши с капиталистическими странами (с 1946 г.). Внеш. торговля, 1966, № 12, с. 41—43.

Валтер Я. Исследование изменчивости коэффициентов эластичности спроса в зависимости от дохода. — «Ученые записки по статистике», М., 1966, т. II. Статистическое изучение спроса и потребления, с. 32—52.

Волков Н. Структура взаимной торговли стран СЭВ. Внешн. торговля, 1966, № 12, с. 10—13.

Вопросы совершенствования системы многосторонних расчетов в переводных рублях. Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1966, № 6, с. 44—46.

Глукман П. Об эффективности специализации и кооперирования производства стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1967, № 2, с. 76—85.

Дружба, взаимопонимание. Коммюнике о двадцать восьмом заседании Исполнительного комитета Совета Экономической Взаимопомощи (Москва, 21—24 февраля 1966 г.). Экономич. газета, 1967, № 9, с. 40.

Зотова Н. О совершенствовании структуры внешней торговли (в странах СЭВ). — «Плановое хозяйство», 1967, № 1, с. 66—70.

Ильин А. И. Новая система планирования и экономического стимулирования на транспорте социалистических стран. Железнодорожн. транспорт, 1967, № 1, с. 88—92.

Киряков К. Труды Экономического института Болгарской академии наук (О деятельности Института). Вопр. экономики, 1967, № 2, с. 155—158.

Козлов В., Перельман М. Братское сотрудничество. (О строительстве межгосударственных объектов стран — членов СЭВ). — «Экономика строительства», 1967, № 2, с. 60—63.

Краткий обзор развития внешней торговли стран — членов СЭВ в 1965 году. Бюл. экономич. информации (СЭВ), 1966, № 6, с. 42—44.

Либман Г. От Октября — к мировой системе социализма. (Об успехах в экономическом развитии стран — чле-

нов СЭВ). Научн. докл. высшей школы. Экономич. науки, 1967, № 2, стр. 3—12.

Лукеш В. Основные аспекты пятилетнего плана развития народного хозяйства Чехословакии. Вопр. экономики, 1967, № 2, стр. 99—101.

Митренг Я. В центре внимания — технический прогресс. (О сотрудничестве стран — членов СЭВ в угольной промышленности). Экономич. газета, 1966, № 3, с. 41.

Митрофанова Н. Технический прогресс и цены (в социалистических странах). План. хозяйство, 1967, № 1, с. 70—73.

Павлов В., Горелов Г. Страпы социализма и европейское сотрудничество. Междунар. жизнь, 1967, № 2, с. 22—25.

Павловский З. Анализ влияния распределения населения по доходу на уровень потребления. — «Учебные записки по статистике», М., 1966, т. II. Статистическое изучение спроса и потребления, с. 53—62.

Перечень некоторых статей и других материалов, опубликованных в газетах и журналах стран — членов СЭВ (по вопросам экономического сотрудничества и экономического развития). Бюл. экономич. информации (СЭВ), № 6, с. 68—75.

Прохоров Г. Внешние экономические связи социалистических стран — важный фактор повышения эффективности общественного производства. Вопр. экономики, 1967, № 2, с. 66—75.

Сафиров Ю. М. Жилищно-бытовое обслуживание трудящихся в Чехословакии. Гор. хозяйство Москвы, 1967, № 1, с. 40—43.

Сергеев Ю. Координация фрахтования (между странами СЭВ). Внешн. торговля, 1966, № 12, с. 14—16.

Смолянский В. Экономические связи социалистических стран и идеологии антикоммунизма. Вопр. экономики, 1967, № 1, с. 81—90.

Соколов А. Разработка методологических проблем экономического сотрудничества стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1967, № 1, с. 99—105.

Тарповский О. Кредит в промышленности европейских социалистических стран. — «Деньги и кредит», 1967, № 1, с. 72—80.

Телефус А. М. Экономические реформы в социалистических странах Европы. Нов. и новейшая история, 1967, № 1, с. 3—16.

Успешный старт новой пятилетки. (Об итогах выполнения планов развития народного хозяйства в Болгарии, Румынии, Чехословакии и Польше в 1966 г.) Экономич. газета, 1967, № 8, с. 39—40.

Шанина В. А. Основные положения единой методики определения себестоимости морских перевозок стран — членов СЭВ. — «Труды» Государствен-

ный проектно-конструкторский и научно-исследовательский институт морского транспорта), М., 1966, вып. 13. Экономика и эксплуатация морского транспорта, с. 15—24.

Ширяев Ю., Ладыгин Б. Экономические закономерности развития мирового социализма. — «Коммунист», 1967, № 1, с. 94—102.

3. Партийная жизнь

Клпшко З. 25-я годовщина образования Польской рабочей партии. — «Коммунист», 1967, № 1, с. 103—114.

4. Государственное строительство и право

Каленска М., Маржпк В. Развитие трудового права в Чехословакии и потребности практики. Советск. гос. и право, 1967, № 2, с. 96—99.

Марьянов Б. Польша тысячелетняя и молодая. (О процессе лапизации в общественной жизни Народной Польши). — «Наука и религия», 1967, № 1, с. 55—63.

Махенко А. Укрепление общественных начал в правосудии Польской Народной Республики. Советск. юстиция, 1967, № 3, с. 26—27.

Миринов В. К. Кодекс законов о труде Чехословацкой Социалистической Республики. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1967, № 1, с. 71—79.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Астафьев И. И. Вопрос о черноморских проливах в период Боснийского кризиса 1908—1909 годов. Вестн. Моск. ун-та. История, 1967, № 1, с. 35—53.

Бернацек Т. В. Парламентська діяльність Комуністичної партії Західної України (1922—1927 р.). Укр. істор. журнал, 1967, № 1, с. 70—78.

Злупко С. З історії революційно-визвольного руху на Буковині. (Вторая половина XIX — начало XX вв.) — «Архів України», Київ, 1967, № 1, с. 85—88.

Иванов Ю. Ф. К истории предгуситской Чехии. Вопр. истории, 1967, № 2, с. 104—114.

Кізченко А. Ф. До питання про підступну діяльність контрреволюційної еміграції у буржуазній Чехословаччині. — «Вісник Київського університету». 1967, № 8, Серія історії та права, вип. 1, с. 109—115.

Котляр М. Ф. Грошовий ринок Галицької Русі другої половини XIV — першої чверті XV ст. (в період слияния денежного обращения Галицкой Руси с польским). — «Історичні джерела та їх використання», Київ, 1966, вип. 2, с. 179—193.

Краснов Ю. А. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. Советск. археология, 1967, № 1, с. 3—21.

Ливанцев К. Е. Кошицкий привилей 1374 года. Вестн. Ленингр. ун-та, 1966, № 23. Серия экономика, философия и права, вып. 4, с. 128—133.

«Ново время» — 70 лет. — «Коммунист», М., 1967, № 3, с. 74—79.

Ожиганов Н. И. Дунайская проблема в межвоенный период (1918—1939 гг.). Уч. зап. (Уральский государственный университет), Свердловск, 1966, № 46. Серия историческая, № 3. Международные отношения в новейшее время. Сб. статей, ч. 1, с. 74—91.

Ожиганов Н. И. Установление германского контроля над дунайским судоходством (апрель — декабрь 1940 г.). Уч. зап. (Уральский государственный университет), Свердловск, 1966, № 46. Серия историческая, № 3. Международные отношения в новейшее время. Сб. статей, ч. 2, с. 148—168.

Петков Б. Трибуна марксистской мысли в Болгарии. (К 70-летию со дня основания теоретического органа ЦК БКП журнала «Ново время») — «Проблемы мира и социализма», 1967, № 1, с. 92—93.

Погребеник Ф. П. Недрукований лист Петка Тодорова до Ивана Кривецкого. — «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1966, вып. 2, с. 172—173.

Рябоконт С. И. Болгаро-югославский пакт от 24 января 1937 г. Уч. зап. (Пермский государственный университет), 1966, № 149. Сборник докладов и сообщений по новой и новейшей истории на 2-й научной сессии вузов Уральского экономического района (апрель 1965 г.), с. 217—226.

Рябоконт С. И. Образование Балканской Антанты и позиция Болгарии. Уч. зап. (Уральский государственный университет), Свердловск, 1966, № 46. Серия историческая, № 3. Международные отношения в новейшее время. Сб. статей, ч. 1, с. 25—48.

Сандевич А. В. Українська радянська історіографія про післявоєнні зв'язки УРСР із зарубіжними країнами. Укр. істор. журнал, 1967, № 2, с. 134—140.

Сияртова Г. І. Печатки Закарпатської крайової організації Комуністичної партії Чехословаччини (1921—1938 р.). «Історичні джерела та їх використання», Київ, 1966, вип. 2, с. 247—255.

Твердохліб В. Ю. Про створення єдиного антифашистського фронту в Західній Україні (1934—1939 р.). Укр. істор. журнал, 1967, № 1, с. 63—69.

Чемпалов И. Н. Англо-французские планы нападения на СССР с юга и захватническая политика гитлеровской

Германии на Балканах (март — май 1940 г.). Уч. зап. (Уральский государственный университет), Свердловск, 1966, № 46. Серия историческая, № 3. Международные отношения в новейшее время. Сб. статей, ч. 1, с. 92—136.

Чемпалов И. Н. Гитлеровская агрессия на Балканах осенью 1940 г. (сентябрь — октябрь). Уч. зап. (Уральский государственный университет), Свердловск, 1966, № 46. Серия историческая, № 3. Международные отношения в новейшее время. Сб. статей, ч. 2, с. 77—116.

Чемпалов И. Н. Дипломатическая подготовка к установлению экономического и военно-политического господства германского империализма на Балканах (май — сентябрь 1940 г.). Уч. зап. (Уральский государственный университет), Свердловск, 1966, № 46. Серия историческая, № 3. Международные отношения в новейшее время. Сб. статей, ч. 2, с. 3—76.

Чемпалов И. Н. Срыв попыток присоединения Болгарии к тройственному пакту в конце 1940 года. Уч. зап. (Пермский государственный университет), 1966, № 149. Сборник докладов и сообщений по новой и новейшей истории на 2-й научной сессии вузов Уральского экономического района (апрель 1965 г.), с. 39—48.

Ясногородський Я. Н. Вплив загальної кризи капіталізму на соціально-економічні відносини в Західній Україні (1918—1939 р.) «Питання політичної економії», Київ, 1966, вип. 26. Світова економіка капіталізму в період його загальної кризи, с. 188—196.

2. Культура, наука, народное просвещение

Бирюков В. В., Маркова Е. В. Проблема комплексного изучения развития науки. (Советско-польский симпозиум во Львове и Ужгороде в июне 1966 г.). Научн. докл. высш. школы. Философские науки, 1967, № 1, с. 173—178.

Богданов-Березовский В. Красота народности. (О творчестве современного югославского композитора Властимира Николовского). Советск. музыка, 1967, № 1, с. 117—121.

Валасек М. Новые работы мастеров польского кино. (О фильмах «Шифры», «Востерплатте» и «Контрибуция»). — «Искусство кино», 1967, № 1, с. 107—108.

Волков А. Р. До проблеми порівняльного дослідження слов'янських літератур соціалістичного реалізму. — «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1966, вип. 2, с. 3—26.

Гаек И. Характер и перспективы современного реализма. (Ответ на анкету журнала «Иностранная литература»: «Реализм сегодня»). Иностран. литература, 1966, № 12, с. 206—208.

Горшенев А. Н. У наших польских друзей. (Об изменениях в жизни высшей школы в последние 7 лет). Вестн. высш. школы, 1967, № 2, с. 90—93.

Грибовська О. І. Російська та українська літератури у щоденниках Стефана Йеромського 1882—1891 р.— «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1966, вип. 2, с. 71—86.

Дей О. І. Українські колядки шедрівки в дослідженнях слов'янських вчених.— «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1966, вип. 2, с. 101—114.

Дорофеева З. П. О некоторых особенностях рассказов Я. Гашека. Уч. зап. (Латвийский государственный университет), Рига, 1967, т. 87. Из зарубежной литературы XIX—XX вв., с. 113—128.

Журавська Г. Ю. Питання гуманізму і формування особи в трилогії М. Пуйманової.— «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1966, вип. 2, с. 27—47.

Кавалец Ю. (Заметки о современном реализме. Ответ на анкету журнала «Иностранная литература»: «Реализм сегодня»). Иностран. литература, 1966, № 12, с. 210—211.

Касиль Л. А. Мудрость, сердце и талант воспитателя. (О Януше Корчаке в связи с русским изданием его «Избранных педагогических произведений»). Советск. педагогика, 1967, № 1, с. 133—137.

Келдыш Ю. На рубеже XX столетия. (Материалы конференции музыковедов социалистических стран, Москва, ноябрь 1966 г.).— «Советская музыка», М., 1967, № 2, с. 106—128.

Кирчів Р. Ф. «Думки» Бельовського Семенського. (Об украинских мотивах в творчестве польских поэтов XIX в.).— «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1966, вип. 2, с. 129—149.

Киселев И. Н. Дружеские связи двух академий. К итогам поездки делегации Академии наук СССР в Болгарию (октябрь 1966 г.). Вестн. АН СССР, 1967, № 1, с. 84—88.

Крут Ю. З. Герой словацької прози 1949—1956 р.— «Слов'янське літерату-

рознавство і фольклористика», Київ, 1966, вип. 2, с. 48—60.

Ларин С. Связь времен. (Заметки о польском рассказе в связи с изданием двух томов польских новелл в «Библиотеке повсехней»). Иностран. литература, 1966, № 12, с. 191—196.

Лещицкий С. Развитие географии в Народной Польше. Изв. АН СССР Серия географическая, М., 1967, № 1, с. 5—16.

Мариан Якубевць. (Польский ученый-славист, автор работ о русско-польских связях).— «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1966, вип. 2, с. 198.

Недич В. «Пісня» Євгена Гребінки в сербському перекладі.— «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1966, вип. 2, с. 169—171.

Посмыш З. (Заметки о современном реализме. Ответ на анкету журнала «Иностранная литература»: «Реализм сегодня»). Иностран. литература, 1966, № 12, с. 221—223.

Ровда К. І. Роль О. М. Пипіша в історії російсько-чеських літературних зв'язків.— «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1966, вип. 2, с. 61—70.

Свободни А. Пражское мгновение. (О современном пражском театре).— «Театр», 1967, № 1, с. 134—153.

Скуратов И. Выставка работ С. Венева. (Болгарский художник).— «Искусство», 1967, № 2, с. 54—57.

Тарлев В. Г. Развитие общеобразовательной школы в Болгарии после победы народно-демократической революции. Уч. зап. (Московский областной педагогический институт), 1966, т. 171. Всеобщая история, вып. 7, с. 213—230.

Ющук І. П. Доповнення до югославської Шевченкіани.— «Слов'янське літературознавство і фольклористика», Київ, 1966, вип. 2, с. 196—197.

3. Языкознание

Брозович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод. Вопр. языкознания, 1967, № 1, с. 3—33.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1966, № 5

Д. Шерланов. Создание и деятельность легальной людовской организации в 1929—1934 гг.; И. Панайотов. Из дипломатической истории Сан-Стефанского договора; Д. Трифонов. Возникновение и развитие движения молодежных бригад в 1946—1950 гг.; М. Войнов. К вопросу о болгарской пародности в Македонии; С. Арабаджиев. Крестьянские «женские бунты» в Велико-тырновском округе в 1918 г.; Д. Де-

веджиев. Проблема расширения варненской пристани; И. Снегаров. В каком году крестился болгарский князь Борис.

«Литературна мисъл», 1966, № 6

Д. Марков. Гуманизм художника и революция. О творчестве Эмиллиана Станева после 9 IX 1944 г.; Э. Каранфилов. Другой образ сатирика; И. Пауновский. Три титулярных советника

(«Двойник» Достоевского); Е. Димитрова. Стих Николая Лилиева; И. Панова. Художник зримого мира. Заметки о стиле Вазова, Елин Пелина и Йовкова; Г. Григоров. Поэзия Н. В. Ракитина; Б. Делчев. Встречи и разговоры с Александром Балабановым; Я. Кошка. Болгарская литература в Словакии в послевоенное двадцатилетие; Л. Цветков. Прощание с Ермиловым.

«Език и литература», 1966, № 6

Девятый съезд Болгарской коммунистической партии и наша наука и культура; И. Лекоев. К моделированию истории славянской акцентологической системы. II. Послепраславянский период и современный болгарский акцентологический тип; П. Берков. К проблематике поэмы «Полтава» (Украина, Россия, Петр I); С. Стойков. Болгарско-румынские языковые параллели (Два фонетических явления в болгарском и румынском языках); Ф. Гернер. О надстрочных знаках в древнеболгарских памятниках до XIII в.; В. Велчев. Вопросы балканских литератур на Первом международном съезде по балканистике в Софии; С. Стойкова. Фольклористика на Первом международном съезде по балканским и южно-восточноевропейским исследованиям; К. Наумов, Н. Дорощенко. Героика свободного труда в русской советской прозе.

«Československý časopis historický», 1966, № 6

Я. Прушек. Древние кочевники и Китай в IX—VII вв. до н. э.; Я. Мразков. Комитеты национального освобождения в итальянском антифашистском движении 1943—1945 гг.; К. Каплан. Экономическая демократия в 1945—1948 гг.; Б. Шинделарж. Коменский, немецкие протестанты и Вестфальский мир; Р. Квачек, В. Винш. К немецко-чехословацким отношениям в тридцатые годы XX в.

«Přispěvky k dějinám KSČ», 1966, № 6

Я. Бразда. Две концепции экономической политики РКП(б); З. Брадач. Кризис коммунистической партии Италии и Коминтерн в 1922—1924 гг.; В. Шилхал. К истории завершающего этапа формирования КПЧ и ее приема в Коммунистический Интернационал; Обзор состава высших органов Коминтерна в 1919—1943 гг. (А. Грбатова, Ф. Сватек).

«Slovanský prehľad», 1966, № 6

Й. Мацурек. Гавличек, Ритер, Палацкий и румыны; В. Кралв. Румы-

ния и приход Красной Армии на помощь Чехословакии в 1938 году; К. Коржалкова. О чехословацко-румынских отношениях в 1945—1948 гг.; Р. Гофман. Польская осень 1956 г.; В. Гостичка. Богдан Хмельницкий и его внешняя политика (1648—1657).

«Slovenska literatura», 1966, № 6

К юбилею академика Яна Мукаржовского; М. Бакош. Лирический стих Гнездослава; В. Кохол. Сиптаксис и метр; Р. Хмел. Литературно-исторические интеграции; Л. Сзиклай. К вопросу о развитии словацкой реалистической литературы; Д. Рапант. Прогресс и отступления в 1848—1849 гг.

«Slovo a slovesnosť», 1966, № 3

А. В. Исаченко. Фонема и ее коррелят в акустическом сигнале; О. Лешка. К определению фонемы Шаумяна; М. Ромпортл. К методике звукового анализа языка; И. Вахек. Чехословацкий коллоквиум по вопросам фонологии и фонетики; Дж. Мей. Классы слов в автоматическом синтаксическом анализе; Л. Долежел. Еще раз об одной модели кодирования языка; Л. Джурович. О деятельности А. Соммерфельта; Э. Хабетинова. Об удареии предложных сочетаний в разговорном чешском языке; Й. Филипек. Значительный шаг в развитии французской стилистики и теории перехода; З. Сохова. Диалектный словарь среднеопавского края; Ф. Копечны. Еще раз о грамматической «неактуализации» чешского глагола; И. Польшауф. Заключительные замечания к дискуссии; С. Роспанд. Полемика о древнейших польско-чешских языковых отношениях; Э. Михалец. Замечания на полемическую реплику проф. Росповда.

№ 4

Я. Бауэр. Сложное предложение условленного состава и его классификация; Б. Руликова. К проблематике некоторых типов придаточных предложений с наречием *jak*; О. Кралик. Язык Махи и чешский язык эпохи Возрождения; Б. Гавранек. Еще раз об отношении языка Махи к чешскому языку эпохи Возрождения; М. Людвикова. Количественные свойства системы чешских фонем; Р. Мразек. Первые два тома возобновленных пражских лингвистических Тречаух; Э. Даниелова. Два отношения из области квантитативной лингвистики; П. Ваשאк. Статистика и споры об авторстве; И. Штиндова. Еще раз об обратных словарях.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Приближающееся 50-летие Великого Октября ознаменовалось новыми усилиями и новыми достижениями творческой марксистско-ленинской мысли в СССР и за рубежом в изучении различных сторон первой социалистической революции, ее политической роли в судьбах нашей страны и всего человечества. Важные и плодотворные результаты этих исследований нашли свое выражение как в многочисленных опубликованных работах, рассматривающих те или иные аспекты Октябрьской революции и ее воздействия на мировое развитие за прошедшие 50 лет, так и на конференциях, организованных научными учреждениями Советского Союза, других социалистических стран, марксистскими исследовательскими центрами в капиталистических странах. Наиболее крупной из них явилась научная конференция «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», состоявшаяся в Москве 28—31 марта 1967 г. Она была организована Академией наук СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академией общественных наук при ЦК КПСС и Институтом международного рабочего движения.

Одной из отличительных черт конференции была ее многочисленность — около 500 человек, а также большое количество представленных ими докладов: всего было сделано 68 докладов и еще семь докладов, не прочитанных за нехваткой времени, приложено к протоколу. Другой ее отличительной чертой явилось широкое участие помимо советских ученых исследователей-марксистов и общественных деятелей из многих государств Европы, Америки, Азии и Африки. В их числе следует отметить руководителей ряда коммунистических и рабочих партий — председателя Компартии Испании Д. Ибаррури, первого секретаря ЦК Компартии Уругвая Р. Арисменди, генерального секретаря ЦК Компартии Венесуэлы Х. Фариа, вице-председателя Компартии Финляндии Э. Саломая, секретаря ЦК Народной партии Панамы

Р. Кастельяноса, а также многих других видных партийных деятелей и теоретиков. Иностранные гости приняли самое активное участие в работе конференции. Ученые, приехавшие из Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Демократической Республики Вьетнам, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Австрии, Англии, Бельгии, Италии, Ливана, Панамы, Португалии, Финляндии, Франции, представили в общей сложности свыше 50 докладов, посвященных различным проявлениям влияния Октябрьской революции на их страны.

Вполне естественно, что наиболее многочисленные делегации прислали научные учреждения социалистических стран, в том числе зарубежных славянских стран — Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии. Болгарская делегация в составе 10 человек во главе с председателем Бюро Народного собрания НРБ, членом президиума Болгарской академии наук акад. С. Гановским представила конференцию 8 докладов. Семь докладов прочитали польские историки, делегацию которых из восьми человек возглавлял член ЦК ПОРП, академик-секретарь первого отделения Польской академии наук акад. С. Жулкевский. В конференции приняли участие 14 чехословацких ученых во главе с директором Института истории Словацкой академии наук чл.-корр. Чехословацкой академии наук Л. Голотиком, которые привезли четыре доклада. И восемь гостей из Югославии во главе с членом ЦК СКЮ, проф. Люблянского университета акад. Словенской академии наук и искусств Б. Зихерлом представили 7 докладов.

Работа конференции, которую открыл член ЦК КПСС, вице-президент Академии наук СССР акад. П. Н. Федосеев, проходила на пленарных заседаниях и в двух секциях: «Великая Октябрьская социалистическая революция и международное революционное движение» и «Октябрьская революция и пролетарский интернационализм». Первой из них руково-

дил директор Института истории АН СССР акад. В. М. Хвостов, второй — академик-секретарь Отделения истории АН СССР акад. Е. М. Жуков. Тематика и характер докладов, прочитанных как на пленарных заседаниях, так и в секциях, отличались чрезвычайной широтой и разнообразием. В них рассматривались самые различные моменты, связанные с влиянием и значением Октябрьской революции в развитии всего человечества, отдельных континентов, географических районов и стран, коммунистического и рабочего движения, борьбы за демократию, национальное освобождение, за мир, за социализм, проблемы, связанные с идейным наследием Октября, его развитием, местом и ролью в современном мире и т. д. Весьма значительное место заняла проблематика, относящаяся к истории и современному положению зарубежных стран.

Если попытаться выделить основные направления докладов, прочитанных на конференции, то прежде всего надо отметить ряд выступлений, в основном советских участников, рассматривавших общие проблемы международного значения Октября, его опыта и влияния на мир за прошедшие столетия, закономерности и отличительные черты новой эпохи, начало которой положила первая социалистическая революция.

Здесь следует назвать в первую очередь вступительное слово — по существу доклад — акад. П. П. Федосеева, говорившего об интернациональном значении исторического опыта Октябрьской революции, и доклад акад. И. И. Минца «Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества». Оба выступавших подчеркнули, что вопреки домыслам буржуазных и реформистских идеологов, врагов коммунизма и подлинного прогресса, Октябрь был не случайным явлением, не следствием неожиданного, «страшного» стечения обстоятельств, а неизбежным результатом объективной закономерности исторического процесса. Выросшая из коренных противоречий империализма, русская революция явилась логическим и единственно возможным ответом на все гуче социальные вопросы эпохи. Будучи глубоко национальным явлением, она в то же время выражала главную тенденцию, всеобщее направление мирового развития, она открыла и начала новую главу человеческой истории — период общего кризиса буржуазного общества, распада колониальной системы империализма, перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. И в существенных, коренных чертах Октябрьской революции при всем ее своеобразии проявились основные закономерности этого общего революционного перехода от общества социального и национального угнетения и подавления

личности к обществу подлинной свободы и благосостояния широчайших трудящихся масс, а опыт Октября имеет непреходящее международное значение в борьбе за великие идеалы социализма.

Влиянию Октябрьской революции и начатых ею общественных процессов на все более слабеющий империализм, с одной стороны, и международный рабочий класс, идущий в авангарде борьбы против империалистического гнета, эксплуатации и военных авантур, с другой, были посвящены интересные доклады чл.-корр. АН СССР А. Г. Милейковского «Октябрь и общий кризис капитализма» и чл.-корр. Т. Т. Тимофеева «Великая Октябрьская социалистическая революция и некоторые вопросы мирового рабочего движения».

Значительное внимание было уделено и проблемам роли и воздействия Октября в отношении распада колониальной системы, подъема национально-освободительного, демократического и революционного рабочего движения в Азии, Африке, Латинской Америке. Они рассматривались в докладах чл.-корр. АН СССР Б. Г. Гафурова «Октябрьская революция и страны Востока», Л. П. Делюшина (СССР) «Великий Октябрь и революционное движение в Азии», в привлечшем большое внимание оригинальной постановкой ряда вопросов докладе Ж. Батала (Ливан) «Октябрьская революция и национально-освободительное движение в странах Арабского Востока». О проблемах антиимпериалистической и революционной борьбы и коммунистического движения в Латинской Америке говорил Р. Кастельянос (Панама).

Большая группа докладов, сделанных на конференции, касалась влияния Октябрьской революции и вызванных ею перемен в мировом развитии на отдельные страны. Причем в тематике этих докладов можно отметить два основных направления.

Одни выступавшие прослеживали воздействие первой социалистической революции на свои страны и их рабочее движение на протяжении всех 50 лет после Октября, особо останавливаясь на вопросах современного положения. Здесь следует назвать Э. Ротштейна (Англия), Г. Штейнера (Австрия), П. Жуа (Бельгия), Ш. Нацагдоржа (Монголия), Ж. Феррейры (Португалия), В. Жоанпеса (Франция) и др.

Ряд же докладов о влиянии Октября на другие страны носил сугубо исторический характер, и их авторы сосредоточили свое внимание на вопросах непосредственного воздействия на судьбы своих народов русской революции и политики молодого Советского государства в первые годы его существования. Об этом говорили Т. Хайду (Венгрия), Ж. Диль (ГДР), Л. Санжаа (Монголия), И. Попеску-Пудурь (Румыния) и многие другие.

Особенно большое место заняли здесь сюжеты, связанные с зарубежными славянскими странами.

В своем докладе «Польша и Октябрьская революция (некоторые проблемы периода 1917—1919 гг.)» Ю. Ковальский (Польша) показал огромную революционизирующую роль Октября в невиданном подъеме борьбы польского пролетариата и широчайших трудящихся масс, которая достигает в эти годы поистине гигантского размаха, его воздействия на деятельность революционных и прогрессивных группировок и политических сил, на создание коммунистической партии. В докладе другого польского ученого — Г. Малновского специально рассматривалось влияние Октябрьской революции на формы борьбы польского рабочего класса в 1918—1919 гг. О значении Великого Октября в серьезнейших общественных сдвигах, затронувших все слои и классы, в нарастающей волне массового движения на территории Чехии и Словакии, а затем в образованной Чехословацкой республике, о его роли в глубокой социальной радикализации народных масс и создании подлинно революционной пролетарской партии говорил Ю. Кржижек (Чехословакия) в докладе «Чехия, Словакия и Октябрьская революция в России». Воздействию победоносной социалистической революции в России на различные аспекты развития классовой борьбы в югославянских землях и в объединенном югославском государстве посвятил свой доклад С. Дмитриевич (Югославия). Эти же проблемы были подняты и Х. Христовым (Болгария), доклад которого имел, однако, более широкое хронологическое рамки, охватывая развитие классовой борьбы и революционного движения в Болгарии вплоть до восстания 9 сентября 1944 г.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась одним из важнейших факторов в консолидации подлинно революционных сил, в образовании коммунистических партий. И говоря о влиянии Октября на различные страны, все выступавшие уделяли особое внимание его роли в рождении и первых шагах мирового коммунистического движения. Проблема возникновения коммунистических партий и их места в классовых и национальных битвах, развернувшихся непосредственно вслед за русской революцией, заняла, в частности, большое место в докладах ученых зарубежных славянских стран. В уже перечисленных выступлениях Ю. Ковальского, Ю. Кржижека, С. Дмитриевича, Х. Христова, в докладе Т. Колевой (Болгария) «Великая Октябрьская социалистическая революция и большевизация Болгарской коммунистической партии (1917—1923 гг.)» подчеркивалось воздействие Октябрьской революции и руководимой В. И. Лениным

большевистской партии, ее программных положений, ее тактических и стратегических концепций на образование компартий Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии. Отмечая серьезные слабости молодых коммунистических партий, их ошибки как социал-демократического, так и особенно левосектантского характера, докладчики специально останавливались на огромном значении исторического опыта Октября, опыта большевизма, обобщенного В. И. Лениным, в изживании этих ошибок, в постепенной выработке действительно революционной линии, отвечающей реальным условиям каждой страны.

В борьбе за идейное и организационное укрепление коммунистического движения, за его сплочение на подлинной марксистско-ленинской основе важное место занял Коминтерн, проблемам образования которого был посвящен доклад Г. Г. Куранова (СССР) «Октябрь и создание Коммунистического Интернационала».

Открыв собой эпоху национального освобождения угнетенных народов, Великая Октябрьская социалистическая революция явилась, в частности, поистине поворотным пунктом в национальных судьбах Польши, Чехословакии и Югославии. Она непосредственно способствовала ликвидации чужеземного гнета и образованию самостоятельных государств. Эта сторона Октября была раскрыта в докладах Ю. Ковальского и Ю. Кржижека, ей специально посвятил свой доклад «Великая Октябрьская социалистическая революция и создание югославского государства» Н. Петрович (Югославия). Об этих же проблемах говорили польские ученые Л. Гросфельд в докладе «Свержение царизма, Октябрьская революция и позиция Центральные держав по отношению к польскому вопросу» и Г. Зелинский в докладе о революционных стремлениях и борьбе за национальное освобождение в Верхней Силезии в 1918—1921 гг.

На отдельных вопросах, связанных с откликами на Октябрьскую революцию в различных слоях общества, останавливались также Ч. Аморт (Чехословакия), И. Бабиц (Югославия), Т. Цесяляк (Польша).

Естественным продолжением Октября и развитием начатой им всемирной социалистической революции явились победоносные народно-демократические и социалистические революции в ряде стран Европы, Азии, на Кубе, приведшие к созданию новых социалистических государств. Обобщение опыта этих революций, их соотношение с Октябрьской революцией, их особенности, специфическое преломление и дальнейшее развитие ими наследия и идей Октября, — все эти проблемы заняли весьма значительное

место в прочитанных на конференции докладах.

М. Исусов (Болгария) остановился на вопросе об основных чертах и особенностях социалистической революции в Болгарии, П. Остоич (Болгария) проанализировал различные стороны опыта Болгарской компартии в строительстве народно-демократического государства в годы революции. Сравнению ряда существенных моментов русской и югославской революции посвятил свой доклад «О некоторых теоретико-стратегических проблемах социалистической революции в России и Югославии» П. Дамянович (Югославия). Акад. Б. Зихерл сосредоточил свое внимание на некоторых специфических чертах социалистической революции в Югославии.

О путях революции в своих странах говорили также А. Жилак (Венгрия), Нгуен Кхань Тоан (Вьетнам), В. Хорн и Г. Бензер (ГДР), Ш. Нацадорж (Монголия), В. Захареску (Румыния) и др.

Великий Октябрь и продолжившие его социалистические революции в других странах привели к образованию мировой системы социализма — главного детисца и завоевания международного рабочего класса. Содружество братских социалистических стран является ныне решающим фактором мирового развития, главной силой в борьбе против империализма, за торжество идей мира, демократии и социализма на всей планете. Об историческом значении и огромной роли мировой социалистической системы говорилось во многих выступлениях на конференции, в частности, в упоминавшихся докладах советских ученых И. И. Минца и А. Г. Милейковского, в специально посвященном этой теме докладе И. В. Дудинского (СССР) «Воплощение идей Октября в мировой системе социализма». Е. А. Амбарцумов (СССР) в своем очень интересном докладе остановился на влиянии успехов мирового социализма на положение и борьбу трудящихся в капиталистических странах.

С первого же своего дня Октябрьская революция и созданное ею Советское государство высоко подняли знамя пролетарского интернационализма, идеи Октября неотделимы от великих идей международной солидарности трудящихся. Вот почему проблемы пролетарского интернационализма стояли в центре внимания участников конференции. О значении интернациональной солидарности в борьбе рабочего класса, в международном коммунистическом движении, в сплочении всех сил революции, демократии и прогресса, в торжестве социализма и коммунизма говорили Л. М. Минаев (СССР) в докладе «Октябрьская революция и пролетарский интернационализм», Л. Группи (Италия) и В. Жоаннес (Франция), остановившиеся, в частности, на раз-

витии интернационализма в современную эпоху, Нгуен Кхань Тоан (Вьетнам), отметивший, что международная солидарность рабочего класса, основанная на принципах марксизма-ленинизма, является важнейшим условием победы вьетнамского народа, С. Гаповски (Болгария), подчеркнувший важность единства социалистических стран, и многие другие.

Большая группа докладов касалась вопросов братской солидарности трудящихся зарубежных стран с молодой Советской республикой в период Октябрьской революции и гражданской войны — этой яркой и славной страницы в истории пролетарского интернационализма, сыгравшей столь значительную роль в защите завоеваний Октября от интервенции, предпринятой международным империализмом. Ц. Николов (Болгария) говорил о движении болгарских трудящихся в защиту Октябрьской революции и Советской власти в 1917—1923 гг. Х. Несторов (Болгария) также посвятил свое выступление борьбе болгарского народа против империализма — злейшего врага Советской страны. О болгарских интернационалистах в России и их участии в борьбе за победу и защиту Советской власти шла речь в докладе П. Панайотова (Болгария). Этот последний аспект интернациональной солидарности зарубежных трудящихся, оказавшихся в России, с рабочими и крестьянами нашей страны, с русской революцией оказался в центре внимания многих выступавших на конференции. Об участии польских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне говорили Б. Беднаж и М. Пирко (Польша). Ш. Штвртеккий (Чехословакия) выступил с докладом «Чехи и словаки в Октябрьской революции». Деятельности известного югославского интернационалиста Вукашина Марковича было посвящено выступление Д. Вуйовича (Югославия). Роль трудящихся зарубежных славянских стран в защите Октября уделял немало места в своем докладе «О некоторых вопросах интернационалистского движения» А. Я. Манусевич (СССР).

Об участии зарубежных трудящихся в защите Советской власти говорили также А. Йожа (Венгрия), Р. Дикс (ГДР), В. Керрестешу (Румыния), Л. В. Зак, В. Р. Копылов и М. М. Королен (СССР) и др.

В ряде выступлений на конференции был дан решительный отпор попыткам буржуазных и реформистских идеологов, ревизионистов марксизма справа и слева извратить существо Октября и его великого наследия, продолжаемого и развиваемого коммунистическими и рабочими партиями, стоящими на творческих позициях ленинизма. Вопросам идеологической борьбы вокруг оценки наследия Октября был посвящен специальный доклад Э. А. Араб-оглы (СССР).

Л. Голотик (Чехословакия) остановился на исследовании Октябрьской революции в чехословацкой историографии.

Закрывая конференцию, вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев подчеркнул

ее значение в изучении всемирно-исторической роли Великой Октябрьской социалистической революции.

Л. Я. Гибианский

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ СЛАВИСТИКИ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Интерес к литературам славянских народов появился в Белоруссии одновременно с зарождением новой белорусской литературы. Такие ее зачинатели, как В. Душин-Марцинкевич, Ф. Богушевич, Я. Лучина, А. Гуринович, были в курсе последних событий в русской, польской, украинской и других литературах, поддерживали творческие контакты с их представителями, высказывали свое суждение о лучших произведениях этих литератур. В своем предисловии к сборнику «Дудка белорусская», изданному в 1891 г. в Кракове, Ф. Богушевич писал, что по примеру своих собратьев болгар, хорватов, чехов и малорусов белорусы также должны иметь «по-своему писанные и печатанные книжечки и газеты». Белорусско-польский ученый и издатель А. Киркор напечатал в том же Кракове на польском языке текст своих лекций «О литературе братских славянских народов» (1874), где наряду с обзором «русинской» (белорусской и украинской) литературы даны обзоры чешской, болгарской и других литератур западных и южных славян.

Однако в XIX в. белорусская славистика не могла еще сложиться как наука, поскольку не было и белорусского литературоведения в полном смысле этого слова. Оно зародилось только после революции 1905 года, когда началось «возрожденческое» подъем белорусской литературы. По существу, первым истинно белорусским славистом был выдающийся поэт М. Богданович (1891—1917). В своих критических и литературоведческих статьях он продемонстрировал отличное знание русской, украинской, польской и других славянских литератур, сделал интересные наблюдения над некоторыми явлениями в этих литературах. В начале XX в. в Белоруссии значительно возрос интерес к жизни других славянских народов. Идею равенства славянских народов пропагандировали первые белорусские легальные газеты «Паша доля» (1906) и «Паша ліва» (1906—1915). Там же наряду с переводами с русского, польского, украинского и других языков печатали рецензии и обзорные статьи, посвященные славянским литературам. Белорусско-русские и белорусско-польские литературные связи нашли также частичное отражение в исследованиях по исто-

рих белорусской литературы Е. Карского (1922) и М. Горецкого (1920).

В 20—30-е годы, а также в первое послевоенное десятилетие белорусская славистика, по существу, ограничивалась лишь газетными и журнальными статьями к юбилеям славянских писателей да накапливанием конкретных фактов (например, о личных контактах белорусских поэтов XIX в. В. Душина-Марцинкевича, Ф. Богушевича и Я. Лучины с их польскими современниками В. Сырокомлей, Э. Ожешко, М. Кополницкой и др.).

Систематическое изучение связей белорусской литературы с литературами других славянских народов началось только с середины 50-х годов, когда белорусская славистика перешла от накопления фактов к их обобщению. В первую очередь выходят книги о белорусско-русском и белорусско-украинском творческом взаимодействии: «О животворном влиянии русской литературы на белорусскую литературу» М. Климовича (1955), «М. Горький и белорусская литература» В. Ивашина (1956), «Фольклорно-литературные связи украинского и белорусского народов» Н. Охрименко (1959), брошюры М. Ларченко и Ю. Шпиркова о пушкинских и гоголевских традициях в белорусской литературе. Затем все чаще внимание белорусских исследователей привлекает польская литература и то влияние, которое она оказала на становление белорусской литературы. В результате появляются работы «Адам Мицкевич и белорусская литература» А. Лойко (1959), «Стражицы братской дружбы» С. Александровича (1960) и др. Наконец, были сделаны первые попытки дать синтетический обзор взаимодействия белорусской литературы с литературами других славянских народов, охарактеризовать ее рецепцию за рубежом, определить ее место не только в славянской, но и в мировой литературе. Это — исследования «Связи белорусской литературы с литературами соседних славянских народов во второй половине XIX в.» (1958) и «Славянская общность» (1963) М. Ларченко, «Белорусская литература за рубежом» Д. Факторовича, В. Тимофеевой и Н. Лалидуса (1958), «Белорусская советская литература за рубежом» Д. Факторовича (1961). В 1965 г. увидело свет

интересное библиографическое издание Л. Бобковой «Зарубежная литература в переводах на белорусский язык», где зафиксированы, хотя и недостаточно полно, также переводы с польского, чешского, словацкого, болгарского, сербского и других славянских языков. Различные аспекты взаимодействия белорусской литературы с литературами других народов заинтересовали в последнее время украинских (В. Чайковский), польских (Т. Грабовский, М. Олехнович, М. Конопцкий, А. Баршевский, С. Свирко), чешских (В. Жидлицкий), литовских (К. Корсакас, К. Довейко) исследователей.

Начиная с 1958 г. белорусские литературоведы принимают, наравне с языковедами и фольклористами, активное участие в международных съездах славистов. Так, на IV съезде был заслушан доклад В. Ивашки и Н. Перкина «Основные особенности развития современной белорусской литературы». На V съезде в Софии были представлены доклады В. Борисенко и В. Ивашки «Роль русской классической литературы в развитии реализма белорусской литературы XIX ст.», А. Лойко и Н. Перкина «Белорусско-польские взаимосвязи в XIX в.». Пыле белорусский славист В. Зайцев готовит к VI съезду в Праге доклад «Богомильское движение и общественная жизнь Северной Италии эпохи Дученто».

Славистические исследования в Белоруссии значительно оживились, когда в Институте литературы имени Янки Купалы АН БССР был организован сектор литературных взаимосвязей (1962 г.), призванный изучать взаимодействие белорусской литературы с литературами других народов, в первую очередь славянских и прибалтийских, а также координировать и направлять славистическую работу в республике. За пять лет сотрудниками сектора опубликовано несколько книг и брошюр («Белорусско-болгарские литературные связи» Л. Тимошковой, «Творческое побратимство». А. Мальдиса, библиографический справочник «Связи белорусской литературы с литературами зарубежных славянских народов» А. Можейко и Л. Самосейко) и несколько десятков газетных и журнальных публикаций (некоторые из них — в польской и чешской периодике). Несколько монографических работ подготовлено либо готовится к печати. Это — исследование Н. Перкина «В семье братских литератур», посвященное 50-летию Советской власти, «Гундулич — сын Дубровника (эпическая поэма Ивана Гундулича «Осама»)» В. Зайцева, работа В. Гаповой о творчестве Э. Ожешко. Кроме того, сектором готовится сборник, куда войдут статьи В. Зайцева, Э. Мартыновой, В. Гаповой, А. Можейко, Л. Самосейко и др., посвященные различным вопросам белорусско-польского, белорусско-чешского, белорусско-болгарского, белорусско-украинского ли-

тературного взаимодействия. Над диссертацией о белорусско-чешских литературных связях работает в секторе А. Можейко. Им уже выполнены разделы «Белорусско-чешские литературные связи в XX столетии», «Чехословацкая тематика в белорусской литературе», «Особенности белорусско-чешского художественного перевода». Сотрудник сектора В. Зайцев в 1966 г. закончил большое исследование «Франциск Скорина и белорусский гуманизм (XV — первая половина XVI в.)». Им же написан раздел о Ф. Скорине для двухтомной «Истории белорусской дооктябрьской литературы», которая будет издана в 1967—1968 гг.

Некоторые итоги работы сектора за пять лет были подведены на первом совещании по проблеме взаимосвязей белорусской литературы с литературами других народов, которое состоялось в Институте литературы АН БССР 16—17 декабря 1966 г. Открыл совещание директор Института чл.-корр. АН БССР В. Борисенко. Затем с докладом «Проблемы изучения взаимосвязей белорусской литературы и литератур других народов» выступил заведующий сектором Н. Перкин. Он охарактеризовал путь, пройденный белорусской славистикой, привел красноречивые доказательства тому, что в последнее время она начала успешно переходить от накопления фактов и описания внешних литературных связей к исследованию глубинных творческих процессов и установлению общих закономерностей. Докладчик показал, как в разные времена в белорусской литературе ставилась проблема единства белорусского народа с другими славянскими народами. История белорусской литературы, подчеркивалось в докладе, ее национальная специфика будут осмыслены гораздо глубже, если изучать их в связи с историей литературы других славянских народов, если будет определено их взаимодействие. При этом особенно важно типологическое сопоставление литературы, которое позволит отличить в них национальное и интернациональное, специфическое и общечеловеческое.

Интересный доклад «Некоторые вопросы изучения белорусского гуманизма» сделал на совещании В. Зайцев. По его мнению, гуманизм в Белоруссии возник не на волне Возрождения, а на волне Реформации, подпольной же его была идеология антифеодалных и антиклерикальных народно-еретических движений: богомильства, ересь «жидовствующих», гуизма, кальвинизма, лютеранства. Протестантско-реформационное движение рассматривалось в докладе не как «рецидив средневековья», а как вторичная волна ренессансно-гуманистической идеологии. Гуманистическую окраску имели в Белоруссии городская культура, либерализация и секуляризация общественной жизни, рационализм мышления, проповедь

«самовластного человека», требованье «дешевой церкви». Высшей точкой в развитии белорусского гуманизма была деятельность Франциска Скорины, который рассматривался в докладе в ряду европейского (в том числе и западнославянского) Возрождения и Реформации.

Доклад А. Можейко был посвящен вопросу «Октябрь и белорусско-чешские литературные связи». Свое внимание докладчик сосредоточил на том, как в 20—30-е годы воспринималось в Чехословакии творчество белорусских советских писателей. А. Можейко охарактеризовал переводы с белорусского языка, выполненные для чешских коммунистических изданий И. Горой, Ф. Тихим, Я. Сейфертом и др.

Вопросы белорусско-польского литературного взаимодействия нашли свое отражение в докладе В. Гаповой и сообщении Н. Аrotchк. В. Гапова говорила о новаторских поисках в решении гуманистических проблем современности в белорусской и польской прозе последних лет. В противовес некоторым критикам, считающим, что в последнее время польская проза ушла от больших социальных проблем, докладчик утверждал, что лучшие произведения современных польских писателей, посвященные «истории одного поколения», поколения освободительной войны, продиктованы мужественным гуманизмом, тревогой за судьбы мира. В этом плане В. Гапова сравнивала «Сентябрь» Е. Путрумента, «Поколение» и «Трен» В. Чешки с некоторыми произведениями послевоенной белорусской прозы («Птицы и гнезда» Я. Брыля, «Журавлиный крик» и «Мертвым не больно» В. Быкова). Н. Аrotchка темой своего сообщения избрал вопрос «Валентин Тавлай и польская революционная поэзия».

Участники совещания заслушали также сообщения Э. Мартыновой «Художественный перевод как одна из форм белорусско-украинских литературных взаимосвязей» и Л. Самосейко «Деятельность Г. Цамблака в Белоруссии». Э. Мартынова проанализировала художественные достоинства переводов на белорусский язык произведений Т. Шевченко, Л. Украинки и других классиков украинской литературы. В сообщении указывалось, что переводы с украинского на белорусский функционально отличны от переводов с далеководственных или неродственных языков. Л. Самосейко, кратко охарактеризовав личность Г. Цамблака, одного из талантливейших церковных писателей средневековья, указал на то большое значение, которое имели его произведения для Белоруссии.

Об интересе к изучению взаимосвязей белорусской литературы с литературами братских славянских народов свидетельствует тот факт, что в работе совещания приняли участие исследователи из других советских республик, а также из не-

которых стран социалистического лагеря. С интересным докладом «О принципах общего и сравнительного славянского литературоведения» выступил на совещании чл.-корр. Болгарской академии наук Эмил Георгиев. Он охарактеризовал различные аспекты сравнительного изучения литератур, определил основные моменты общего процесса развития литератур славянских народов. Сообщение на тему «Белорусский фольклор и польская литература XIX ст.» сделала сотрудник кафедры белорусской филологии Варшавского университета Миколай Врублевский. Его внимание, в частности, привлекла фигура белорусско-польского поэта и фольклориста А. Рыпинского. Своими наблюдениями о влиянии польской поэзии на древнее литовское стихосложение поделилась на совещании сотрудница Института языка и литературы АН Литовской ССР канд. филол. наук Регина Мишките. Творческому взаимодействию белорусской литературы с великой литературой русского народа были посвящены выступления преподавателя Гродненского пединститута С. Климанского («Проблема изучения белорусско-русских литературных связей XIX ст.»), аспирантов Гомельского пединститута П. Малайко («„Мужичья правда“ и русская революционно-демократическая публицистика») и Н. Радченко («Творчество А. Твардовского 30-х годов и белорусская литература»).

В дискуссии, которая развернулась на второй день совещания, приняли участие московские и киевские гости — старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР В. П. Злыднев, доцент Московского университета Е. З. Цыбенко, зав. сектором зарубежных славянских литератур Института литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР Г. Д. Вербес, а также проф. М. Ларченко (Белорусский государственный университет), литературовед И. Бас. Они отметили высокий научный уровень докладов и сообщений, зачитанных на совещании, полемизировали с некоторыми частными положениями в докладах В. Зайцева и В. Гаповой. В совещании также участвовали д-р филол. наук М. И. Пригодий (Киев), кандидаты филол. наук В. Вавере (Рига), К. Настолка (Вильнюс), преподаватели Белорусского государственного университета, Минского и Брестского пединститутов, представители белорусской писательской организации.

Итоги первого совещания по проблеме взаимосвязей белорусской литературы с литературами других народов свидетельствуют о том, что за последние годы в Белоруссии выросли хорошие славянские кадры, что Минск становится одним из центров славянских исследований в нашей стране. Следует отметить, что кроме Института литературы АН

БССР такие исследования здесь ведутся в университете. Коллектив филологического факультета Белорусского государственного университета, где имеется немало литературоведов-славистов и исследователей связей белорусской литературы с зарубежными славянскими литературами (М. Ларченко, А. Лойко, Л. Тимошкова, В. Тимофеева, Н. Гилевич, С. Алек-

сандрович, аспиранты С. Мусиенко, И. Маркелова, И. Соломевич, Р. Рагойша), теперь усиленно готовятся к своему первому славистическому симпозиуму, который намечено провести в 1967 г. Все эти факты убедительно говорят о том, что первые шаги белорусской славистики уверенны и целеустремленны.

А. Мальдис

«ЗАГАДКИ РАЗУМА»

(Заметки читателя)

Недавно один из читателей библиотеки Института славяноведения АН СССР попросил для ознакомления автореферат диссертации Е. А. Мешковой на тему «Чешско-русские литературные связи первой половины XIX века» (Киев, 1965). Он прочел там следующее: «Как показывает переписка Немцовой, а также анализ ее художественных произведений, она прекрасно знала произведения А. Пушкина, А. Грибоедова, И. Гоголя, И. Тургенева и др.» (стр. 20).

Сведения о знакомстве Немцовой с творчеством Грибоедова заинтересовали читателя. В реферате указаний на их источник не было, пришлось обратиться к самой диссертации. На стр. 358 сказано: «...Как показывает список книг из личной библиотеки Б. Немцовой, ей хорошо было известно произведение „Горе от ума“. В единственной сноске, документирующей это утверждение, сказано: «Miloslav Novotný. Život Boženy Němcové. Díl 1. a dokumenty...», т. 2, стр. 201».

За подкрепленным сноской утверждением в работе следует сопоставление творчества Немцовой и Грибоедова (стр. 358—359), имеющее целью показать влияние Грибоедова на чешскую писательницу: «Увлечение произведением Грибоедова, — по мнению Е. А. Мешковой, — своеобразно преломилось в образе Сары, камеристки госпожи Скоцдоловой („В замке и около замка“)» (стр. 358). Далее говорится: «Сара во многом напоминает грибоедовского Молчалина» (стр.

358). И еще: «По системе (!) Молчалина служит (!) и лакей Жак» (стр. 359).

Прочитав приведенные строки диссертации, читатель захотел увидеть тот источник, на основании которого они были написаны. Открыв указанную в списке книгу «Жизнь Божены Немцовой» (т. 2) на стр. 201, он не нашел там «Горя от ума». Единственно, что как-то напоминало название этого произведения (по-чешски «Горе от ума» — *Hoře z rozumu*), — были слова *Nádanky od Rozuma*, буквально в переводе «Загадки Разума» или «Загадки Ума», а на самом деле «Загадки Розума», т. е. «Загадки», изданные чешским литератором Яном Вацлавом Розумом (1824—1858). Очевидно, именно эти слова, приняв желаемое за сущее, прочла автор диссертации как «Горе от ума». Если это не так, то исследователь просто отсылает к странице, где ничего не говорится о произведении Грибоедова.

Так или иначе, вопрос о том, читала ли Божена Немцова «Горе от ума», видимо, пока надо считать все-таки открытым, не говоря уже о влиянии Грибоедова на творчество чешской писательницы.

Разумеется, по одной погрешности нельзя судить обо всей работе, в которой около 400 страниц. Это и не имелось в виду. Мы обратили внимание на ошибку, о которой шла речь, лишь для того, чтобы рассеять заблуждение и, может быть, предостеречь от подобных случаев в будущем.

Л. К.

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЪЧА

3 февраля 1967 г. состоялось совместное заседание Сектора славянского языкознания и Сектора структурной типологии славянских языков Института славяноведения АН СССР, посвященное памяти Владислава Марковича Иллич-Свитыча. На заседании присутствовали также сотрудники Института языкознания АН СССР, Института русского языка АН СССР, Института народов Азии АН СССР, Института языкознания АН БССР, Мос-

ковского университета и других вузов и учреждений.

Заседание открыл заведующий Сектором славянского языкознания С. Б. Бернштейн. Он рассказал о годах учения В. М. Иллич-Свитыча на славянском отделении Московского университета, куда будущий ученый пришел уже с серьезным интересом к сравнительной грамматике, и о чрезвычайно быстром научном росте молодого лингвиста. С. Б. Бернштейн

охарактеризовал В. М. Иллич-Свитыча как человека огромного таланта, высокой принципиальности и большой внутренней дисциплины, чрезвычайной скромности и щедрой души, сумевшего за девять лет научной деятельности внести существенный вклад в разные области языкознания¹.

С докладом «В. М. Иллич-Свитыч как акцентолог» выступил В. А. Дыбо (Институт славяноведения АН СССР). Он отметил глубокий интерес В. М. Иллич-Свитыча к проблемам акцентологии и его значительный вклад в их разработку. На новом материале В. М. Иллич-Свитыч исследовал сдвиги в акцентуационных парадигмах имени в балтийском и славянском, реконструировал первоначальное состояние этих парадигм и установил их индоевропейский источник. Его исследование открывает новые перспективы в реконструкции индоевропейской просодической системы. Большое методологическое значение имеет впервые предпринятая В. М. Иллич-Свитычем реконструкция балтийских акцентуационных систем на основе исследования заимствований. В. А. Дыбо отметил, что исследования в области акцентологии были для В. М. Иллич-Свитыча прекрасной школой по отработке строгого, отточенного сравнительно-исторического метода, давшего блестящие результаты в его работах по ностратическому языкознанию.

О. Н. Трубачев (Институт русского языка АН СССР) выступил с докладом «В. М. Иллич-Свитыч как этимолог», в котором отметил, что многие труды В. М. Иллич-Свитыча, посвященные родству языков, в том числе и отдаленному родству разных языковых групп, — в значительной мере этимологические. Он охарактеризовал работы В. М. Иллич-Свитыча в области славянской этимологии — ряд ярких этимологических этюдов (этимология слов *морковь*, *тыква*, *пива* и др.), образцом которых является, по мнению О. Н. Трубачева, этимология чешск. *první*.

О работах В. М. Иллич-Свитыча по южнославянским языкам говорил в своем

докладе Н. И. Толстой (Институт славяноведения АН СССР). Отметив глубокое проникновение в конкретный материал и высокий профессионализм этих работ, докладчик подчеркнул, что они имеют большое значение для решения таких проблем, как происхождение, прародина и миграция славян. Н. И. Толстой подробно охарактеризовал вклад В. М. Иллич-Свитыча в изучение лексических соответствий между южнославянскими и другими славянскими, а также и балтийскими языками, указав в этой связи на большое значение, которое придавал В. М. Иллич-Свитыч изучению географической терминологии и диалектной лексики. Он подчеркнул, что разыскания В. М. Иллич-Свитыча в этой области явились стимулом для последующих работ по изучению географической терминологии и лингвогеографического исследования диалектов карпатского ареала.

Другой проблемой, интересовавшей молодого ученого, была проблема звуковых изменений. Он исследовал, в частности, явление ринезма в юго-западных македонских говорах, где установил четыре типа говоров по степени сохранения ринезма, связав его с характером согласных, следующих за носовыми. Эти типы представляют собой последовательные этапы исчезновения ринезма, которые были пережиты другими македонскими и болгарскими говорами, полностью утратившими его следы. Н. И. Толстой высоко оценил также и македонецко-русский словарь, основным составителем которого был В. М. Иллич-Свитыч.

О большом научном значении работ В. М. Иллич-Свитыча по алтайским языкам говорила Л. С. Левитская (Институт языкознания АН СССР). Она отметила актуальность проблем алтаистики, которыми занимался В. М. Иллич-Свитыч, и обширность нового материала, привлеченного им для их решения. Л. С. Левитская подчеркнула, в частности, важное значение установленной им тесноты системы начальных дентальных в алтайском и других результатов исследования праалтайской системы смычного консонантизма. В пользу его выводов говорят и данные монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Иллюстраторы также идеи В. М. Иллич-Свитыча о соотношении ряда долгот в праалтайском.

О значении работ В. М. Иллич-Свитыча по картвелистике рассказал Г. А. Климов (Институт языкознания АН СССР). Эти работы характеризуются широтой взгляда, глубоко творческим духом исследования и профессионализмом. Картвелистические работы В. М. Иллич-Свитыча связаны непосредственно с решением им ностратической гипотезы — поисками родства картвельских языков с другими группами кавказских языков, индоевропейскими, семито-хамитскими и другими языками. Вместе с этим, они имеют боль-

¹ Научная деятельность В. М. Иллич-Свитыча освещена в ряде статей и некрологов. Наиболее подробно она охарактеризована в статье В. А. Дыбо «Памяти В. М. Иллич-Свитыча» («Советское славяноведение», 1967, № 1). Здесь же опубликован и полный список печатных трудов В. М. Иллич-Свитыча. См. также некрологи, написанные В. Н. Топоровым (сб. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии», М., 1966), В. А. Дыбо и А. Б. Долгопольским («Известия АН СССР, Серия лит-ры и языка», 1966, № 6), группой литовских языковедов («Pergale», 1966, № 10), В. К. Журавлевым («Вестник Московского ун-та, Филология», 1967, № 1).

шое значение и для собственно картвелистики и особенно для сравнительной грамматики картвельских языков. Так, В. М. Иллич-Свитыч в числе первых безоговорочно признал праязыковую древность апофонии в картвельских языках; его реконструкции пракартвельских архетипов внесли определенный вклад в обоснование тезиса о двусогласности канонического типа общекартвельской корневой системы; он внес очевидный вклад также в разработку огласовки общекартвельского глагольного корня; дал ряд новых картвельских этимологий.

С докладом «В. М. Иллич-Свитыч — создатель сравнительной грамматики ностратических языков» выступил А. Б. Долгопольский (Институт языкознания АН СССР). Он подчеркнул, что деятельность В. М. Иллич-Свитыча по исследованию генетического родства ностратических языков — важнейшая веха в общей истории сравнительного языкознания, равная по своему значению созданию сравнительной грамматики индоевропейских языков в XIX в. Опыты сравнения ностратических языков, предпринимавшиеся до В. М. Иллич-Свитыча, носили предварительный характер и сводились, как правило, к сбору лексических соответствий. В. М. Иллич-Свитычу удалось установить строгую систему фонетических соответствий в ностратических языках (индоевропейских, уральских, алтайских, картвельских, дравидийских и семито-хамитских) и создать сравнительную фонетику этих языков. На основе этого исследования он составил этимологический словарь ностратических языков, содержащий около 600 корней. Он выявил также ряд соответствий формантов в этих языках и заложил, таким образом, основы сравнитель-

ной морфологии ностратических языков. Этим результатам, представляющим выдающийся вклад в языкознание, предшествовала не только огромная работа по критическому осмыслению накопленного материала большого числа языков, но и самостоятельное решение сложных вопросов сравнительной фонетики и морфологии отдельных ностратических групп, позволившее ему сформулировать ряд законов звуковых соответствий. Особенно велики достижения В. М. Иллич-Свитыча в сравнительно-исторической алтаистике и семито-хамитологии. А. Б. Долгопольский подчеркнул, что значение работ В. М. Иллич-Свитыча в полной мере станет очевидно после опубликования всех его работ.

Закрывая заседание, С. Б. Бернштейн отметил, что в докладах были освещены только некоторые стороны научной деятельности В. М. Иллич-Свитыча. Ряд важных проблем, в изучении которых В. М. Иллич-Свитыч внес существенный вклад (например, в балтийское языкознание), на заседании не были охарактеризованы. Он отметил также, что многое из сделанного В. М. Иллич-Свитычем ждет опубликования и что издание его научного наследия — долг и перед памятью В. М. Иллич-Свитыча и перед наукой. С. Б. Бернштейн сообщил, что в ближайшее время выйдет в издательство 1-й том этимологического словаря ностратических языков.

В зале, где проходило заседание, работниками библиотеки Института славяноведения АН СССР (зав. библиотекой — А. Я. Огнева) были оформлены стенды с печатными трудами В. М. Иллич-Свитыча.

Г. Венедиктов

CONTENTS

Towards the 50-ieth anniversary of the October Revolution. *Khristo Khristor* (Bulgaria). The Great October Socialist Revolution and the labour movement in Bulgaria. *Henryk Malinowski* (Poland). The influence of the Great October Socialist Revolution on the Polish labour movement (1917—1919). *Nikola Petrović* (Jugoslavia). The October Revolution and the peoples of Jugoslavia. *Zdeněk Solle* (Czechoslovakia). The Great October Socialist Revolution and the emergence of Czechoslovakia. The problems of the history and culture. *B. N. Topornin*. The main trends of the Constitutional development in Czechoslovakia (after 1945, May 9th). *B. Markov* (Jugoslavia). On the grammatical gender of the «europeisms» in the southern Slav languages. *N. Prokofieva*. Karel Purkine and his place in the Czech plastic arts of the XIX century. *V. D. Koroliuk*. E. N. Goliakhovsky an illustrator of the Czech and Slovak literature. *I. Saritzky* (Czechoslovakia). A new life of the Russian library in Prague (the history of A. F. Smirdin's book collection)... 3

BIBLIOGRAPHY

Reviews and review-articles

L. B. Valev. The Modern and contemporary history of Bulgaria in the works by the modern Bulgarian scientists (1944—1966). *Igor Belza*. Leo Tolstoy's ties with Poland. *V. R. Leikina-Seirskaya*. Wiktoria Sliwowska. Mikołaj I i jego czasy (1825—1855). *S. N. Zlupko*. М. Д. Бичваров, В. С. Горський. Українсько-болгарські філософські зв'язки (друга половина XIX ст.) *L. Ya. Gibianski*. A useful publication. *I. K. Gorsky*. H. Markiewicz. Główne problemy wiedzy o literaturze. *Yu. Bogdanov*. A. Matuška. Rudolf Jašik. *I. K. Gorsky*, *A. V. Kallosh*. A Yugoslav scientist about the novels of a Polish writer. *A. P. Solovyeva*. «Literární archív». *A. I. Rogov*. Ryszard Łużny. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. *M. A. Mikhailov*. R. Lötsch. Einheit und Gliederung des Sorbischen. 58

Bibliographical Index

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1966—1967 (continued). The contents of foreign periodicals 99

SCIENTIFIC LIFE

L. Ya. Gibianski. The scientific conference on the international importance of the Great October Socialist Revolution. *A. Maldis*. The development of the Byelorussian slavistics in the field of literary studies. *L. K.* «The reason's mysteries» (a reader's notes), *G. Venediktov*. A Meeting in Memory of V. M. Illich-Svitych 126

17

В № 1 журнала «Советское славяноведение» за 1967 г.
обнаружена следующая опечатка:

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
89	Прав. столб. 1—4 св.	(стр. 63): копии были сделаны самим Ходаковским и предоставлены (вместе с оригиналами) Максимиовичу вдовой Ходаковского.	(стр. 63).

Цена 1 руб.

Индекс 70891

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Готовится к печати книга:

Шмераль Я. Б. СОЗДАНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ГОСУДАРСТВА. 20 л. 1 р. 45 к.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на развитие революционного движения народных масс и в чешских землях, и в Словакии и имела большое значение для образования чехословацкого государства. В книге подробно рассматриваются предпосылки возникновения Чехословацкой республики. В работе дается характеристика возникновения государства, рассматривается деятельность правительств, политических партий. Используя большое число архивных источников, автор разоблачает закулисные махинации многих буржуазных деятелей того времени.

Книга рассчитана на историков, экономистов, юристов, а также на широкий круг пропагандистов, студентов и аспирантов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

А Д Р Е С А М А Г А З И Н О В « А К А Д Е М К Н И Г А »:

МОСКВА, УЛ. ГОРЬКОГО, 8 (МАГАЗИН № 1); МОСКВА, УЛ. ВАВИЛОВА, 55/5 (МАГАЗИН № 2); ЛЕНИНГРАД, Д-120, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСПЕКТ, 57; СВЕРДЛОВСК, УЛ. БЕЛИНСКОГО, 71-в; НОВОСИБИРСК, КРАСНЫЙ ПРОСПЕКТ, 51; КИЕВ, УЛ. ЛЕНИНА, 42; ХАРЬКОВ, УФИМСКИЙ ПЕР., 4/6; АЛМА-АТА, УЛ. ФУРМАНОВА, 139; ТАШКЕНТ, УЛ. К. МАРКСА, 29, УЛ. ШОТА РУСТАВЕЛИ, 43; БАКУ, УЛ. ДЖАПАРИДЗЕ, 13; УФА, 55, ПРОСПЕКТ ОКТЯБРЯ, 129, КОММУНИСТИЧЕСКАЯ, 49; ФРУНЗЕ, БУЛЬВАР ДЗЕРЖИНСКОГО, 41.

«АКАДЕМКНИГА»